

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Я З Ы К О З Н А Н И Я

В О П Р О С Ы
Я З Ы К О З Н А Н И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

И Ю Л Ь — А В Г У С Т

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА — 1967

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ ОБЩЕЙ И СЛАВЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

О. Семереньи (Фрейбург). Славянская этимология на индоевропейском фоне	3
Э. А. Макаев (Москва). Реконструкция индоевропейского этимона	26
О. Н. Трубачев (Москва). Работа над этимологическим словарем славянских языков	34
Ф. Безлай (Любляна). Опыт работы над еловенским этимологическим словарем	46
Ф. Славский (Краков). Из опыта работы над этимологическим словарем польского языка	55
Г. Барци (Будапешт). Современное состояние исследований лексики венгерского языка	60
Ж. Ж. Варбот (Москва). О словообразовательной структуре этимологических гнезд	67

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

М. В. Витов (Москва). Севернорусские топонимы XV—XVIII вв.	75
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Э. В. Севортян (Москва). Тюркологическая работа в Турции	91
--	----

Рецензии

В. И. Лыткин (Москва). <i>A. Kövesi M. A permi nyelvek ősi kérézói</i>	102
В. В. Шеворошкин (Москва). <i>L. Zgusta. Kleinasiatische Personennamen</i>	106
Е. М. Поспелов (Москва). «Russisches geographisches Namenbuch»	116
М. Г. Ашукينا (Москва). <i>А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода</i>	118
Новые издания	121

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В. Д. Беленькая, А. В. Суперанская (Москва). Современное состояние ономастики как науки	122
Хроникальные заметки	126

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ ОБЩЕЙ И СЛАВЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

О. СЕМЕРЕНЬИ

СЛАВЯНСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ НА ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ФОНЕ

В нашей работе «Принципы этимологических исследований индоевропейских языков»¹ был предложен перечень правил, который позволил бы исследователю прийти к методически правильному решению. Поскольку индоевропейская этимология в достаточной степени исследованная область, во многих случаях ученому остается лишь выбрать одну из гипотез, предложенных за последнее столетие. В этой работе по проверке и переоценке этимолог не нуждается в каких-либо совершенно новых руководящих принципах. Все, что ему нужно, это своего рода напоминание о тех принципах, которыми он пользуется в своей ежедневной практике. В перечне этих принципов следует назвать принципы, касающиеся фонологии, морфологии и семантики. Разумеется, они не должны применяться изолированно, а только вместе, так как этимолог лишь в том случае может решить свои проблемы, если он исследует их со всех возможных точек зрения. Есть нечто искусственное в подборе примеров применения этих принципов. Но так как сама процедура не вызвала каких-либо неясностей в упоминаемой статье, можно надеяться, что и в настоящей работе она не послужит причиной каких-либо недоразумений.

¹ O. Szemerényi, Principles of etymological research in the Indo-European languages, сб. «II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft», Innsbruck, 1962. К указанной там библиографии (стр. 175, примеч. 1) я могу теперь добавить: E. Gamillscheg, Zur Methodik der etymologischen Forschung, ZfS, 50, 1927, стр. 219—298; J. Vendryès, Sur l'étymologie croisée, BSLP, 51, 1, 1956, стр. 1—8; H. Kuen, Die Sprachgeographie als Helferin der Etymologie, «Etymologica. Festschrift Wartburg», 1958, стр. 455—475; Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, 5-е изд., Киев, 1958, стр. 466—473; O. Jespersen, Language, its nature, development and origin, London, 11-th ed., 1959, стр. 305; Y. Malkiel, Etymology and general linguistics, «Word», XVIII, 1962, стр. 198—219; К. А. Левковская, Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962, стр. 26 и сл. (обзор современной советской литературы); G. Colón, L'étymologie organique (о статье Видоша), «Revue de linguistique romane», 26, 1962, стр. 170 и сл.; О. Н. Трубачев, К вопросу о реконструкции различных систем лексики, «Лексикографический сборник», 6, 1963, стр. 3—16; L. Kiss, Kisértetek etimológiai képletek felállítására, «Magyar Nyelv», LX, 3, 1964, стр. 314—321; H. Meier, Zur Geschichte der romanischen Etymologie, «Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen», 201, 2, 1964, стр. 81—109 (на стр. 107 — хронологическая таблица разработки этимологии романских языков с 1855 по 1964 г.); F. Stolz, J. H. Schmalz, Lateinische Grammatik, bearb. von M. Leumann, J. B. Hofmann, A. Szantyr II, München, 1965, стр. 76*; J. Orelt, Etymologie, в кн. «Reallexikon für Antike und Christentum», VI, Stuttgart, 1965, стр. 797—844 (о классической и христианской этимологии); P. Ramat, Omerico KHP: Saggio di un'analisi strutturale, «Archivio glottologico italiano», 50, 1966, стр. 121—152 (особенно стр. 131 и сл.).

В дополнение к трем упомянутым принципам представлялось полезным дать более позитивное руководство для тех случаев, когда существующая практика расходится с результатами, достигнутыми в области лингвистической географии. Эти принципы также основаны на хорошо известных фактах и кажутся целесообразными в том смысле, что привлекают внимание исследователя к материалам и рассуждениям, не настолько самоочевидным, как в предыдущих случаях.

Выделяемые нами принципы полезны и применимы ко всем индоевропейским языкам, хотя иллюстративный материал для первой статьи ограничивался, за незначительными исключениями, классическими языками. Тем более привлекательна возможность показать их ценность в совершенно иной отрасли индоевропейского языкознания — в славистике.

I

Природа лингвистической структуры требует от этимолога постоянного внимания ко всем вопросам фонологии, морфологии и семантики, связанным с объектом его исследования. В соответствии с этим могут быть сформулированы следующие три принципа, носящие в значительной степени характер предупреждения. Эти правила несколько отличаются от тех, которые были даны в нашей предыдущей работе.

А. Этимолог должен проверить каждый этимон с точки зрения фонологии — даже если он кажется самоочевидным. Сугубое внимание к подобным «мелочам» зачастую позволяет отбросить традиционно принятый этимон и отыскать правильный.

1. Древнеславянский послелог *radi* хорошо известен в восточнославянских и южнославянских языках, тогда как в западной группе он не отмечен. Он сочетается с родительным падежом. Его употребление может быть видно из таких древнерусских сочетаний как : бога ради, чьа ради, усьпѣха ради, жикота ради (ради жизни), заповѣди ради божия, пречистыи ради богоматери, красоты ради, отца ради, и т. д. (Срезневский, III, стлб. 11 и сл.). Особенно интересны обороты с родительным местоимения типа того ради, сего ради. Как давно уже было отмечено², этот вид словосочетаний точно соответствует древнеперсидскому обороту *avahya rādiy* «вследствие этого, по этой причине», который встречается пять раз в Бегистунской надписи. Но в других двух местах этот послелог встречается в сочетании с именами существительными во второй надписи Дария в Накш-и-Рустам (Nb. 9 и сл.): *tunuvatahya rādiy* «из-за могущественного (богатого) человека» и *skauvaiš rādiy* «из-за бедного человека».

Совпадение слав. *radi* и др.-перс. *rādiy* как в фонетической форме, так и в функции и конструкции настолько полно, что можно его назвать тем идеальным случаем, какого может только желать этимолог. Действительно, Френкель заметил, что слав. сего ради «является точным соответствием» др.-перс. *avahya rādiy*; эта мысль есть не что иное, как отголосок более ранних констатаций Мейе, аналогичная точка зрения высказывается и в трудах Бартоломе, Преображенского, Фасмера, Кента, Садник и Айцетмюллера, Бранденштейна-Майрхофера и др.³. Если это верно,

² Возможно, впервые Эбелем: «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slavischen Sprachen», hrsg. von A. Kuhn und A. Schleicher, I, 1858, стр. 426.

³ E. F r a e n k e l, Die baltischen Sprachen, Heidelberg, 1950, стр. 110; A. M e i l l e t, RESI, 6, 1926, стр. 166; A. M e i l l e t — A. V a i l l a n t, Le slave commun, 2-me éd., Paris, 1934, стр. 466, 478, 507; A. M e i l l e t, Grammaire du vieux-perse, 2-me éd., corrigée et augmentée par E. Benveniste, Paris, 1931, стр. 229; C h r. B a r t h o l o m a e, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904, стр. 1521; А. П р е о б р а ж е н с к и й, Этимологический словарь русского языка, М., 1910—1918, стр. 172;

встает вопрос об интерпретации столь близкого соответствия грамматических элементов. На этот вопрос недавно довольно ясно ответил Шевелев⁴. По его мнению, тысячелетнее тесное общение славянских и иранских племен на юге России нашло отражение не только в ономастике, но и «в некоторых формальных компонентах в славянском, которые объединяют его только с иранским (или индоиранским)», например, *radi*: др.-перс. *rādiy*⁵. В самом деле, удивительно наблюдать ту уверенность в идентичности славянского и иранского послелогов, которую проявляют одинавторы за другим — без всякого сомнения в возможности ошибки при сравнении. Насколько известно, досих пор никто не высказывал мысли, что указанное сопоставление в той форме, в которой оно делается, невозможно. Идентичность славянской и древнеперсидской форм — какующаяся, на самом деле ее нет. Обычно считалось, что древнеперсидский послелог, который неизменно пишется *ra-a-di-i-ya*, был *rādi*. В этом случае иранской форме должно было бы соответствовать только слав. **radь*, но мы имеем *radi*. С другой стороны, славянская форма, на первый взгляд, предполагает предшествующее образование с *i*-дифтонгом, вероятно **rādei* (реконструкция, предложенная Траутманом⁶; этой форме, однако, соответствовала бы в др.-перс. **rādaiy*, но не *ra-a-di-i-ya*. Древнеперсидское образование обычно рассматривается как локатив единственного числа от незавидетельствованного корневого имени *rād-*, для которого Бартоломе предпологает значение «ratio, causa»; славянское слово, насколько известно, не было проанализировано, но оно не может быть той же надежной формой от того же корневого имени.

Таким образом, более пристальное внимание к «мелочам» с точки зрения фонологии обнаруживает, что распространенная идентификация древнеперсидского и славянского послелогов — столь очевидная на первый взгляд — несостоятельна. Что же мы должны делать в этом случае? Должны ли мы принять упомянутую морфологическую интерпретацию и довольствоваться утверждением, что обе формы сходны, но не идентичны? Принимаемая во внимание абсолютное совпадение функций, это решение не представляется удовлетворительным, в особенности потому, что этимология слова неясна как в иранском, так и в славянском, что указывает на то, что послелог был в обоих языках наследием праязыкового периода. К счастью, можно без затруднений совместить функциональное тождество с полным формальным тождеством — если мы освободимся от первого впечатления и продолжим логическое рассуждение.

Как мы видели, древнеперсидское написание *ra-a-di-i-ya* не может быть интерпретировано как передающее **rādai*, единственную форму, которая может быть сопоставлена со слав. **rādei*. Но это не значит, что, как принято считать, единственной альтернативой является форма **rādi*. Поскольку древнеперсидская форма может читаться также как *rādi*,

M. V a s m e r, Russisches etymologisches Wörterbuch, I—III, Heidelberg, 1953—1958 (далее сокращенно: REW), II, 1955, стр. 482; R. K e n t, Old Persian, 2-nd. ed., New Haven (Conn.), 1953, стр. 205; L. S a d n i k, R. A i t z e t m ü l l e r, Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten, Heidelberg, 1955, стр. 292; W. B r a n d e n s t e i n, M. M a u r h o f e r, Handbuch des Altpersischen, Wiesbaden, 1964, стр. 141.

⁴ G. Y. S h e v e l o v, A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic, Heidelberg, 1964, стр. 615.

⁵ См. также работу А. А. З а л и з н я к а «О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами» («Краткие сообщения [Ин-та славяноведения АН СССР]», 38, М., 1963, стр. 12), который указывает на заимствование, возможность чего отрицается П. С. К у з н е ц о в ы м (см. его «Очерки по морфологии праславянского языка», М., 1961, стр. 47).

⁶ R. T r a u t m a n n, Baltisch-slavisches Wörterbuch, Göttingen, 1923, стр. 235.

а слав. *radi* может восходить как к **rādei*, так и к **rādī*, мы вправе считать, что оба послелога отражают общее предшествующее образование, которое, вопреки внешнему впечатлению, имеет конечный долгий *-ī*.

Неужели же это единственный выигрыш, который мы можем получить, строго придерживаясь наших принципов? Тогда как морфологический анализ представлялся до сих пор затруднительным — фактически ученые отказались от него, — сейчас мы можем к нему перейти. Древнеперсидская форма является твор. падежом ед. числа существительного *i*-основ **rādi-*, образованным удлинением суффиксальной гласной. Твор. падеж на *-ī* и *-ū* от *i-* и *u-*основ часто встречается в Авесте (например, *ašī* «доля», *pai-tī* «муж», *xratū* «мудрость», *vohū* «добро»), кроме случаев с *-yā, -vā* в основах с чередованием *i/y, u/w* (например, *haša* «друг», *xratvā* наряду с *xratū*); нет сомнения, что первая форма древнее, так как она отражена в Ведах (*ūtī*)⁷. В славянском историческое окончание твор. падежа ед. числа основ на *i-* — *-ьтъ* для муж. рода и *-ьјо* для жен. рода. Но Вайан правильно указывает, что эти окончания вытеснили более раннее *-ī*, общее для муж. и жен. родов, которое сохранилось в др. -литов. *naktī* и др. -русск. *čī* и скрыто в ц.-слав. *čī-ть* и *si-ть*⁸. То, что *radi* было именно падежной формой, подтверждается тем фактом, что в старославянском это единственный послелог, и тем, что он сочетается с (первоначальным) родительным падежом⁹.

Мы вправе считать, таким образом, тождественность старославянского и древнеперсидского послелогов твердо установленной, причем форму **rādī* следует рассматривать как твор. падеж ед. числа основы на *-i*. Но это абсолютное формальное и функциональное соответствие вновь наталкивает на вопрос о том, является ли эта форма и в том и другом языке унаследованной из индоевропейского, или она результат лингвистического контакта, что значило бы, по всей вероятности, что славянский заимствовал послелог из иранского. Как мы уже видели (примеч. 5), это мнение оспаривает П. С. Кузнецов на том основании, что, во-первых, в самом древнеперсидском *rādiy* встречается только в одном выражении (*avahya rādiy*), хотя в пехлевийском и в новоперсидском оно получило широкое распространение, и, во-вторых, оно не представлено во всех иранских диалектах, в частности в Авесте.

Но это утверждение не совсем верно. В древнеперсидском послелог употреблялся не только с указанным местоимением, но также и с существительными (ср. приведенные выше примеры). Более того, хотя слово не отражено в Авесте, теперь оно известно в парфянском (*rād*), хорезмийском (*dār*) и согдийском (*pyδ'r*)¹⁰, так что **rādī* следует признать общеиранским элементом. На этом основании предположение о заимствовании не может быть полностью отвергнуто.

Значительно большую важность имеют словообразовательный и семантический аспекты проблемы. Принято считать, что иран. *rādī* связано с авест. *rād-* «готовить», др.-инд. *rādh-noti* «готовить, совершать», гот. *ga-redan* «auf etwas bedacht sein, Sorge tragen». Это значит, что иран. *i*-основа **rād-i-* продолжает и. -е. **rēdh-i-*, или, возможно, **rōdh-i-*. С другой стороны, сопоставление слав. *radi* с иран. *rādī* на индоевропейском уровне

⁷ J. Wackernagel, A. Debrunner, Altindische Grammatik, III, Göttingen, 1930, стр. 145 и сл.; см. также: O. Szemerényi, KZ, 76, 1960, стр. 77.

⁸ A. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves, II, Lyon — Paris, 1958, стр. 134 и сл.

⁹ A. Meillet, A. Vaillant, Le slave commun, стр. 478.

¹⁰ См.: В. В. Hennig, Handbuch der Orientalistik, IV, 1, 1958, стр. 98; М. В. Оузе, «Uvvala memorial volume», 1964, стр. 53; П. С. Кузнецов (указ. соч.) обращает внимание на тот факт, что условия превращения русск. *radi* в предлог до сих пор не выяснены.

возможно только в том случае, если мы исходим из и. -е. **rōdhī*. Это мало вероятно, так как в основах на *-i* мы ожидали бы нормальную ступень корня (и. -е. **rēdh-i*) или нулевую ступень (и. е. **rādh-i*), но не ступень *-o*. Если бы мы были уверены, что ступень *-o* невозможна, мы имели бы доказательство, решительно говорившее в пользу заимствования из иранского. К сожалению, *o*-ступень не может быть отвергнута со всей определенностью, и под этим углом зрения ответ остается *non liquet*.

С точки зрения семантики этимологизация иранского *rādī* от *rād*- остается неудовлетворительной. Как мы видели, Бартоломе предполагает для этого корневого имени значение «ratio, causa», но трудно представить, как это значение можно вывести из *rād*- «готовить». На славянской почве также трудно увидеть семантическую связь между *radi* и обычно сопоставляемой группой слов в церковнославянском (*ne*-)*raditi*, *-roditi* «заботиться». Сравнение несостоятельно и с формальной стороны, если прав Вайан, возводивший эту группу слов в славянском к *ard*-¹¹, так как *radi*, как показывает др.-перс. *rādī*, не может восходить к этому корню. С другой стороны, слав. *radi* может быть вполне удовлетворительно и фонетически, и морфологически, и семантически сопоставлено с прилагательным *radъ* «веселый». С точки зрения морфологии сосуществование прилагательного основ на *-o* с существительным основ на *-i* — явление достаточно частое. С точки зрения семантики достаточно указать на греч. *χαρι*, лат. *gratia*. С точки зрения фонетики сравнение не нуждается в дальнейших уточнениях.

Пока что кажется, что в то время, как слав. *radi* легко объясняется внутри славянского, иран. *rādī* совершенно изолировано. Но семантическая связь, только что установленная между слав. *radi* и *radъ*, помогает нам вывести и иран. *rādī* из изоляции. Кажется, до сих пор не отмечалось, что славянский корень *rād*- имеет точное соответствие в иранском. В Авесте (Гаты) мы находим прежде всего сравнительную степень *urvāidyah*- «der freudigere» и абстрактное существительное на *-s* *urvādah*- «Freude, Wonne»; глагольный дериват этого корня *urvād*- в Гатах и более позднее *urvāz*- «laetari», от которого в дальнейшем были образованы *urvāzā* (жен. род) «Freude, Seligkeit», *urvāzēman*- (ср. род) — то же, и превосходная степень *urvāzišta*- «am meisten Freude bereitend, wönigst». Все эти образования представляют первоначальный корень *wrād*- «(быть) радостным, веселым». Наличие производной основы *urvāz*- и раннего *wrāz*- позволяет решить один иначе неясный вопрос. Так как *wrāz*- образовано от *wrād*- с помощью суффикса *-s*, а *z* из *d* + *s* возможно только в случае, если *d* продолжает первоначальное *dh*, ясно, что первоначальная форма глагольной основы была **wradh* и развитие идет в соответствии с законом Бартоломе от *dhs* через ступень *dzh* к *dz* и, наконец, к *z*¹².

Развитие др.-иран. *wrād* из арийск. *wrādh*- «радостный, веселый» имеет значение в двух отношениях. Во-первых, как об этом говорилось выше, др.-перс. *rādī* представляется теперь производным от более раннего **wrādī*, твор. падежа от существительного основ на *-i* **wrād* (*h*)-*i*- «радость,

¹¹ A. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves, I, Lyon — Paris' 1950, стр. 163 (так уже: A. Brückner, «Wörter und Sachen», KZ, XLV, 2, 1912, стр. 108, примеч. 1); ср. также: G. Y. Shevelov, указ. соч., стр. 394—395.

¹² Материал см.: Ch r. Bartholomae, указ. словарь, стр. 1543 и сл.; толкование *urvāz*- см. стр. 1544. Для *urvāzā* отмечу также сирийск. *rvāza* «exultatio» (Tedesco, «Zeitschrift für Indologie und Iranistik», II, 2, 1923, стр. 53). Не совсем ясно, можно ли отождествлять наше *wrādh*- с вед. *wrādh*- «stark sein» (мнение Гайгера, принятое Кёйпером, см.: F. B. J. Kuiper, Zur Geschichte der indoiranischen s-Präsentia, «Acta orientalia», XII, 3—4, 1934, стр. 282). О дальнейшем развитии этих форм в среднеиранском (*urwāhm* и пр.) см.: W. B. Henning, «Transactions of the philological society», 1944 (1945), стр. 109.

удовольствие»¹³. Кроме того, оно присутствует в Авесте; теперь мы видим, что *wrād-* представлено в обеих ветвях древнеиранского. Во-вторых (и для слависта это имеет особое значение), слав. **radъ* теперь должно быть возведено к более раннему **wradъ*, которое утратило *w* по закону Лидена¹⁴. В частности, интересно соответствие иранской сравнительной степени *wrād-iyah-* и славянской положительной степени **wrad-o-*. Это сопоставление заставляет нас отклонить сравнение с др.-англ. *rōt* «froh, edel»: в этом случае др.-англ. слово должно было бы иметь форму **wrod*.

Итак, слав. *radi* и др.-перс. *rādiy* представляют собою твор. падеж ед. числа от существительного основ на *-i-^{*}wrādh-i-* «радость, удовольствие», которое тесно связано в славянском с *radъ* «радостный, веселый», в иранском — с различными производными от **wrādh-* «быть веселым, возбужденным». Так как обе группы слов надежно представлены в соответствующем лингвистическом окружении, нет необходимости считать слав. *radi* заимствованием из иранского (или *rādiy* из славянского)¹⁵.

2. В только что рассмотренном случае анализ фонетических трудностей не привел к отбрасыванию самоочевидного сопоставления, но к его морфологическому и этимологическому переосмыслению. Но фонетические недостатки могут указывать также на несостоятельность принятого сравнения. Таков случай с ц.-слав. жлѣти «επιθυμῆν, θέλειν» и т. д.

Этот глагол и его многочисленные производные хорошо представлены во всех славянских языках. Обычно его связывают с греч. θέλω¹⁶. Но это сравнение игнорирует определенные исторические факты в греческом. А. Дебруннер убедительно доказал несколько лет назад, что θέλω образовано вторично путем афезиса из более раннего ἐθέλω¹⁷. Всякое сравнение греческого слова должно исходить из того факта, что оно имело начальнѣй гласный — и поэтому какая-либо связь со славянским глаголом должна быть отвергнута. К счастью, в том же греческом есть другое соответствие, свободное от подобного недостатка. Как показано в моей недавней статье, слав. *žel-* надо сопоставить с греч. βούλομαι, причем обе формы продолжают и.-е. **gwel-* «хотеть, желать».

Это означает также, что слав. *žalděti* «desiderare» точно соответствует санскр. *grdhyati* «быть жадным, сильно желать», *gardha-* «желать», авест. *garəda-* «gierig, hastig» (во всех указанных случаях мы имеем дело с производными от и.-е. **gwel-dh-*, но не от **gheldh-*). Если слав. **goldo-* «го-

¹³ Это показывает, что начальная группа *wr-* утратила свое *w-* в древнеперсидском, в то время как в Авесте она развивалась иначе. Следовательно, даваемое Гершевичем др.-перс. *vratiyaiy* (Mithra, 184), становится более чем сомнительным в свете лингвистических данных.

¹⁴ Надо надеяться, что этот новый пример усилит аргументацию Лидена, которая часто характеризуется как не совсем надежная (например: A. Vaillant, Grammaire comparée..., I, стр. 95; О. Н. Трубачев, Славянские этимологии 8—9, в сб. «Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов», София, 1957, стр. 338—339; G. Y. Shevelov, Prehistory... стр. 196).

¹⁵ Корень **wrādh-*, который in abstracto мог иметь и.-е. *ā* или *ō*, с точки зрения структуры вернее всего должен был иметь *ā* и является формой с расширителем от корня **wrā-*; ср., например: E. Benveniste, Origines de la formation des noms en indo-européen, I, Paris, 1935, стр. 193, об авест. *rād-*. Что касается более далеких родственных образований, можно думать о греч. *Frā-* в *φράδιος*. Еще интереснее для слависта возможность новой, внутренней, интерпретации слова *rai-*: вместо семантически неправдоподобной связи с *roi-, srojь* «слияние», или иран. *rayiš* «богатство», мы должны исходить из значения «радость, блаженство», т. е. **wrā-yo-s*; для подтверждения семантического развития ср. религиозно-асхатологические значения *urvāzā* и др., о которых говорилось выше. Первая часть этого нового толкования, касающаяся основной формы *rādī*, была опубликована [«Festschrift Eilers» (=«Die Sprache», XIII, 2, 1967, стр. 190)].

¹⁶ См., например: M. Vasmer, REW, I, стр. 414.

¹⁷ A. Debrunner, Das Augment ἦ-, «Festschrift für F. Zucker zum 70. Geburtstag», Berlin, 1954, стр. 83—110, особенно стр. 105.

лод», что очень вероятно, непосредственно связано с **žldēti*, то оно продолжает **gʷoldho*-¹⁸.

Б. Если данный этимон, будучи в своей сущности очевидным, расходуется с правилами словообразования, исследователь должен искать более экономное решение.

1. Прекрасной иллюстрацией эвристической ценности этого принципа служат славянские количественные числительные от 5 до 9¹⁹. Они являются отвлеченными существительными, тесно связанными с соответствующими порядковыми числительными. При исследовании природы этих так называемых отвлеченных имен возникают большие трудности. Так «5» — *peťь* в славянском несомненно существительное основ на *-i*. Но было ли оно на самом деле образовано по основам на *-i*? Если так, то мы должны были бы иметь **pešь*. Ряд ученых предполагает, что *peťь* происходит от и.-е. формы, соответствующей вед. *pañkti-*. Но, обращая внимания на проблематичный характер самого *pañkti-*, следует задать вопрос, почему в славянском возникла необходимость заменить и.-е. **penkʷe*; почему нет следов аналогичных образований на *-ti* в балтийском. Эти и подобные вопросы возникают в отношении всех количественных числительных от 5 до 9, и не последняя трудность заключается в том, что в конце первого десятка мы находим *desęt-* основу на согласный, но не на *-i* или *-ti*.

Ясно, что произвольность, с которой предполагались *i*- или *-ti*- основы, указывает на несостоятельность такого подхода. Мы не можем надеяться найти правильное решение до тех пор, пока не выясним, что произошло в славянском с унаследованной системой количественных числительных. И здесь мы обнаруживаем, что унаследованная система в результате определенных фонетических изменений пришла к противоречиям, которые не только вызвали перестройку всей системы, но указали и путь к такой перестройке.

Индоевропейская система и ожидаемый результат ее развития в славянском выглядят следующим образом:

и.-е.	слав.	и.-е.	слав.
5 <i>penkʷe</i>	* <i>peše</i>	5-й <i>pañkʷtos</i>	<i>peťь</i>
6 (<i>k</i>) <i>seks</i>	* <i>še</i>	6-й (<i>k</i>) <i>sektos</i>	<i>šestь</i>
7 <i>septm</i>	* <i>setь</i>	7-й <i>septmos</i>	<i>sedmь</i>
8 <i>oktō</i>	* <i>osta</i>	8-й <i>oktowos</i>	* <i>ostovь</i>
9 <i>newn</i>	* <i>nevь</i>	9-й <i>newnos</i>	* <i>n(j?)ūnь</i>
10 <i>dekmt</i>	<i>desę(t)</i>	10-й <i>dekmtos</i>	<i>desętь</i>

Видно, что в то время как порядковые числительные (за исключением 8-го и 9-го) точно продолжают унаследованные формы, количественные не сохранились, за исключением 10. Причина этого также ясна: фонетическое развитие привело к такому положению, при котором количественные числительные оказались практически не связанными с порядковыми. Был ли выход из этого затруднительного положения? Взгляд на таблицу обнаруживает, что утвердившаяся впоследствии система *i*-основ предвосхищена только в одном пункте, а именно в числительном 7. Здесь развитие от и.-е. *m* к слав.-ь привело к образованию формы, подобной

¹⁸ Детальный анализ всех этих проблем дан в ст.: O. Szemerényi, The labiovelars in Mycenaean and historical Greek, «Studi micenei ed egeo-anatolici», I, Roma, 1966, стр. 42 и сл.

¹⁹ См.: O. Szemerényi, Studies in the Indo-European system of numerals, Heidelberg, 1960, стр. 104 и сл., особенно стр. 111.

основам на *-i*. Очевидно, что дальнейшее развитие должно было начаться именно в этом основном пункте. Историческое **sedmь* не является образованием основ на *-i*, но результатом преобразования унаследованного **setь* под влиянием порядкового *sedmъ*, результатом смешения **setь* × *sedmъ*. Также ясен случай с числительными 8—8-й: унаследованные формы под влиянием отношения 7—7-й были преобразованы в *os (t)мь* — *os (t) мъ*. Таким образом, в результате процесса аналогии два числа ряда 5—10 приобрели форму основ на *-i*. Более того, они обнаружили четкую взаимосвязь между числительными количественными и порядковыми, которой давно уже не было у других членов ряда, может быть, за исключением 10—10-й. Противопоставление в случае 7—8 выражалось просто: *-ь* в количественных числительных, *-ъ* — в порядковых. Ясно, что это должно было привести к инновации в числительных 5—6: несвязанные ряды *peče/petъ*, *še/šestъ* были заменены регулярными парами *peťь/peťь* и *šestъ/šestъ*. Под влиянием 10 *nevь/n(j)ŭnъ* сначала было преобразовано в *devь/devetъ*, а последнее под влиянием числительных 5—8 в *devetъ/devetъ*. Числительное 10 последним уступило объединенному давлению ряда 5—9: в ц.-слав. *desetъ* все еще представлена основа на *-t*, хотя вторжение форм с *ti*-основой отчетливо видно.

Таким образом, новый ряд количественных числительных 5—9 в славянском возник не в результате сознательного образования *i*-основ на месте унаследованных форм. Начав с малого, со случайного факта, что унаследованная форма числительного 7 была подобна формам основ на *-i*, славяне постепенно построили новую систему, в чем не последнюю роль сыграло стремление скоррелировать ряды количественных и порядковых числительных, которые слишком далеко разошлись.

2. Слав. *roniti* «ронять, терять» обычно связывают с герм. *rannjan*, отраженным, например, в гот. *ur-rannjan* «aufgehen lassen», др.-в.-нем. *rennan* «ginnen machen, rasch laufen machen». Это влечет за собой предположение²⁰, что славянская форма продолжает и.-е. **roneyō*, которое существовало в германском также в виде **ranjan*, но под влиянием *rinnan* «течь, бежать» изменилось в *rannjan*. Это значит, что само *rinnan* должно быть произведено от **ren-w-ō*, и здесь возникают трудности морфологического характера. Корень **ren-* неизвестен в индоевропейских языках, он принят лишь затем, чтобы удовлетворительно объяснить славянское слово²¹, а этимология герм. *rinnan* от и.-е. **re-nw-ō*, т. е. от тематизированной формы **re-nw-mi*²², остается нереальной, так как форма настоящего времени с суффиксом *-ni* требует нулевой ступени кор-

²⁰ R. Trautmann, Baltisch-slavisches Wörterbuch, стр. 236 и сл.

²¹ Н. Йокль (N. Jokl, Beiträge zur albanischen Grammatik, 4 — Die Verbreitung der Dehnstufenbildungen im Albanischen, IF, 37, 1916—1917, стр. 91) выводит алб. *përrua/përroi* «Bach, Waldstrom, Tal» из *per-rën-*, но М. Фасмер (M. Vasmer, Studien zur albanesischen Wortforschung, Dorpat, 1921, стр. 50—51) показывает, что *përrua* не предполагает **rën-*, а просто заимствовано из болг. *пороу* «Bach, Regenbach» (как предполагал Мейер). Из более новых предположений (фрагм. *pa + rivus* или лат. *per-rivus*) см.: Е. Р. Хамп, The position of Albanian, «Ancient Indo-European dialects», ed. by H. Birnbaum and J. Puhvel, Berkeley — Los Angeles, 1966, стр. 102.

²² J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern, 1949—1959 (далее: IEW), стр. 328. О некоторых из этих проблем см. также: Н. Рих, *Hom. ῥῥῆται und die Verben ῥῥῶμι und ῥῥίω*, IF, 70, 1, 1965, стр. 25—49. Заметим, что слав. *rinoti* также проблематично из-за своего *i* (из *ei*?), так как и.-е. форма была **ri-neu-*; реконструируемую Швейцером форму *ῥῥt-vῥω* («Griechische Grammatik», I, стр. 694, 698), принятую Фриском [H. J. Frisk, Griechisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1954 (далее — GEW), II, стр. 417], в связи с наличием в ней *i* нельзя признать обоснованной. В этих условиях мы должны рассматривать *rinoti* как заимствование из герм. *rinnan*, где *-inn-* было передано как *-in-* (ср. *pěnedzъ*); Рикс (указ. соч., стр. 47) думает, что *rinoti* может быть результатом объединения типов *ῥῥῶμι* и *ῥῥῶμι*, но долгота *i* в *ῥῥίω* не первоначальна.

ня, что действительно подтверждается и.-е. **ǵ-nu-* (др.-инд. *ǵ-no-ti* и др.). Совершенно ясно, что герм. *rinnan* может быть реконструировано только как **rinwō*, тематизация **ri-neu-*, что снова подтверждается др.-инд. *ri-no-ti*. Это означает, что каузатив *rannjan* — собственно германское образование, основанное на ассимилированной форме с корнем *rinn-*. Если мы все же хотим сохранить сравнение *rannjan* = *roniti*, мы должны отказаться от мысли о происхождении из и.-е. источника: славянское слово может быть только заимствованием из германского.

3. Слав. **ārdla-* «плуг» засвидетельствовано в чеш. *rádlo*, словац. *radlo*, польск. *radło*, ц.-слав. *рало*, русск. (устар.) *рало* и пр. Ясно, что это слово тождественно ²³ лит. *ārklas*, латыш. *arklis*, и здесь возникает первая проблема, потому что балтийские формы могут продолжать только **ārtla-*, но не **ārdla-*. Должны ли мы в этом случае признать, что эти формы — независимые образования? По-видимому, это невозможно, так как слово целиком унаследовано из индоевропейского. Мы вправе лишь предположить, что славянская форма — результат изменения из более раннего **ārtla-*: Миккола показал, что в славянских языках произошло озвончение *-tl-* в *-dl-*. Следовательно, мы можем возвести балтийские и славянские формы к общей праформе **ārtla-*. И здесь возникает вторая проблема. В значении «плуг» индоевропейские языки обычно употребляют форму **aratro-*; ср. греч. *ἄροτρον*, арм. *arawr*, лат. *arātrum*, ср.-ирл. *arathar*, уэльск. *aradr*, др.-исл. *arðr*. Можно сказать, что балто-славянская группа отличается от других индоевропейских языков тем, что в ней употребляется суффикс *-tlo* там, где другие используют *-tro-*. Но это опять-таки возможно лишь в том случае, если слово является новообразованием — если в индоевропейском не было слова в значении «плуг», но это, очевидно, не так. Следовательно, мы должны согласовать балто-слав. **ārt-la-* с и.-е. **aratro-*. Как только вопрос поставлен таким образом, ответ напрашивается сам собой: в балто-славянском первоначальная последовательность *-r — tr-* диссимилировалась в *-r — tl-* ²⁴.

Вместо того, чтобы предполагать морфологически необъяснимое чередование трех суффиксов (*-tro-/tlo-/dhlo-*)²⁵, мы получили два последовательных фонетических изменения: первое — общая для балтийского и славянского диссимиляция *-tro-* в *-tlo-*, второе — чисто славянское озвончение *-tlo-* в *-dlo-*. Дальнейшее внутриславянское изменение — разумеется, не имевшее места в западной группе, — упрощение *dl* в *l* ²⁶.

4. Сложные наречия *dъvašъdi*, *trišъdi*, а также *mъnogašъdi*, **sedъmišъdi*, очевидно, содержат имя со значением «ходьба», но морфологический анализ **šъdi* остается неясным. Лескин предположил, что *šъdi* (приносится *šъdi*, т. е. *žъdi*) преобразовано из *šъdy* под влиянием палатализованной группы *žъd*: в этом случае *šъdy* следует считать вин. падежом множественного числа от слова основ на *-o šъdъ* ²⁷. Совсем недавно Вайян

²³ Во всяком случае вряд ли кто-либо хотел в этом вопросе следовать за Зенном (KZ, 71, 1954, стр. 168), считающим эти формы совершенно различными в славянском и балтийском.

²⁴ См. мои возражения (O. S z e m e r é n y i, The problem of Balto-Slav unity — a critical review, «Kratylos», Jg. II, 2, 1957, стр. 120 и сл.)

²⁵ Например: A. M e i l l e t, Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, II, Paris, 1961, стр. 317 и сл.; А. П р е о б р а ж е н с к и й, указ. соч., II, стр. 180.

²⁶ Об этом изменении см.: A. V a i l l a n t, Grammaire comparée, I, стр. 88; G. Y. S h e v e l o v, Prehistory..., стр. 370; ни один из них не обсуждает озвончения *-tl-*. По этому вопросу см. примечания, данные в моем докладе об этимологических исследованиях («II. Fachtagung...»), стр. 209, примеч. 167.

²⁷ A. L e s k i e n, Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache, 2-te Aufl., Heidelberg, 1919, стр. 154; е г о ж е, Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache, 7-te Aufl., 1955, стр. 112.

предположил, что имя существительное, о котором идет речь, принадлежало основам на *-i šьdь*²⁸. Нет сомнения, что такое имя легко объясняет тот факт, что в адвербиальном словосочетании мы находим *šьdi* равно и после *dьva*, где ожидалось бы двойственное число, и после *tri*, где необходимо множественное, так как *šьdi* может быть и тем и другим. Но мы знаем по существительному *kratъ*, что в подобных адвербиальных конструкциях мы не можем ожидать абсолютной грамматической правильности: различные, первоначально объяснимые, формы включаются в комбинации, в которых они не должны были бы встречаться. Так, мы находим *dьva kraty*, когда должно было бы быть *krata*, *tri kraty*, но также *tri krata* и т. д. Следовательно, нет необходимости предполагать *šьdi* в качестве исходной формы; *šьdy* Лескина в *dvaždi* не более удивительно, чем параллельное *dьva kraty*.

Но с точки зрения славянского словообразования мы должны задать себе вопрос, возможна ли *šьd-* как основа существительного независимо от того, принадлежит ли слово основам на *-o* или основам на *-i*. Эта форма была предположена для объяснения написания. Но в праве ли мы предполагать наличие подобного существительного? Форма *šьd-* действительно существует, но только в причастии прошедшего времени *šьdъ*, *šьdlъ*. Имя же существительное *xodъ* — из первоначального **sodъ*. Очевидно, что в сложных наречиях мы имеем это имя, но в ослабленной форме *šьdy*, благодаря его ослабленной функции. Из первоначального словосочетания *tri sody*, из которого возникло *tri šьdy*, развилось *trišьdy* и др., а эта форма была распространена и на сочетания с *dьva*, где после а регулярным образованием было бы только *soda* (*xoda*). Ослабление *šьdy* в *šьdy* и даже *šьdy* сопоставимо с ц.-слав. *въčera* (из наречия *večera*²⁹) в более позднюю эпоху *čьtyre dvanad(e)set(e)* и т. д.

В. Если этимон вызывает предположение о необычном семантическом развитии, исследователь должен заново проверить этимологию с фонологической точки зрения. Часто результатом бывает открытие совершенно иного очевидного решения.

1. Подходящим примером служит слав. *ryba*. Фонетически это слово может быть отождествлено и действительно отождествлялось с др.-в.-нем. *rūr* (*pa*), совр. *Raure*, но как объяснить семантическую связь? В равной степени сомнительной остается этимология, связывающая это слово с глаголом *ryti*. Первое, семантически удовлетворительное предположение было сделано Р. Якобсоном уже в 1952 г.: он возвел это слово к **ūr-bā-*, отвлеченному производному существительному с суффиксом *-bā-* от **ūr-* «вода», что значило что-то вроде «водные» и было табуистической заменой слова «рыба» среди рыбаков³⁰. Это объяснение критиковал Топоров с разных точек зрения³¹: 1) суффикс *-bā* образует отвлеченные имена только от прилагательных и глаголов, но не от существительных; 2) нет убедительных примеров метатезы *ūrt-* > *rūt-*; 3) семантическое развитие тоже нуждается в дополнительном обосновании. Сам Топоров склонен исхо-

²⁸ A. Vaillant, Grammaire comparée..., II, 2, стр. 715.

²⁹ См.: E. Fraenkel, Zur Verstümmelung, bzw. Unterdrückung funktionschwacher oder funktionsarmer Elemente in den baltoslavischen Sprachen, IF, 41, 1923, стр. 420.

³⁰ R. Jakobson, On Slavic diphthongs ending in a liquid, «Word», VIII, 4, 1952, стр. 306; перепечатано в его «Selected writings», I, 's-Gravenhage, 1962, стр. 443, примеч. 1.

³¹ В. Н. Топоров, Из праславянской этимологии (*ryba*, *stepъ*), «Этимологические исследования по русскому языку», I, М., 1960, стр. 5—11.

дить из формы **rumbā*, связанной с литов. *rumbas* «рубец, шрам», русск. *рубить*; в особенности же прилаг. *рыбой* в связи с белорусск. *рябець* «лосось» кажется ему подходящей отправной точкой семантического развития от «лосось» к «рыба вообще».

Нет нужды говорить, что критическая сторона рассуждений Топорова более убедительна, чем позитивная, которая слаба как с точки зрения фонологии (*unT* > *ūT* более чем сомнительно³²), так и с точки зрения семантики. Критика вынудила Якобсона модифицировать свой этимон в некоторых отношениях³³. Он признает теперь, что *-bā* — не суффикс отвлеченных существительных, а суффикс существительных, обозначающих животных, — *-bo-*, так что значение **ūr-bhā* должно быть «Wassergemeinschaft» или «Seegeslecht», по-прежнему слово-табу; он приводит также несколько дополнительных примеров перехода *ūrT* - > *RūT-*, из которых особенно убедительным является пример древнерусского женского имени *Лыбедь* из др.-сканд. *Ultheiðr*. Достаточно странно, что он не предвидит некоторых возражений, сформулированных позже Шевелевым³⁴. Если, как это явствует из только что приведенного древнерусского имени, метатеза *ūrT* - > *RūT-* — явление позднее, форма **ūrbā* должна была бы приобрести протетическое *v-*, а оно должно было бы пережить метатезу: мы имели бы **vryba*, как **vrēme*, но не *ryba*; Якобсон сам предполагает эту протезу в своей интерпретации русск. диалектн. *вырей* «южная, теплая местность»³⁵.

Таким образом, мы встретились с этимоном, который семантически привлекательнее всех выдвинутых до сих пор, но требует определенных фонетических допущений, которые не могут быть признаны самостоятельными. Разумнее всего было бы сказать, что этимон слова *ryba* еще не найден. Однако хотелось бы указать на возможный выход из фонетических затруднений. Наилучшие параллели для якобсоновского *ūr-* дают балтийские языки: литов. *jūrės*, латыш. *juŗa*, др.-прусск. *iūrin* «море». Все они содержат протетическое *j-*, по-видимому, подтверждаемое арм. *jur* «вода». Если мы предположим праслав. **yūrbā*, фонетические трудности, указанные Шевелевым, кажется, отпадут: нет никакого сомнения, что после метатезы **jryba* должна была сократиться в *ryba*.

2. Слав. *gnětiti* «разжигать огонь» сравнивают с др.-прусск. *knaistis* «Feuerbrand» (которое, однако, имеет старое *k*) и с др.-в.-нем. *gnītan*, др.-англ. *gnīdan* «гереть»³⁶. Но та же германская группа сравнивается со слав. *gniti* «гнить»³⁷; возникает вопрос — который возник бы в любом случае — оправдана ли эта этимология семантически. С этой точки зрения, вероятно, должно казаться происхождение этого слова от **ognētiti*, от *ognь*, с хорошо известным процессом отпадения приставки, успешно разработанным Вайяном. Сюда же относится удачное объяснение Мартыновым слав. **gněvati se* как результат отпадения приставки в **ogněvati* (более раннее **ognevati* от *ognь*)³⁸.

3. Общеслав. **skovorda* или **skovordy*/-*ъve* подтверждается ц.-слав. *скокрада*, русск. *сковорода*, польск. *skowroda*, др.-чеш. *skravada* и пр.

³² См.: G. Y. Shevelov, указ. соч., стр. 325 и сл.

³³ R. Jakobson, Selected writings, I, стр. 546—549.

³⁴ G. Y. Shevelov, указ. соч., стр. 399.

³⁵ Однако мы не должны игнорировать тот факт (M. Vasmer, REW, I, 486), что др.-русск. форма была *irijь*; ср. также: Ф. П. Филин, Образование языка восточных славян, М.—Л., 1962, стр. 279.

³⁶ См.: M. Vasmer, REW, I, стр. 280.

³⁷ M. Vasmer, там же; ср.: G. Y. Shevelov, указ. соч., стр. 209, примеч. 3.

³⁸ В. В. Мартынов, Из славянских этимологий, «Этимологические исследования по русскому языку», 2, М., 1962, стр. 55—57.

Этимон этого слова до сих пор неясен. Предположение, что оно содержит префикс *sko-*, возможно *s-ko-*³⁹, в соединении с глаголом *ver-* «sieden», вряд ли заслуживает упоминания. Наиболее распространенное сравнение⁴⁰ с др.-в.-нем. *scart-isan* «Tiegel, Pfanne», ср.-в.-нем. *schart*, муж. или ср. род. «Röstpflanne» тоже сомнительно: оно не объясняет славянского образования с точки зрения морфологии и семантически, оно совершенно невозможно, если мы примем обычную этимологию от *scheren*⁴¹.

Совершенно невероятной кажется возможность абсолютно новой и убедительной этимологии. И тем не менее, не может быть сомнения в том, что славянское слово наиболее тесно связано с группой слов в языках Ближнего Востока. Арм. *skavařak* «piatto, catino, scodella» тождественно по значению и почти совпадает по форме с русским *сковорода*, так как *ř = rr*, которое может продолжаться *r (i) r* или *r (i) d*⁴², т. е. более раннее **skavaridak*, где *-ak* хорошо известный суффикс-расширитель, заимствованный из иранского. Но не только суффикс, все слово, должно быть, заимствовано из иранского⁴³, где мы находим: перс. *sukōra* (*sukurra*) «*patina testacea seu fictilis*» (Vullers), *sukura* «*paropsis*», сирийск. *skwrk'* (*sykwrk'*) «Schüssel»; к ним мы можем добавить совр. арм. *uskura* «*kupferne Schale*».

Иранские и сирийские формы происходят от более раннего **skavar-*, представленного арм. *skavařak*. Сравнение со славянским словом настолько явное, что все попытки объяснить связь славянского слова с др.-в.-нем. *scart-* (на основе предположения, что *-v-*, утраченное в германском, обязано своим происхождением в славянском смешению с ц.-слав. *skvara* «*Fettdunst*» (!)⁴⁴) не только фантастичны, но просто несостоятельны.

Это новое, семантически и формально точное, сравнение слав. **skovorda* с арм. *skavařak* вызывает, однако, важный вопрос. Армянское слово, как было указано, обычно рассматривается как заимствование из иранского. Значит ли это, что славянское слово в свою очередь заимствовано из армянского? Насколько известно, это был бы первый случай такого рода, что исторически маловероятно. Мы могли бы, конечно, заменить армянский как источник славянского заимствования иранским языком южной России, если бы мы могли быть уверены, что это слово широко употреблялось в иранском. Но в самом иранском слово изолировано и, принимая во внимание его значение, следует считать его заимствованием. К этому следует прибавить, что армянское слово, по всей вероятности, а славянское — несомненно, имеет добавочное *-d-*, следов которого нет в иранском. И географически и исторически значительно более удовлетворительное решение дает греческий, в котором есть слово *σκαβάριον* «*маленький сосуд*», вперые засвидетельствованное у Аристофана в «Ахарниях», которое употреблялось в сокращенной форме *σκαβάρη* приблизительно с середины III в. до н. э.⁴⁵ и без конечного

³⁹ A. Brückner, Über Etymologien und Etymologisieren, II, KZ, 48, 3—4, 1918, стр. 168.

⁴⁰ А. Преображенский, указ. словарь, II, стр. 302; M. Vasmer, REW, II, стр. 640.

⁴¹ F. Kluge — W. Mitzka, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 17-te Aufl., Berlin, 1957, стр. 637.

⁴² По этому вопросу см.: O. Szemerényi, Iranica, II, № 27, «Die Sprache», XII, 2, 1957, стр. 222.

⁴³ См.: H. Hübschmann, Armenische Grammatik, I — Armenische Etymologie, Leipzig, 1895, стр. 237; егo же, Persische Studien, Strassburg, 1895, стр. 169.

⁴⁴ См. отсылки у М. Фасмера (REW, II, стр. 640).

⁴⁵ D. J. Georganas, On the nominal endings *-ig, -iv* in later Greek, «Classical philology», XLIII, 3, 1948, стр. 243 и сл., особенно стр. 258.

ногового приблизительно с того же времени ⁴⁶; и мы должны также предположить произношение *-ewa-* или даже *-eva* задолго до начала нашей эры ⁴⁷. Таким образом *skewari*, превратившись в *skawar (i)* в иранском, а позднее **skōr* (с суффиксом *-a* из *-ak*), явилось источником *s(u)kōra*. Армянская и славянская формы, со своей стороны, предполагают производное (σχευαρις вин. падеж), σκευαριδα, которое вновь дало **skavarida*, и это последнее развилось в **skavarira-k*, *skavařak* в армянском, но *skavarda*, *skovorda* в славянском.

К счастью, этимолог не должен ограничиваться только грамматическими критериями. Поиски внутренних отношений в пределах отдельных языковых групп связаны с общими открытиями лингвистической географии, что дает нам право использовать два следующих критерия.

Г. Если наличие слова в индоевропейском гарантировано его присутствием в значительном числе языков, особенно на периферии, его (предполагаемое) отсутствие в каком-либо отдельном языке требует объяснения; тщательные разыскания часто приводят с некоторым запозданием к установлению соответствия.

Это не значит, конечно, что слово как таковое будет найдено — хотя это также может случиться. Более часты случаи, когда старое слово обнаруживается в каком-либо неожиданном производном.

1. Подходящим примером может служить индоевропейское слово для обозначения отца. Как таковое оно не найдено ни в славянском, ни в балтийском. Лингвисты, которые в своих исследованиях ориентируются только на исторические факты, игнорируя известную истину, что лексика мертвых языков никогда не может быть полностью известна, склоняются к мысли, что слово, которое никогда не существовало в языке, отсутствует в исторических памятниках. Считалось, например, что и.-е. **patēr* никогда не было известно балтийскому, на том основании, что отец по-литовски *tėvas* ⁴⁸. Но тот же аргумент может быть использован и в отношении славянского, где употребляется только неродственное слово *otъcъ*. И все же, с точки зрения лингвистической географии непостижимо, каким образом слово, представленное в германском, кельтском и италийском на западе и юго-западе, в греческом и индо-иранском на юге и востоке, может быть неизвестно в балтийском и славянском. Мы просто должны постулировать былое существование слова в этих языках ⁴⁹. Неудивительно поэтому, что некоторые нашли это слово в литов. *tėvas* из **ptē-vas*, где **ptē* — законный вариант **patēr*, и даже в славянском, имея в виду *stryj* «дядя по отцу», которое восходит к **ptr-* (>**ttr-* > *str-*) ⁵⁰.

⁴⁶ E. Schwyzer, Griechische Grammatik, I, München, 1939, стр. 410.

⁴⁷ E. Schwyzer, там же, стр. 198.

⁴⁸ Например: О. Н. Трубачев, К вопросу о реконструкции различных систем лексики, «Лексикографический сборник», 6, 1963, стр. 12.

⁴⁹ О. Н. Трубачев (указ. соч.) считает также достоверным, что слово никогда не было известно анатолийцам. Это может быть справедливо, если анатолийский очень рано отделился от индоевропейской общности. Но это неверно в свете усиливающейся тенденции уменьшить дату отделения. Кроме того, тот факт, что все три основные группы имеют разные слова (хет. *atta-*, лув. *tati-*, палаяск. *papa-*), может быть также использован для доказательства, что общепалаяск. не сохранил слова в значении «отец». На самом деле расходящиеся формы доказывают позднюю замену из детского языка — точно так же, как в славянском.

⁵⁰ Ср.: J. J. Mikko la, Zur slavischen Etymologie, IF, XXIII, 1—2, 1908—1909, стр. 124 и сл.; M. Ve u, Slave st- provenant d'i.-e. **pt-*, BSLP, 32, 1, 1931, стр. 65—66; ср.: е го ж е, К этимологии древнерусского *Стрибогъ*, ВЯ, 1958, 3, стр. 96;

2. Индоевропейский корень **g^wel-* («herabträufeln, überrinnen, quellen») хорошо представлен в др.-инд. *galati* «träufelt herab», *gālayati* «giesst ab, macht fließen», греч. βάλαντος, βάλαντιον; др.-в.-нем. *quellan* «hervorquellen, schwellen» и возможно также в других языках (кельтском, тохарском), где, в частности, возникает значение «бросать», заметное и в греч. βάλλω⁵¹. Итак, корень отмечен на западе, юге и востоке и должен считаться общиндоевропейским. Встает вопрос, могут ли быть найдены его следы в славянском? Фонетически и семантически оправданным является возведение к этому корню слав. *želbъ*, характеризующее Фасмером как «schwieriges Wort» (REW, I, 429).

3. Ц.-слав., др.-русск. *жеракла*, русск. *журавль* и др. образованы от слав. *žeravъ* и несомненно родственны литов. *gėrvė*, др.-в.-нем. *kranuch*, уэльск. *garan*, греч. γέρανος, лат. *grīs*, арм. *k'runk* (из **gēr-*). Наименование журавля безусловно ономастопоэтического происхождения (*gera/gra/gru*), но оно было расширено различными суффиксами и даже утратило связь со звукоподражательной основой, что способствовало беспрепятственному действию фонетических законов (ср. слав. *žer-*). Славянское слово анализировали по-разному. Вайян недавно реконструировал им. падеж-*ōus*, род. падеж *-w-es* «очень архаичное индоевропейское образование с чередованием гласных»: *gr (H)-ōus/gerH-w-es*⁵²; Шпехт также предполагал **ger(a) + ōus*, которое дало лат. *grūs* и с аблаутом литов. *gėrv-ė*, слав. *žer-av-ь*⁵³. Не очень отличается и анализ Траутмана: *gērwyā-* (для балтийского), *gerōwya-* (для славянского)⁵⁴. Ни у кого не может быть возражений против такого рода суффиксального анализа, если только он «срабатывает». Но чередование, предполагаемое Вайяном, противоречит принципам индоевропеистики: мы никогда не встречаем в косвенных падежах полной ступени корня, а в им. падеже — нулевой. Кроме того, суффикс *-ōu-* сам по себе невозможен, а утверждаемая без основания форма **g^wōus* лишена реальности⁵⁵. В этих условиях можно задать вопрос, не имеем ли мы дело со вторым элементом сложения в слав. *-avъ*. Как только вопрос поставлен таким образом, *žeravъ* предстает перед нами как **gerā avis*, буквально «журавль-птица» (ср. венг. *darú madár*), которое в результате стяжения дало **gerāvis*. Балтийская форма, кажется, основана на **gēr-(a)vis* с синкопой после долготы в именительном, что также отражено в арм. *k'runk*.

Итак, слово, известное латинскому и индо-иранскому, теперь правдоподобно и для балто-славянского. Оно исчезло как независимое слово потому, что фонетическое развитие *o > a* привело к досадной омонимии с и.-е. **avis*.

Д. Если нет причин предполагать, что слово заимствовано, вполне вероятно, что близкое или тождественное образование присутствует в одной из смежных областей — даже если оно до сих пор не было отождествлено. Если

A. Vaillant, Grammaire comparée, I, стр. 82; G. Y. Shevelov, указ. соч., стр. 191 и сл. Против: Chr. S. Stang, [рец. на кн.:] A. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves, I, Lyon — Paris, 1950, NTS, XVI, 1952, стр. 441; E. Dickens, [рец. на кн.:] О. Н. Трубачев, История славянских терминов родства, «Die Welt der Slaven», Jg. VI, 2, 1961, стр. 222.

⁵¹ J. Pokorny, IEW, стр. 471—472.

⁵² A. Vaillant, Grammaire comparée, II, 1, стр. 172.

⁵³ F. Sprech, Der Ursprung der indogermanischen Deklination, Göttingen, 1944, стр. 48.

⁵⁴ R. Trautmann, Baltisch-slavisches Wörterbuch, стр. 87.

⁵⁵ См.: O. Szemerényi, Latin *res* and the Indo-European long-diphthong stem nouns, KZ, 73, 3—4, 1956, 167 и сл., особенно стр. 186 и сл.

известно, что слово индоевропейского происхождения, то родственные слова с близкой морфологической структурой могут быть найдены в географически ближайших языках.

1. Хорошим примером может служить слав. *godъ*. Нет причин рассматривать его как заимствование, оно несомненно индоевропейского происхождения. Но каково в действительности его происхождение? Словари помещают вместе большое число слов, обнаруживающих поразительное семантическое разнообразие и дающих повод для большого скепсиса относительно их родственных связей. Так, М. Фасмер (REW, I, 283) сопоставляет с этим словом (без всякой попытки объяснить значения) не только русск. *годный* (но ц.-слав. *годънъ* «εὐάρεστος», *gefällig*), *годиться*, *угода*, но также и латыш. *gadīgs* «tüchtig, ehrbar, nüchtern», *gadīt* «treffen, erwerben, finden», *gadīties* «sich finden, erscheinen», др.-в.-нем. *gigat* «passend», ср.-н.-нем. *gaden* «passen, gefallen» и даже литов. *giūdas* «Ehre, Ruhm, Bewirtung», латыш. *gūods* «Ehre, Ruhm», гот. *goþs* «хороший». Славский высказывается яснее⁵⁶: исходное значение «соответствующий, подходящий, хороший» привело к значению «проходящее время» и также «праздник». Он думает также (вслед за Зубатым), что первичное значение представлено в др.-инд. *gadhya-* «то, что нужно держать», т. е. «стискивать, прижимать друг к другу», которое Фасмер отвергает — из-за значения!⁵⁷

Ясно, что здесь объединены совершенно несвязанные элементы. Германская группа *gad-*, конечно, содержит в себе значение «vereinigen, zusammenpressen», что представлено также значением славянских слов «подходящий, соответствующий». Но понятие времени не может быть выведено из этого корня, оно совсем не засвидетельствовано в германском. В то же время в славянском в корнях, которые имели начальный и.-е. *d(h)-*, имеет место метатеза; ср. *zъdati* «строить» из и.-е. **dhigh-* и др. Это дает возможность предположить, что слово *godъ* возникло в результате перестановки из **dogъ* и поэтому тождественно гот. *dags*, а также др.-прусс. *dagis* «лето», литов. *dāgas* «жар; летняя жара; жатва», *dagà* «жатва», *atliū-dogiai* «яровая пшеница»⁵⁸. Вполне вероятно, что в этой группе многие слова неправомерно объединены (например, чеш. *hoditi* «бросать», русск. *годить*). Более пристальное изучение устранило бы путаницу⁵⁹.

2. Естественно, что слав. *modliti* «молить, просить» давно уже сравнивалось с литов. *maldyti* «молить, упрашивать». Возникает вопрос, славянская или балтийская форма представляет собою первоначальную последовательность согласных, и ответ естественно звучит в пользу балтийского, так как там мы находим также *melsti* «молить» (из *meld-ti*) и другие родственные образования, хотя все же хотелось бы знать, почему в славянском произошла перестановка согласных. Но при таком объяснении опускаются существенные доказательства. В германских языках хорошо известно имя существительное **maþla-* «Verhandlung, Versammlung» и глагол **maþljan* «говорить (торжественно)». Не может быть никакого сомнения в том, что герм. **maþljan* точно соответствует слав.

⁵⁶ Fr. Sławiński, Słownik etymologiczny języka polskiego, I, Kraków, 1952—1956, стр. 307.

⁵⁷ См. также: J. Роконгу, IEW, стр. 423 и сл.

⁵⁸ Эту точку зрения разделяет также В. Махек (см. его «Etymologický slovník jazyka českého a slovenského», Praha, 1957, стр. 135).

⁵⁹ Так, например, гот. *goþs* скорее продолжает и.-е. **g^hhōdho-* «желанный», чем **ghedh-* «брат».

modliti. Оба слова продолжают первоначальное **motleyō*, откуда славянская форма получена путем указанной выше замены *tl* > *dl*. Таким образом, славянская форма не является вторичной, возникшей в результате метатезы из **molditi*. Пытаясь установить соответствие этой формы с формами балтийских и других языков, мы должны исходить именно из той надежной этимологической основы, которая была только что предложена. Возможно, что мы имеем дело с праформой **mol-(dh)-tlo-*, сократившейся в **motlo-*, но основной момент — поразительное сходство германских и славянских образований, решает вопрос о ближайшем этимоне славянского слова ⁶⁰.

3. Для слав. *jezero* родственные образования мы находим, как и следовало ожидать, в балтийских языках: литов. *ežeras, ažeras*, латыш. *ezers*, др.-прусс. *assaran*. На первый взгляд эти формы предполагают праформу **ežera-*, так как Шевелев убедительно показал, что слав. *je-* давало *jo-* и в конечном счете *o-* в восточнославянской группе ⁶¹. Балтийские варианты вряд ли подтверждают предположение о древнейшей форме **ažera-* (и.-е. **aghero-*) ⁶², они скорее обязаны влиянию восточнославянских языков.

Между тем вопрос не может быть окончательно решен, пока не будут найдены точные внешние соответствия. Греч. 'Αχέρων могло бы быть сопоставлено с разбираемым словом, но его начальный гласный, может быть, появился под влиянием ἄχος ⁶³. Этническое наименование 'Οσεριᾶτες (около озера Балатон в Венгрии) не может рассматриваться как доказательство и.-е. *o-*; вызывает сомнение сама его принадлежность к рассматриваемой группе слов: в последние годы авторы не включают его в свои рассуждения. С другой стороны, сопоставление со слав. **ězъ* «запруда» (русс. диалект. *яз*, др.-чеш. *jěz* и др.) и балт. **ežyā* «межа, гряда» (литов. *ežis, ežė*, др.-прусс. *asy*), и даже арм. *ežr* «край, межа» ⁶⁴ семантически неубедительны.

Здесь вновь мы должны спросить, не может ли быть более точных соответствий в ближайших родственных языках, например германских.

⁶⁰ См.: O. S z e m e r e n ь и, Principles of etymological research..., стр. 207—211. На сходство славянского и германского глаголов несколько позже обратил внимание Мартынов («Славно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры», Минск, 1963, стр. 170—172), но он думает, что слав. *modliti* из **molditi*, и поэтому делает вывод, что славянская форма была заимствована в германской. Однако его предположение, что герм. **madljan* (из славянского) превратилось в *maþljan*, потому что *dl* было «неудобнопроизносимо» в протогерманском, неубедительно. Исторические варианты, например др.-в.-нем. *stal/stadel, -sellon/sedal* (см.: W. S t r e i t b e r g, Urgermanische Grammatik, Heidelberg, 1896, стр. 144, который следует за Э. Зиверсом; «Сравнительная грамматика германских языков», II, М., 1962, стр. 70), показывают, что должно было произойти; Мартынов и сам через несколько страниц (стр. 179) допускает иную субституцию: *dul* из *dl*.

⁶¹ См.: G. Y. S h e v e l o v, указ. соч., стр. 423—430; но в особенности «Mélanges Mazon» (RES, 40), Paris, 1964, стр. 183—190; с его выводами солидаризируется Айцетмюллер (R. A i z e t m ü l l e r, Die Relation 'e':o bzw. o in den ostslavischen Sprachen, «Die Welt der Slaven», X, 1, 1965, 1—8). Отрембский также допускает, что первоначальным было *e-* (J. O t r e b s k i, Die baltische Philologie und ihre Bedeutung für die indogermanische Sprachwissenschaft, KZ, 79, 1—2, 1964, стр. 77), в то время как В. И. Георгиев (см.: RES, 43, 1—4, 1964, стр. 98), кажется, принимает исходное *o-*, но мне не известны его аргументы; мне не известно также, почему он выдвигает праформу **aghero-* в своей новой работе «Introduzione alla storia delle lingue indeuropee» (1966), стр. 182.

⁶² Ср.: R. T r a u t m a n n, указ. словарь, стр. 73.

⁶³ См.: J. P o k o r n y, IEW, стр. 292. А. Ван Винденкен настойчиво считает греческое имя пеласгским по происхождению («Beiträge zur Namensforschung», 1, 1950, стр. 197; е г о ж е, Le Pélasgique. Essai zur une langue indo-européenne préhellénique, Louvain, 1952, стр. 39, 144; е г о ж е, Contributions à l'étude de l'onomaistique pélasgique, Louvain, 1954, стр. 41, 43). Ср. также: H. F r i s k, GEW, I, стр. 200.

⁶⁴ См.: A. M e i l l e t, *Jezero, jazü* (**ežü*), BSLP, 29, 1929, стр. 38—40.

И такое родственное образование действительно существует (как является из его значения и общей формы): др.-исл. *aegir* «морское божество», др.-англ. *ēagor* «море».

Разумеется, древнеанглийское слово часто рассматривали как основу на *-s*, образованную от корня **ēk^w*-, якобы подтверждаемого хет. *ekuzi* «он пьет», к которому в качестве нулевой ступени корня относят лат. *aqua*, гот. *ahwa*⁶⁵. Но связь *eku-* с *aqua* более чем сомнительна как фонетически, так и морфологически⁶⁶. И даже внутри германского этимология от **ēgw-* через основу на *-s* наталкивается на непреодолимые трудности; так, например, др.-англ. *ēagor*, более раннее *ægur* возводят к **æγ(w)-úz-*, *s-* основе ср. рода⁶⁷, но только ценой предположения о существовании формы в ступени продления, которая недопустима в этом классе имен благодаря существованию имени *dōgor*⁶⁸ и ударению на суффиксальном слове⁶⁹, хотя в то же время требуется *-z-*. Следует лучше исходить из формы *ēghero-* (возможно, средний род *ēgherom*), которая дала др.-исл. *ægir*, позже перешедшее в мужской род, и др.-англ. *æger*, которое под влиянием образований среднего рода на *-r* (первоначально *s*-основы) также приобрело форму *ægur*. Формы среднего рода сохранились в славянском и древнепрussком, тогда как литовский и латышский естественно перешли на мужской. Единственная разница между германским и славянским заключается в *vrdhī* в германской форме, которая, как хорошо известно после знаменитой работы Шульце, было широко распространенным средством словообразования в германском.

II

Индоевропейст не может, конечно, не обратить внимания на то, что даже в наиболее интересном для него раннем периоде славянства уже имеется много взаимных заимствований как между славянскими и другими индоевропейскими, так и между славянскими и неиндоевропейскими языками. В этой области также уже было проведено много исследований. Но во многих случаях заимствования еще не обнаружены. Установить все заимствования, полученные славянскими языками,— одна из важнейших задач этимолога-слависта. Наиболее серьезная ошибка заключается в том, что даже для признанных заимствований очень часто рассматривается лишь ближайший источник, тогда как не менее важно обнаружить и наиболее отдаленный, который может дать правильный этимон, «первичное значение».

⁶⁵ Например: J. Pokorny, IEW, стр. 23.

⁶⁶ См.: H. Kronasser, Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen, Heidelberg, 1956, стр. 47, 242. В. Винтер (W. Winter, Nochmals ved. *asnātī*, KZ, 72, 3—4, 1955, стр. 173 и сл.) постулирует *ēg^w* (*h*) как предшествующую индоевропейскую форму *eku-*, в то время как Линдеман (F. O. Lindeman, Note phonologique sur hittite *eku-* «boire», «Revue hittite et asiatique», XXIII, 76, 1965, стр. 29 и сл.) рассматривает хеттскую основу как *ek^w*-, а не *eku-*. Генетическое родство лат. *aqua* и фин. *joki* «река», хет. *eku-* и некоторых финно-угорских глаголов предполагает Розенкранц («Annali del Istituto orientale di Napoli», sezione linguistica, 7, 1966, стр. 166).

⁶⁷ Этот вопрос детально обсуждает Брукс (K. R. Brooks, Old English *EA* and related words, «English and Germanic studies», V, Cambridge, 1952—1953, стр. 15 и сл., особенно стр. 56).

⁶⁸ О герм. *dōg-* см.: M. Leumann, Kleine Schriften, Zürich, 1959, стр. 370 и сл.
⁶⁹ Об ударении на основе существительных основ на *-s* см.: F. Kluge, Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte, 3-te Aufl., bearb. von L. Sütterlin und E. Ochs, Halle (Saale), 1926, стр. 44 и сл., стр. 76. Материал не подтверждает следующего утверждения (стр. 44): «ударение почти исключительно стоит на корне».

Займствованиа

1. Распространение русск. диалектн. *глѣк*, род. *глѣка* «глиняный горшок» ограничено западными и южными говорами, ср. укр. *глек*. Это слово в древнерусском склонялось как *гълѣкъ/гълѣка*, что дало *glek/gol'ka* и, в результате морфологического расщепления, появилось две формы: *glek/gleka* и *gol'k/gol'ka*⁷⁰. Недавно Трубачев энергично защищал очевидное сравнение с *глѣй* «Топ, Lehm», настаивая на том, что образование не основано на *glbjь*, что дало бы **glbjькъ*, но на корне *glb-*⁷¹. Однако это означало бы, что мы должны исходить из корневого имени (и.-е.) **gli-*, следов которого не имеется. Кроме того, связь с корнем **gli-* не согласуется с тем фактом, что первоначально между *g* и *l* существовал гласный, обнаруживаемый в форме *golькъ*; это слово совершенно несомненно имело форму *гълѣкъ*, а не **glькъ*. Наконец, настаивает и распространение слова; оно отмечено только на юге и на западе, в украинском и белорусском, чего нельзя было бы ожидать в случае действительно древнего славянского образования.

Такое распространение скорее наводит на мысль о заимствовании, происшедшем на юге, проникшем затем на запад, иначе говоря, скорее всего о греческом слове.

Семантически и, игнорируя незначительное отличие, фонетически, идеальным источником заимствования представляется *χολῆξ* «чашка», основа *χολι-*, первоначально также «глиняная посуда». Это слово могло проникнуть из греческих колоний на юге России.

Незначительное фонетическое отличие, о котором я упомянул, касается, конечно, начальных звуков. Настолько ли велико различие между греческим *k-* и славянским *g-*, чтобы помешать сравнению? Я не склонен здесь придавать слишком большое значение тому, что в народных заимствованиях — в отличие от литературных — чаще всего именно взрывные звуки неточно передаются заимствующим языком. Достаточно будет указать на большое число латинских заимствований из греческого, демонстрирующих именно такую неадекватную имитацию, замену глухого взрывного звонким. В связи со сказанным особую важность представляют широко известные случаи подобной замены: *gubernare* из *κυβερνᾶν*, *golp(h)us* из *χόλος* и т. д. Но это не более как интересные параллели. Более существенно то, что подобное же явление кажется присущим большому числу славянских слов.

Слав. *golьbь* поразительно сходно по форме и идентично по значению лат. *columba*. Действительно, общепринято, что оно имеет такое же образование, как *columba* и *palumbes*⁷². Но это не объяснение, так как само латинское слово с точки зрения морфологии обладает чем угодно, кроме ясности. Со своей стороны, в славянском образовании *golьbь* совершенно изолировано, единично⁷³. Во всяком случае этого было бы достаточно, чтобы признать несомненным отношение заимствования, а в связи с тем, что лат. *columba* не только более раннее образование, но также имеет параллель *palumbes*, естественно принять латинский за источник заимствования. Возражения против этого очевидного заключения вызывают

⁷⁰ См.: M. Vasmer, REW, I, стр. 273, а также: A. Brückner, Über Etymologien und Etymologisieren, II, KZ, XLVIII, 3—4, 1918, стр. 202.

⁷¹ О. Н. Трубачев, Ремесленная терминология в славянских языках, М., 1966, стр. 217—218, 268—269.

⁷² M. Vasmer, REW, I, стр. 289. Славский просто ссылается на Фасмера, выступающего против заимствования. Анализ Рудницкого (M. Rudnicki, *Gotab*, «Lingua posnaniensis», VI, 1957, стр. 112—119) не может быть воспринят всерьез.

⁷³ См.: A. Meillet, *Études...*, стр. 271: «можно только сопоставить „jastrežь“, но это также не помогает».

удивление. Фасмер (указ. соч.) говорит, что заимствование невозможно фонетически и делает две отсылки, можно думать, в подтверждение этой мысли. Но если заглянуть в работу Перссона⁷⁴, то прочитаем... «То, что др.-болг. *golobъ* взято из латинского..., кажется мне..., неприемлемым» — действительно, очень любопытный «аргумент». Более серьезно возражает (Вальде —) Гофман⁷⁵: «Утверждение о том, что др.-болг. *golobъ* происходит из латыни, нельзя признать вероятным уже потому, что оно связано с многочисленными словами, обозначающими синий цвет, которые вряд ли в своей совокупности первоначально были названиями голубя». Заметим, что ни один из ученых не приводит каких-либо доказательств для утверждения Фасмера, что заимствование «невозможно фонетически». Гофман просто говорит, что оно невероятно (с его точки зрения), но семантически, а не фонетически! Но его аргумент опроверг Г. Херне⁷⁶, который показал, что значение цвета (русск. *голубой*) ограничено русским и украинским языками (возможно, также польским), и поэтому, по всей вероятности, вторично, а часто сравниваемое др.-прусск. *golimban* «голубой» заимствовано из польского. Так как Фасмер ссылается также на литов. *gelumbė* «blaues Tuch», заслуживает внимания напоминание Херне о том, что значение этого слова «fabrikmässig hergestellter Wollstoff für Männerkleider, (feines) Tuch» — без всякого намека на значение «голубой». В связи с трудностями, которые возникают при попытках дать объяснение слову как исконному, слав. *golobъ* следует считать заимствованием из латинского.

Почти то же можно сказать о слав. *golva*, где вновь внутренние ресурсы неудовлетворительны, а лат. *calva* дает чистый прототип⁷⁷. В этом случае славянское слово в свою очередь было заимствовано в балтийский.

К этим дописанным примерам мы должны прибавить такой пример, как укр. *gnit*, род. падеж *gnota* «Docht» в отличие от белорусск. *кнот*, оба из польск. *knót*, в конечном счете, как и венг. *kanóc* (старое *kanót*, 1544) из ср.-в.-нем. *knote*.

В связи с этими параллелями мы должны серьезно поставить вопрос о возможности заимствования рассматриваемого слова из греческого в украинский и белорусский⁷⁸.

2. В настоящее время, кажется, считается общепринятым, что др.-русск. *рѣрѣ* «парус» заимствовано из финского языка, например, из фин. *purje*, которое в свою очередь часто выводится из балтийского (ср. литов. *būrė*), причем полагают, что это индоевропейский термин, связанный с греч. *φάρος* «парус»⁷⁹. Направление заимствования в этом случае вызы-

⁷⁴ P. Persson, Beiträge zur indogermanischen Wortforschung, I—II, Uppsala, 1912, стр. 943.

⁷⁵ A. Walde, Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 3-te Aufl. von J. B. Hofmann, I, Heidelberg, 1938, стр. 249.

⁷⁶ G. Herne, Die slavischen Farbenbenennungen. Eine semasiologisch-etymologische Untersuchung, Uppsala, 1954, стр. 91.

⁷⁷ См.: M. Vasmer, REW, I, стр. 286.

⁷⁸ Проблема венг. *kulacs* и его славянских соответствий, так блестяще разработанная Л. Кишем («Magyar Nyelv», LIX, 1, 1963, стр. 81—84), также может быть развита в свете вышеуказанных данных.

⁷⁹ См.: M. Vasmer, REW, II, стр. 453—454; О. Н. Трубачев, [рец. на кн.:] П. Я. Черных, Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период, «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», 25, 1958, стр. 97. Обсуждение фин. *purje* Р. Пелтола мне известно только из рецензии А. Соважо. См.: A. Saucvageot, [рец. на журнал:] Virittäjä, 1—4, Helsinki, 1955, BSLP, 52, 2, 1957, стр. 241. Балтийская этимология финского слова также не бесспорна, см.: Л. Хакунен, Развитие и структура финского языка, М., II, 1955, стр. 41 с примеч. 4; E. Niemi, Die baltischen und ostseefinnischen Ausdrücke für Segel, KZ, 72, 3—4, 1955, стр. 129 и сл.

вает удивление. Финские заимствования известны в пограничных областях, главным образом на севере, и их характер подтверждает мысль о заимствовании⁸⁰. Но это слово употребляется на юге, и оно, конечно, не такого рода, чтобы заставить нас подозревать проникновение с севера. Действительно, если можно предполагать заимствование, то оно ожидалось бы с юга, а не с севера. Неоспоримые доказательства в пользу этой мысли дают слова *корабль*, общеславянское очень старое заимствование (-b-!), и специфически русские *кубара* «лодка» и *парус*⁸¹. Последнее слово наводит на следующую мысль; не может ли быть *рѣгѣ*, т. е. *p(u)rja*, тоже из греческого, из формы того же греческого слова, но заимствованного независимо. Так как др.-русск. *рѣгѣ* — форма множественного числа, естественно думать о множественном числе слова *φῆρος*. Мы знаем, что в позднем греческом форма им.-вин. падежей множественного числа от основ на -s могла быть образована не только с помощью старого -η, но также и с помощью -ια (произносилось как -yа!). Следовательно, от *φῆρος* мы должны были бы иметь *φάρη* или *φάρια*. Другая, менее привлекательная, возможность состоит в том, что источником послужило производное *φάριον* (или *φάριον?*), мн. число *φάρια* (или *φάρια* = *φάρύα?*). И в том и в другом случае предполагаемая связь настолько привлекательна, что мы готовы принять *prima facie* трудность, заключающуюся в том, что первый гласный греческого слова представлен редуцированным гласным — естественно *и* после лабиального.

3. Русск. *порá* родственно укр. *порá*, польск. *pora* и болг. *пóра*. Но в славянском это слово совершенно изолированно. Связь с -por в *запор*, *напор* и др. (от *переть* — *пру*)⁸² при всех условиях не может считаться серьезным предположением. Я предпочитаю обратить внимание на возможность заимствования из греческого. Существительное *форá* имеет значение «несение; плодovitость; стремительный порыв; ноша; груз; урожай и пр.». С нашей точки зрения интересно, что оно также значит «время, момент» в медицинских сочинениях; например, у Диоскорида: *πέντε ἢ ἕξ φορές τὸν μῆνα* «пять или шесть раз в месяц»⁸³. Заметим также абсолютное совпадение места ударения в греческом и русском слове!

4. Слав. *skovorda*, как мы видели, по всей вероятности, также заимствовано из греческого.

5. Русск. *радуга*, по словам Филина⁸⁴, до сих пор не имеет удовлетворительной этимологии. Утверждение Фасмера о том, что диалектн. *вєсѣлка*, литов. *linksmynė* из *lińksmas* «frog» подтверждают мысль об образовании слова от корня *rad*, далеко не убедительно. Эти слова могут быть точно так же результатом народной этимологии: как только слово приобрело форму *радуга*, любой русский (или любой славянин в этом случае) неизбежно должен видеть в нем *радъ*, а литовский термин может быть просто калькой русского слова, понимаемого таким образом. Но это не доказывает, что первоначально *радъ* было частью этого слова. Обычно

⁸⁰ См.: Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, М., 1953, стр. 343 и сл.

⁸¹ Несмотря на опасения М. Фасмера (REW, II, стр. 318); ср.: Л. П. Якубинский, указ. соч., стр. 335. Стоит обратить внимание на утверждение Брюкнера (KZ, 48, 1918, стр. 170): «... из финского заимствовано только *lojva* „корабль“, но не *prja*, и тот факт, что *лойва* встречается в Новгородской летописи (M. V a s h e r, REW, II, стр. 54 и выше s. v. *лайба*).

⁸² М. V a s m e r, REW, II, стр. 407.

⁸³ H. G. Liddell, R. Scott, A Greek-English lexicon, Oxford, I—II, 1925—1940, стр. 1950. Я не видел указанного в этом словаре отрывка Цеца, но он может быть важен с точки зрения передачи в средневековых документах.

⁸⁴ Ф. П. Филин, Образование..., стр. 280.

радуга воспринимается как «дуга, лук» не только в других языках (например, англ. *rainbow*, нем. *Regenbogen*, франц. *arc-en-ciel*), но также и в славянских; ср. русск. *дуга*, но укр. *дуга* и чеш. *duha* «дуга, радуга», также и серб.-хорв. *дуга*, в то время как в болгарском и польском значение только «радуга». Это подтверждает мысль, что только восточнославянское *радуга* испытало влияние слова *дуга*, но исходя из того, что русск. *дуга* не имеет этого значения, это не может быть справедливо по отношению к русскому языку. Во всяком случае, это должно означать, что заимствованное слово подверглось формальной ассимиляции.

Исследования Г. Бэйли пролили свет на группу иранских слов, обозначающих «лук» (оружие), иногда также «радуга». Из его материала⁸⁵ мы можем привести авест. *drūša raivrañša* «с луком и стрелой», параллельное хотанск. *durna-* «лук» (из *druna-*) и *pūrna-* «стрела», согд. *dr'wn*₃ «лук», пехлевийск. *drwn* = *drōn* «лук», нов.-перс. *durōnah* (из *drauna-ka-*) «лук», осет. дигор. *ærdunæ* (*ændunæ*), ирон. *ærdyn*, балоч. *drīn* «радуга», др.-инд. *drūṣa-* «лук». С точки зрения русского языка дигор. *ærdunæ* наиболее интересно и фонетически, и семантически. Оно представляет собою более раннее *arduna-*, естественно возникшее из иран. *druna-*. Но в иранском **drunaka-* имеет широкое распространение, и оно должно было бы дать осет. **ardunga-*, которое кажется очевидным предшественником вост.-слав. *radonga*, испытавшего, как уже указывалось, влияние исконного слав. *donga*.

6. Наконец, пример, где иноязычное происхождение приписывается без основания.

Слав. *ръжь*, вместе с литов. *rugỹs* и герм. **rugi-* совсем недавно характеризовалось как «германско-славянско-балтийское заимствование из фракийского *βριζα* (<**wrigya*)»⁸⁶. Несколько отличную точку зрения высказал Г.-Фр. Розенфельд, по мнению которого исконное фракийское слово (из *wrigya-*) было заимствовано в форме и.-е. *rugh̥o-*, *rughi-*. Литов. *rugys*, мн. число *rugiai*, показывает, что слово было заимствовано независимо в балтийский и славянский, а так как оно пришло с востока, то, вернее всего, оно было заимствовано балто-славянами, а затем уже передано германским народам⁸⁷.

Обе точки зрения вызывают недоумение, а вторая положительно ошеломляет. Неясно, как балто-славянские слова могут быть заимствованы независимо от догерманского и в то же время играть роль посредника между фракийским первоисточником и германским. Слав. *ръжь*, очевидно, основано на *rughi-*, представленном также в др.-исл. *rugr*, др.-англ. *ryge* «рожь», в то время как литов. *rugys* из *rugijas* — тематизация *rughi-* так же, как и др.-франк. *rogga*, др.-сакс. *roggo*, др.-в.-нем. *rocko*, представляющих собою производную основу на *-n* *rughyōn*⁸⁸ от той же базы *rughi-*. И континентально-германские, и балтийские формы дают совершенно естественные расширения первоначального *rughi-*, так что все три языковые группы исходят из одной и той же общей праформы.

⁸⁵ Н. W. Bailey, «Bulletin of the School of Oriental and African studies», 24, 1961, стр. 470—473; ср. также: В. С. Миллер, Язык осетин, М., 1962, стр. 56 и сл.

⁸⁶ A. Sen n, Handbuch der litauischen Sprache, I, Heidelberg, 1966, стр. 35 (положения Зенна сходны с положениями Шрадера).

⁸⁷ Н.-Фр. Rosenfeld, «Wissenschaftliche Zeitschrift der E. M. Arndt-Universität Greifswald», VI, 1956—1957, стр. 187 В.

⁸⁸ Клуге — Мицка (указ. словарь, стр. 604) утверждают, что формы, возникшие из *roggo*, должны восходить к *ruggn-*, более раннее *rug-n-*, что совершенно неверно и служит еще одним примером постоянно снижающегося уровня обработки в этом слове индоевропейского и даже (как в данном случае) германского материала.

Предположение о том, что *rughi-* заимствовано из фрак. *wrūya* основано только на видимом семантическом совпадении. Но В. Георгиев совершенно прав, говоря, что сравнение неудовлетворительно, так как нет оснований для возведения фракийского слова к *wrūya*, или скорее *wrughya*⁸⁹. Необходимо добавить, что начальное *wr-* сохранилось бы в английском до конца средних веков (но др.-англ. форма была уже *ryge*). Предположение Георгиева о том, что фракийское слово образовано из **wri (n)ghyā*, связанного с др.-инд. *vṛhi-* «рис.»⁹⁰, кажется сомнительным и семантически, и фонетически. По моему предположению, оно образовано от **bhrūg-*, лежащего в основе лат. *fruges* и др.⁹¹.

Но теперь мы можем продвинуться дальше. В то время как Порциг мог утверждать только то, что слово «рожь» ограничено германским и балто-славянским, мы теперь знаем, что оно существовало также и в иранском. В хотанском слово *rrusa* «ячмень» встречается неоднократно⁹², и Хеннинг опубликовал форму хорезм. *rsy* (или *rsy*) «ячмень»⁹³. Конечно, *s* вместо *ž* (результат палатализации *g*) в этих словах еще не совсем ясно в настоящий момент. Точную параллель представляет хорезм. *δws-* «доить» в его отношении к др.-инд. *duh-* как одно из объяснений этого *-s*⁹⁴; возможно, здесь было влияние со стороны какого-либо другого слова. То же самое можно сказать и о хотан. *rrusa*. Можно надеяться, что дальнейшие разыскания могут осветить эту проблему. К этим иранским формам можно добавить финно-угорские формы, на которые указал Фасмер (II, 530) как на заимствованные из какого-либо восточного индоевропейского языка.

Возможно, что финно-угорские языки сохраняют также более древнюю, непалатализованную форму основы *rughi-*: хант. *räk* «Mehl, Brei», коми *rok* «Brei», удм. (*d*) *žuk* «Brei, Grütze», фин. *rokka* «Erbsenbrei», эст. *rokk* «Mehltrank (für Tiere), Mehlsuppe», видимо, продолжают рассматриваемое индоевропейское слово, подобно тому как фин. *jyvä* и близкие ему слова (они имеют приблизительно тот же географический ареал) включает в себе и.-е. **yewo-*⁹⁵.

Как часто бывает, картина, основанная на неполных данных мертвых индоевропейских языков, легко может превратиться в искаженную картину⁹⁶. Славянское слово надо рассматривать как произошедшее из индоевропейского, а не как заимствование. Да и другие языки, в которых имеется это слово, вряд ли обязаны его появлением какому-либо другому языку.

7. Как уже говорилось, проблема первичного источника точно так же важна для этимолога-слависта. Приведем только один пример.

Русск. диалектн. *кавьяр* обычно выводится из турецк. *xavjar*, ср. греч. *χαβίარი*⁹⁷. Возможно, это так, и я не стану отрицать всей важно-

⁸⁹ В. Георгиев, Вопросы на българската етимология, София, 1958, стр. 27.

⁹⁰ Так же думает вслед за Бонфанте и Порциг (W. Porzig, Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets, Heidelberg, 1954, стр. 143).

⁹¹ См.: O. Szemerényi, Studies in the Indo-European system of numerals, стр. 153—154.

⁹² См.: H. W. Bailey, Khotanese texts, IV, Cambridge, 1961, стр. 168 k 66 b I.

⁹³ Ср.: «Handbuch der Orientalistik», IV, 1, 1958, стр. 113 с примеч.

⁹⁴ См.: W. B. Henning, указ. соч., стр. 111, где постулируется *dauya-*.

⁹⁵ См.: E. Móór, Die Ausbildung des urungarischen Volkes im Lichte der Laut- und Wortgeschichte, III, «Acta linguistica Hung.» VII, 3—4, 1958, стр. 344, 343.

⁹⁶ Утверждение, что слово отсутствует в восточных языках (Kluge — Mitzka, s. v.), неверно даже для того времени.

⁹⁷ См.: M. Vasmer, REW, I, стр. 499; ср.: D. C. Hesseling, «Neophilologus», 6, 1923, стр. 207—217 (о первой фиксации в греческом); K. Baldinger, Zur Handelsgeschichte im Mittelmeerraum und ihrer Terminologie, «Romance Philology», XV, 1, 1961, стр. 43, примеч. 5 (о появлении слова на Западе).

сти установления ближайшего источника заимствования. Но совершенно ясно, что турецкое слово также неисконно в турецком, как и русское в русском и поэтому мы должны выяснить, откуда в турецком появилось слово *xavjar*. Из попыток ответить на этот вопрос нужно отметить только последнюю. В детальном исследовании «Kaviar — Eine Wortstudie»⁹⁸ Эйлерс утверждает, что турецкое слово заимствовано из иранского и предполагает, что это было *xāwi-dār* «der Eier tragende, Rogen enthaltende» (*Fisch = Stör*). Думается, что основная идея верна, но не детали, в особенности предположение, что наше слово первоначально относилось к рыбе. Мы действительно ожидали нечто вроде «Fisch-rogen», «рыбы яйца (икра)», и такое иранское выражение нам известно из осетинского (ирон.) *jæu-gæf* «fisch-millet = caviar»⁹⁹. Здесь *gæf* — старое (восточно-) иранское слово *kari-* «рыба», осет. *kæf*¹⁰⁰. Сразу становится ясно, что это слово является первым элементом слова *xavjar*, т. е. *xav-*. Но что собою представляет вторая часть слова? В осетинском сложении это *jæu* «просо»¹⁰¹, но оно не может присутствовать в нашем слове.

Но если бы мы ожидали слово со значением «яйцо», то оно, кажется, наличествует в цыганском языке, где находим *jaro* «яйцо», встречающееся также в русских говорах и широко в воровском арго¹⁰². Должны ли мы иметь дело с цыганским словом или лучше с иранским, образованным от той же основы — слова *āwya-*, *āya-* «яйцо» — вопрос, который нуждается в разъяснении. Но нет сомнения в том, что *кавьяр* в конечном счете иранское сложное слово и значит оно «рыбье яйцо».

Перевела с английского В. А. Меркулова

⁹⁸ «J. Nobel commemoration volume», 1963, стр. 48—58.

⁹⁹ I. Gershevitch, «Bulletin of the School of Oriental and African studies», 14, 1952, стр. 488, примеч. 2.

¹⁰⁰ См.: Bailey, «Transactions of the Philological Society», London, 1945, стр. 22; В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, I, М.—Л., 1958, стр. 575 и сл.

¹⁰¹ В. И. Абаев, указ. соч., стр. 563 и сл.

¹⁰² M. Vasmier, REW, III, стр. 479.

Э. А. МАКАЕВ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНДОВЕРОПЕЙСКОГО ЭТИМОНА

§ 1. Вопрос о том, с какой структурной единицей: словом или корнем — имеет дело этимолог, устанавливая определенную этимологию в одном из древних индоевропейских языков и возводя ее к общеиндоевропейскому этимологическому уровню, не получил удовлетворительного решения и вплоть до настоящего времени остается предметом довольно поверхностных и бесплодных контроверз. Время от времени некоторые этимологи и компаративисты считают хорошим тоном объявить во всеуслышание, что они, занимаясь этимологическим анализом, имеют дело с реальными словами, а не с фиктивными корнями. Это нашло классическое завершение в постулате А. Эрну и А. Мейе: «Речь идет не о простых корнях, а об индоевропейских словах, которые сохранил латинский язык, значение и структуру которых надлежит точно определить. Возвести латинское слово к какому-либо индоевропейскому „корню“ еще не означает дать его этимологию»¹. Не следует думать, как то полагают некоторые исследователи, что лишь в конце XIX и в начале XX вв., под влиянием импульсов, исходивших от романистов, особенно от представителей лингвистической географии, этимологи стали больше заниматься словами, чем праформами и корнями. Одним из первых, кто выступил против реконструкции индоевропейских корней, был И. Шмидт, который со всей определенностью заявлял: «Так как корни являются лишь научными препаратами, я не буду заниматься ими и буду учитывать только действительно существующие слова»².

Справедливости ради следует отметить, что отказ от оперирования корнями привел к тому, что в превосходном «Латинском этимологическом словаре» А. Эрну и А. Мейе количество «надежных» латинских этимологий было сужено до минимума, а количество помет «этимология неясна» настолько возросло, что собственно этимологический словарь латинского языка серьезно угрожал превратиться в исторический. Укажем также на то, что постоянное обращение к индоевропейским корням при смелых и проникательных этимологических сближениях позволило И. Шмидту прийти к ряду открытий первостепенной важности в его монографии «Образование форм множественного числа у существительных среднего рода в индоевропейских языках»³. Согласно М. Лойману⁴, одним из самых существенных недостатков этимологических исследований является то, что исторический анализ лексем подменяется рассечением их на корни и детерминативы, что угрожает в конечном счете превратить этимологические исследования в простую игру случайностей и приблизить их к из-

¹ A. Ernout, A. Meillet, Dictionnaire étymologique de la langue latine, Paris, 1959, стр. VIII.

² J. Schmidt, Zwei arische *a*-Laute und die Palatalen, KZ, XXV, 1881, стр. 69.

³ J. Schmidt, Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra, Weimar, 1889.

⁴ M. Leumann, Grundsätzliches zur etymologischen Forschung, «Kleine Schriften», Zürich — Stuttgart, 1959.

вестной формуле Вольтера. В. Шульце с иронией писал: «Недавно я случайно просмотрел этимологические словари Прельвица и Бузака s. v. πλέω и нашел, что здесь отсутствует несколько важных сопоставлений, не потому, что они неизвестны, но лишь потому, что интересы этимолога направлены, к сожалению, преимущественно на восстановленные „корни“, а не на готовые слова живого языка»⁵. В другом месте уже указывалось на то, что в самой постановке вопроса о лексемах или корнях как конечной цели установления индоевропейской этимологии и определения индоевропейского этимона таится известная двусмысленность⁶. Дело в том, что для любого этимологического исследования принципиально важным оказывается выяснение этимологического среза, или этимологической глубины, до которой доходит исследователь. Чем ниже этимологический срез, тем более эффективным и реальным оказывается восстановление корня или структуры этимона, а не лексемы. Именно принцип относительной хронологии диктует необходимость вычленения нескольких этимологических срезов, или нескольких уровней этимологической глубины, каждый из которых характеризуется присущим ему структурированием основных этимологических единиц: лексемы, корня, детерминативов, преформантов. Из этого следует, что на разных уровнях этимологической глубины структура корня может быть различной, различным может быть и соотношение корня и детерминативов, корня и преформантов. Можно дать следующее определение этимона: индоевропейский этимон — это структурно оформленный на соответствующем этимологическом уровне фономорфологический и семантический комплекс, являющийся исходным для определенной лексемы или группы производных образований в различных индоевропейских языках. Из данного определения следует, что исчерпывающим и строго научным анализом индоевропейского этимона может являться лишь его исследование как в плане в ы р а ж е н и я, так и в плане с о д е р ж а н и я.

§ 2. Что касается плана в ы р а ж е н и я индоевропейского этимона, то на общеиндоевропейском, особенно на раннеиндоевропейском этимологическом уровне структура этимона может быть представлена как сочетание корня плюс определенный набор детерминативов. В отдельных случаях, требующих специального анализа, индоевропейскому этимону можно приписать структуру «преформант + корень + детерминатив», но необходимо иметь в виду, что эти две структуры этимона, как правило, не совмещаются в одной хронологической плоскости и структура «преформант + корень» относится к более низкому уровню этимологической глубины. Следует оговорить, что в рамках данной работы не представляется возможным подробное освещение всего комплекса относящихся сюда проблем (они получают исчерпывающее освещение в подготавливаемой нами монографии «Структура и стратиграфия общегерманской лексики»); здесь, по необходимости в аподиктической форме, даются некоторые предварительные выводы на основе вышеупомянутой работы. В раннеиндоевропейском структура корня могла быть представлена сочетанием одной гласной с несколькими согласными. В корне могли выступать пять гласных полного образования (*a, e, i, o, u*); корень мог начинаться группой согласных; группы согласных в исходе корня встречались крайне редко — это, как правило, означало сочетание корня с одним или несколькими детерминативами. Детерминативы представляли суффиксальные элементы, а также, в ряде случаев, конечные элементы корня, отделившиеся от него в результате многократных процессов переразло-

⁵ W. S c h u l z e, Kleine Schriften, Göttingen, 1966, стр. 218.

⁶ Э. А. Макаев, Структура и стратиграфия общегерманской лексики, ВЯ, 1965, 5, стр. 6.

жения, следствием чего являлись индивидуализация этих элементов, превращение их в детерминативы и возможность их сочетания с любым корнем. Сочетание корня с одним или несколькими детерминативами не диктовалось структурой корня, оно отражало скорее определенные структурно-типологические особенности общеиндоевропейского, а именно: стремление к морфологическим кумуляциям или морфологической избыточности в оформлении слова, что, возможно, в свою очередь было продиктовано стремлением к разгрузке омонимии. Апофонических различий в структуре суффикса и детерминатива не наблюдалось, они принадлежали к одному и тому же классу, а их различия объяснялись различной временной соотношенностью. За вычетом случаев переразложения корня, детерминатив представлял конечный результат семантического опустошения суффикса, функционировавший как пустой элемент среди значимых элементов языка, но являвшийся обязательной составной частью структуры этимона и получавший более или менее самостоятельный семантический спектр лишь при последовательном сопоставлении групп этимонов, относящихся к разным уровням этимологической глубины. Индоевропейский корень мог также начинаться с гласной. При этом не наблюдалось каких-либо ограничений, налагаемых на состав гласных, в том числе и на |а|.

Все вышеизложенное подготавливает к выводу, что данная точка зрения полярно противоположна учению Э. Бенвениста⁷ о структуре индоевропейского корня, о двух его состояниях и о сочетании корня с суффиксом и расширителем (подробное обоснование вышеизложенной точки зрения и критика концепции Э. Бенвениста даются в упомянутой выше нашей монографии).

§ 3. Что касается плана содержания индоевропейского этимона, то представляется необходимым прежде всего указать на полную неразработанность всех относящихся сюда вопросов. Хорошо известно, что явно недостаточная разработка семантического аспекта этимологических словарей является по сути дела общим местом в огромном большинстве словарей, на что постоянно указывают рецензенты: достаточно вспомнить рецензию Ф. Злотти⁸ на словарь Вальде — Покорного и рецензию И. Кноблоха⁹ на словарь Покорного. Отвергая ту или иную из предложенных этимологий, авторы этимологических словарей обычно указывают на то, что предложенное объяснение с семантической точки зрения является неудовлетворительным или маловероятным. Так, Я. Фриск отвергает соположение греч. ἀρτέδωνη «петля, аркан» с др.-инд. *apráyati* «укреплять, устанавливать», указывая «семантически неубедительно»¹⁰; по поводу соположения: др.-в.-нем. *zinko* «зубец» и греч. δάκτυλος Фриск замечает: «семантически маловероятно»¹¹. В то же время Фр. Клуге считает семантически оправданным соположения: гот. *sads*, нем. *satt* «сытый», англ. *sad* «печальный»¹². То же в отношении др.-в.-нем. *tapfar* «важный, храбрый», др.-исл. *dapr* «грустный»¹³. При-

⁷ Э. Бенвенист, Индоевропейское именное словообразование, М., 1955.

⁸ Fr. Zlotty, [рец. на кн.:] A. Walde, J. Pokorny, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, I—III, IF, 51, 1933, стр. 145.

⁹ J. Knobloch, [рец. на кн.:] J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Lf. 1—11, «Kratylos», Jg. IV, 1, 1959, стр. 30.

¹⁰ H. J. Frisk, Griechisches etymologisches Wörterbuch, I, Heidelberg, 1960, стр. 150.

¹¹ Там же, стр. 345.

¹² F. Kluge, W. Mitzka, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, Berlin, 1963, стр. 625.

¹³ Там же, стр. 770; см. также: J. de Vries, Altnordisches etymologisches Wörterbuch, Leiden, 1961, стр. 73.

ведение дальнейшего материала представляется излишним, так как количество подобных примеров, как хорошо известно каждому этимологу, можно увеличить до бесконечности. Не представляется возможным установить ratio подобных оценок, меняющихся от словаря к словарю. Нельзя не прийти к выводу, что в практике этимологических словарей в отношении плана содержания этимона и его возможных семантических соположений наблюдается безраздельное господство субъективно окрашенных и импрессионистических оценок. Возникает вопрос, в какой мере план содержания индоевропейского этимона может стать предметом столь же жесткой и точной процедуры, заменяющей шаткие и субъективные приемы отбором строгих критериев, основанных на объективных данных, как то имеет место в отношении плана выражения этимона.

§ 4. А. Шлейхером был выдвинут в сравнительном языкознании постулат о том, что закономерности развития древних индоевропейских языков, включая и индоевропейский праязык, те же, что закономерности развития современных языков. Если это положение перенести на различные уровни языка, то в отношении лексико-семантического уровня вопрос может быть сформулирован в следующем виде: как должны быть отобраны и обработаны данные лексико-семантического уровня современных индоевропейских языков для того, чтобы можно было установить известную совокупность семантических моделей, обязательных и для древних индоевропейских языков и настолько в то же время оперативных, чтобы с их помощью можно было строго и непротиворечиво объяснить структуру плана содержания индоевропейских этимонов. Можно обозначить эту процедуру как семантическую экстраполяцию. Прежде всего несколько замечаний о самом принципе лингвистической экстраполяции. Опираясь на определение экстраполяции, принятое в точных науках, можно следующим образом сформулировать сущность данного принципа: выяснение вопроса о том, в какой мере на основании эмпирических данных величин одной области и отношений между ними можно заключить о постулируемых величинах и постулируемых отношениях между ними в других областях. Не подлежит сомнению исключительная важность данного принципа для теоретического языкознания и философии языка, но совсем особое значение этот принцип имеет для типологии языка, где само сопоставление определенных фонетических, морфологических и синтаксических моделей в языках разных систем имплицитно полагает и предполагает наличие тождественных величин и тождественных отношений между ними, а также для сравнительного языкознания, в котором реконструкция лишь постулируемых величин и отношений между ними на основе эмпирических данных является одной из самых важных процедур лингвистического анализа. Современное состояние индоевропейской семасиологии и этимологии исключает возможность построения в настоящее время некоей общей теории семантической экстраполяции. Можно указать лишь на некоторые опорные пункты и дать весьма несовершенный и предварительный набросок некоторых возможных приемов в этой области.

§ 5. Следует прежде всего указать на то, что отсутствие описательной и исторической индоевропейской семасиологии делает невозможным точное определение вероятности встречаемости того или иного семантического перехода, его регулярности и ареала его распространения в древних индоевропейских языках, что является непременным условием при решении вопроса о возможности или невозможности соответствующий семантический сдвиг приписать общеиндоевропейской эпохе и тем самым определить план содержания индоевропейского этимона. Так, подобное положение

вещей делает невозможным определение того, в какой мере явления синэстезии, широко распространенные в современных индоевропейских языках, допускают семантическую экстраполяцию, т. е. в какой мере данное явление можно приписать общеиндоевропейскому языку и считать одной из потенциальных характеристик плана содержания индоевропейского этимона? Можно указать на диссертацию Фр. Бехтеля, посвященную обозначениям чувственных восприятий в индоевропейских языках¹⁴; однако данная работа дает лишь собрание материала, при этом далеко не полное, выполненное на уровне методики сравнительного языкознания 70-х годов XIX в. Соответствующий раздел в монографии Х. Кронассера¹⁵ содержит случайно подобранный материал из древних и современных индоевропейских и неиндоевропейских языков с легковесными психологическими вкладами. Такое состояние изучения явлений синэстезии в сравнительном языкознании делает преждевременными всякие выводы в отношении общеиндоевропейского состояния и исследователь здесь легко может впасть в анахронизм, приписав плану содержания индоевропейского этимона то, что ему не было свойственно. Не напоминает ли эта процедура неподдельную наивность Чосера, заставившего Адама и Еву в раю исполнять «Отче наш»? Ограничимся следующими примерами. Анализируя греч. ἀγρός «блестящий, быстрый», Я. Фриск¹⁶, опираясь на Фр. Бехтеля¹⁷, находит возможным семантическое развитие: «быстрое движение» → «блеск»; А. Вальде и И. Хофман подчеркивают при анализе лат. *odī* «я ненавижу»: «корень **od* „отвращение, ненависть“ может рассматриваться как ответвление от **od* „издавать запах, пахнуть“ [ср., например, в баварском диалекте: *er stinkt mir* „он мне противен, я его ненавижу“, но это ответвление не могло произойти в эпоху раздельного существования (индоевропейских языков.— Э. М.)], так как нет никаких следов соответствия этому предполагаемому основному значению за пределами латинского языка и поэтому это ответвление должно быть отнесено еще к общеиндоевропейской эпохе»¹⁸. А. Эрну и А. Мейе отвергают соположение и семантическое развитие: «издавать запах → ненавидеть», называя это объяснение шуткой¹⁹.

К семантической экстраполяции относится также выяснение вопроса о том, какой степенью вероятности обладают этимологические сближения в двух и более индоевропейских языках, не обнаруживающие посредствующих звеньев, необходимых для установления направления семантического развития. Так, не может быть верифицирована этимология греч. ξένος «иноземец, гостеприимный хозяин, гость», предложенная К. Бругманом²⁰. Разлагая ξένος на *ξ-εν-ος, Бругман возводит его к общеиндоевропейскому **ghs-en-yō* и сближая его с др.-инд. *ghāsaḥ* «еда, корм» (др.-инд. корень *ghas* «есть»), лат. *hostia* «жертвенное животное», а также с лат. *hostis* «враг», гот. *gasts*, нем. *Gast* «гость» и определяя значение индоевропейского этимона как «тот, кого надлежит съесть». Я. Фриск²¹ отвергает этимологию Бругмана, И. Гофман²², приводя этимологию Бругмана, дает ее под зна-

¹⁴ Fr. Bechtel, *Über die Bezeichnungen der sinnlichen Wahrnehmungen in den indogermanischen Sprachen*, Weimar, 1879.

¹⁵ H. Kronasser, *Handbuch der Semasiologie*, Heidelberg, 1952, стр. 146—153.

¹⁶ H. J. Frisk, указ. соч., стр. 133.

¹⁷ Fr. Bechtel, *Lexilogus zu Homer*, Halle/Saale, 1914, стр. 55—57.

¹⁸ A. Walde, J. Hofmann, *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, II, Heidelberg, 1954, стр. 203.

¹⁹ A. Ernout, A. Meillet, указ. соч., стр. 459.

²⁰ K. Brugmann, *IF*, I, 1891, стр. 172 и сл.

²¹ H. J. Frisk, указ. соч., II, стр. 334.

²² J. Hofmann, *Etymologisches Wörterbuch des Griechischen*, München, 1950, стр. 221.

ком вопроса, Э. Швицер²³ склонен принять эту этимологию, делая весьма характерную оговорку: «(объяснение Бругмана.— Э. М.) приемлемо, если сюда относятся лат. *hostia* и др.-инд. *ghas-* и если обозначение иноземца как „еда, тот, кого надлежит съесть“ указывает на чрезвычайно древний каннибализм». Сюда же относится соположение греч. $\pi\upsilon\gamma\acute{\eta}$ «зад» и др.-исл. *fjúk* «буран, снежная буря»²⁴. Я. де Фрис принимает это объяснение²⁵, в то время как Э. Бенвенист указывает на то, что «наступит день, когда будут удивляться, что этимологи могли допускать такие сопоставления, как... греч. $\pi\upsilon\gamma\acute{\eta}$ „зад“, др.-исл. *fjúk* „буран“»²⁶.

Особого рассмотрения заслуживают явления, относящиеся к семантической экстраполяции, которые можно было бы обозначить как альтернативные решения. Имеются в виду случаи, когда два или несколько из предложенных этимологических объяснений обладают известной степенью вероятности и исследователь восстанавливает на основе одного из этих объяснений (или этимологических альтернатив) план содержания индоевропейского этимона. Рассмотрим несколько случаев подобных альтернативных решений.

1. Арм. *haç* «хлеб» Х. Педерсен сопоставляет с греч. $\pi\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha\iota$ «есть, кушать», гот. *fodjan* «кормить», реконструируя индоевропейскую праформу **pat-ti*²⁷; А. Вальде — И. Гофман сопоставляли арм. *haç* с лат. *pānis* «хлеб», давая индоевропейский архетип **pā-sko* или **pā-ski*²⁸. Н. Покорный связывает *haç* с и.-е. корнем **pek*²⁹ «печь», давая праформу **pek²-ti*²⁹, но фонетически сомнительно выведение арм. ζ < и.-е. *k²t*³⁰. Обозначение «хлеба» в различных индоевропейских языках, как можно видеть хотя бы из фрагментарного описания К. Бака³¹, позволяет связать семантически «хлеб» с семантическим полем «кормить, питать, есть». Однако не исключена возможность заимствования арм. *haç* из кавказских языков. Обозначения «хлеба» в ряде языков являются заимствованиями: можно указать на контрверзу по поводу русск. *хлеб* и серьезные доводы М. Фасмера³² в пользу заимствованного характера русск. *хлеб*; ср. также финское заимствование *leipä* «хлеб»³³. Ср. также арм. *p'ut* «хлебопекарня», заимствованное из греч. $\phi\omicron\upsilon\rho\nu\sigma$ ³⁴.

2. Я. Фрис, давая этимологию греч. $\pi\omicron\tau\alpha\mu\acute{o}\varsigma$ «река», сближает данное слово с греч. $\pi\acute{\iota}\pi\tau\omicron$ «падать», восстанавливая в качестве исходного значения «водопад»³⁵; Я. Ваккернагель связал греч. $\pi\omicron\tau\alpha\mu\acute{o}\varsigma$ с греч. $\pi\epsilon\tau\acute{\alpha}\nu\upsilon\mu\iota$ «распространять, простирает», устанавливая исходное значение для $\pi\omicron\tau\alpha\mu\acute{o}\varsigma$ «распространение, растекание» и приводя в качестве семантического и этимологического соответствия герм. **fajta* «расстояние между вытяну-

²³ E. Schwyzer, Griechische Grammatik, I, München, 1953, стр. 329.

²⁴ J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern — München, 1959, стр. 847.

²⁵ J. de Vries, Altnordisches etymologisches Wörterbuch, Leiden, 1961, стр. 124.

²⁶ E. Benveniste, [рец. на кн.:] J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, BSLP, 54, 2, 1959, стр. 59.

²⁷ H. Pedersen, Armenisch und die Nachbarsprachen, KZ, 39, 1906, стр. 432.

²⁸ A. Walde, J. Hofmann, Lateinisches etymologisches Wörterbuch, II, стр. 246.

²⁹ J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, стр. 798.

³⁰ A. Meillet, Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne, 1936, стр. 4).

³¹ C. Buck, A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages, Chicago, 1949, стр. 356—358.

³² M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, III, Heidelberg, 1958, стр. 245.

³³ Y. Toivonen, E. Itkonen, A. Joki, Suomen kielen etymologinen sanakirja, II, Helsinki, 1958, стр. 285: «*leipä* < репм. *hlaiþa*».

³⁴ H. Hübschmann, Armenische Grammatik, I, Leipzig, 1897, стр. 387.

³⁵ H. J. Frisk, указ. соч., II, стр. 585.

тыми руками, объятие»³⁶. Некоторые дополнительные данные в защиту этой точки зрения привел Фр. Шпехт³⁷, находя ряд семантических параллелей в англосаксонской поэзии, в частности соположение др.-англ. *flód* «поток, река» и др.-англ. *faeðm* «объятие, сажень» в Беовульфе: «... *læton weg niman/flod faeðmian fraetwa hyrde*» (стихи 31, 32, 33) «отправили в путь, отдали повелителя в объятия вод», однако доводы Фр. Шпехта не представляются вполне убедительными.

Приведенный выше материал дает основание для выводов о том, что исследователи далеко не всегда отдают себе отчет в том, какой этимологический срез они имеют в виду, т. е. идет ли речь о восстановлении протоармянского, и соответственно, протогреческого этимона или речь идет об индоевропейском этимоне. Тем самым вопрос может быть сформулирован в следующей форме: 1) в качестве исходного значения в протоармянском для арм. *haç* предполагается «еда, корм»; в качестве исходного значения для греч. *ποταμός* в протогреческом предполагается значение «водопад»; 2) вышеуказанные исходные значения приписываются индоевропейскому этимону.

В первом случае процедура установления исходного значения не может вызвать никаких возражений и следует думать, что использование внутренней реконструкции семантического уровня отдельного индоевропейского языка позволит внести большую ясность в относительную хронологию семантических трансформаций и позволит тем самым уточнить методику этимологических исследований. Однако в данном случае остается неясным соотношение плана выражения и плана содержания этимона, ибо для арм. *haç* восстанавливается общее значение «еда, корм», а реконструкция дается на общеиндоевропейском уровне. Не приходится оговаривать, что в протоармянском подобное сочетание фонем было невозможно.

Во втором случае приходится решительно возразить против процедуры (к сожалению, достаточно широко распространенной в сравнительном языкознании), в соответствии с которой любое значение лексемы любого индоевропейского языка механически приписывается общеиндоевропейскому языку и, тем самым, это значение приписывается плану содержания индоевропейского этимона. Семантический уровень общеиндоевропейского языка в таком случае оказывается скопищем всех возможных или всех встречающихся семантических спектров отдельных индоевропейских языков и индоевропейская реконструкция становится нереалистичной и угрожает потерять всякий *raison d'être*. Именно таким скопищем семантических сдвигов является схема П. Перссона «Изменение значения слов», данная в приложении к его широко известной монографии³⁸. Восстанавливая индоевропейский этимон для одно- и двусложных баз, П. Перссон устанавливает с его точки зрения наиболее типичные семантические сдвиги: колодец < бить ключом, бурлить; куст < вздутие, набухание; думать < (мысленно) наблюдать; слуга < напрягаться, спешить; желудь < еда; мясо < кусок, часть; страх < застывший, неподвижный; тушить < слабый, вялый; улыбаться < блестеть; чистый < блеск; мешок < вздутие; играть < скакать; спор < беспокойное движение; порицать < рвать, вырывать; смерть < распад и т. д. Оставляя в стороне вопрос об обоснованности и реалистичности подобных семантических сдвигов, остается неясным, в какой мере вышеуказанные сдвиги восходят к общеиндоевропейской эпохе и, следовательно, могут включаться в характеристику пла-

³⁶ J. W a c k e r n a g e l, Vorlesungen über Syntax, II, 2-te Aufl., 1957, стр. 30—31.

³⁷ F r. S p e c h t, Griech. *ποταμός*, KZ, 63, 1/2, 1936, стр. 132.

³⁸ P. P e r s s o n, Beiträge zur indogermanischen Wortforschung, Uppsala — Leipzig, 1912, стр. 968—990.

на содержания индоевропейского этимона, и в какой мере они относятся к эпохе раздельного существования индоевропейских языков и отражают, тем самым, внутренний процесс развития лексико-семантической системы одного или нескольких индоевропейских языков. В таком случае вышеуказанные семантические сдвиги не могут быть непосредственно приписаны индоевропейскому этимону и закономерно возникает вопрос о том, что в таком случае входило в план содержания индоевропейского этимона? Подобная постановка вопроса диктует, как кажется, необходимость распространения принципа относительной хронологии и на лексико-семантический уровень.

В этой связи следует остановиться на методике реконструкции плана содержания индоевропейского этимона, нашедшей особенно отчетливое выражение в работах Я. Фриска. В основе этой этимологической процедуры лежит постулат о возможности выявления плана содержания соответствующего этимона путем транспозиции его плана выражения из одного языка в другой язык. Так, определяя этимологию арм. *erdnum* (совр. арм. *erdvel*) «клясться», Я. Фриск³⁹ исходит из того, что для арм. *erdnum* индоевропейская праформа должна быть скорее всего восстановлена как **dhru-neu-mi*. Если, продолжает Я. Фриск, и.-е. **dhru-neu-mi* транспонировать в звуковую оболочку греческого языка, то мы должны получить греч. **δρῦνομι* или **δρῶνομι*. Как отмечает Я. Фриск, подобная основа презенса в греческом не засвидетельствована, но представлена основа греч. *φρῶμι* «звенеть, звучать, громко раздаваться, громко кричать», которое и соответствует арм. *erdnum*. В отношении семантических сдвигов Я. Фриск сравнивает нем. *schwören* «клясться», гот. *swaran* и др.-инд. *svāratī* «звенеть, раздаваться». Не подлежит сомнению, что данная методика этимологического анализа может особенно эффективно применяться при анализе лексем, относящихся к определенным слоям индоевропейского корнеслова: к сакральной, поэтической, правовой лексике, при этом лишь в том случае, когда семантический аспект лексемы в определенном языке точно установлен и его развитие хорошо документировано по памятникам. В противном случае данная этимологическая процедура не может дать ожидаемых результатов и должна быть отвергнута.

Следует думать, что в дальнейшем не нагромождение значений и семантических трансформаций, а семантическая и з б и р а т е л ь н о с т ь станет ведущим принципом при реконструкции плана содержания индоевропейского этимона. Можно также полагать, что выбор этимологического альтернанта при реконструкции плана содержания индоевропейского этимона будет в дальнейшем регулироваться более объективными критериями и сама методика восстановления индоевропейского этимона приобретает строго научный характер лишь тогда, когда в распоряжении исследователя будет исчерпывающее описание индоевропейской семасиологии, когда будет установлен характер и направление семантических трансформаций в различных ареалах индоевропейской языковой общности, когда будут вскрыты принципы моделирования внутренней формы отдельных индоевропейских языков и даже целых ареалов, что избавит реконструкцию индоевропейского этимона от анахронизмов и позволит этимологии по строгости и точности лингвистического анализа занять подобающее место, наряду со сравнительной фонетикой и сравнительной грамматикой, в индоевропейском сравнительном языкознании. Думается, что этимология имеет серьезные основания, во всяком случае она имеет серьезные предпосылки для того, чтобы стать подобной дисциплиной.

³⁹ H. J. F r i s k, *Etyma Armeniaca*, в сб.: H. J. F r i s k, *Kleine Schriften zur Indogermanistik und zur griechischen Wortkunde*, Göteborg, 1966, стр. 256 и сл.

О. Н. ТРУБАЧЕВ

РАБОТА НАД ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Этимологический словарь славянских языков составляется в Институте русского языка АН СССР в течение последних шести лет¹. Проблемы, с которыми приходится иметь дело при работе над ним, и принципы его составления были в основном сформулированы в Проспекте словаря, опубликованном четыре года тому назад². Принципиальная концепция этого Проспекта, благоприятно встреченного критикой³, разработанные в нем практические методы выдержали проверку практикой. Однако в словарной работе коррективы со стороны практики неизбежны, и они обычно касаются сроков выполнения работ и объема собираемого материала. В этимологическом словаре славянских языков цифры количества праславянских словников по отдельным славянским языкам значительно превзошли называемые в проспекте средние цифры (это наводит на мысль о необходимости проведения как бы второго тура проверки собранных лексических материалов с целью выявления их праславянской древности и лексической самостоятельности).

Чтобы выделить центральное положение концепции Словаря, одновременно лежащее в основе отбора слов, а также определяющее суть нашего понимания древних диалектных отношений славянской лексики как внутри славянского языкового пространства, так и в его внешних, индоевропейских связях, достаточно здесь назвать автономность праславянских состояний лексики славянских диалектов и понятие древнего лексического диалектизма.

Основной методический прием в работе по отбору материала для словаря — это восстановление праславянского состава и состояния изнутри, в рамках лексики каждого отдельного славянского языка. Такую методику можно назвать внутренней реконструкцией (несколько расширяя при этом обычное, парадигматическое понимание внутренней реконструкции в современной компаративистике) на том основании, что, несмотря на поддержку со стороны внешних сравнений, определяющими при такой реконструкции праславянского состояния оказываются данные соответствующего отдельного языка и его словаря. В практике этимологической

¹ В подготовке Словаря принимают участие следующие сотрудники: О. Н. Трубачев (руководитель), В. А. Меркулова, Л. А. Гиндин, Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина, И. П. Петлева. Большую помощь составителям ЭС оказывает Т. В. Горячева, ведающая карточками, и В. Михайлович, югославский научный работник, занятый у нас пополнением сербскохорватской картотеки.

² «Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи», М., 1963.

³ Ср.: V. Smilauer, [рец. на кн.:] Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, «Zpravodaj Místopisné komise ČSAV», IV, 5, 1963; F. Koreňný, K novým etymologickým slovníkům, «Slavia», XXXIII, 1964, стр. 460 и сл.; О. Јашар-Настева, За этимолошките речници на словенските језици, «Македонски језик», год. XVI, 1965.

обработки лексических материалов нашего этимологического словаря внутренняя реконструкция может доходить на ограниченной базе до еще более раннего, дославянского состояния, что тоже сближает внутреннюю словарную реконструкцию, принимаемую в Словаре, с внутренней реконструкцией в общепринятом понимании.

В результате работы по реконструкции праславянского словарного состава получена картотека частных праславянских словников для следующих языков: старославянский, болгарский, македонский, сербскохорватский, словенский, чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий, польский, кашубско-словинский, русский, белорусский, украинский. Остается еще полабский, для которого составление праславянского словника запланировано на текущий год. Таким образом будут охвачены все языки, намеченные для Словаря. Приведенный список славянских языков отражает понимание этого вопроса в русской, а также в современной науке в целом, хотя существуют и иные мнения на этот счет. Отдельные из названных славянских языков являются языками со сложной и длительной письменной традицией, другие заметно уступают им в этом и труднее определимы в своих диалектных и классификационных признаках (например, македонский), третьи так и не поднялись над уровнем диалектного существования (кашубско-словинский, ср. и принимаемое нами двойственное, диалектное обозначение), четвертые представлены только в письменной фиксации (два совершенно разных примера — старославянский, язык высококультурной письменности, и полабский — язык очень примитивных, реликтовых записей). Этимолог не вправе забывать неравноценность и разнообразие статусов лексических данных этих языков. Это замечание подводит к вопросу об актуальности и важности филологических критериев в современной славянской этимологии. Лингвистическая география в ее правильном первоначальном понимании географии, точнее — пространственной истории слов, точно документированное знание лексики народных говоров необходимы для современной этимологии, но недостаточны без знания письменной истории слова. Известно, что решение некоторых этимологических вопросов приносит обращение к филологии и текстологии. Наконец, самый характер разнородности, который присущ известным нам лексическим материалам славянских языков, не располагает к строгому предпочтению, скажем, данных диалектной лексики. Широкие масштабы работы над Этимологическим словарем учат ценить различные материалы, в том числе — письменную, литературную лексику.

Несколько цифр, иллюстрирующих ход работы над составлением праславянских словников: к началу 1967 г. картотеки этих словников насчитывали свыше 100 тыс. карточек; к началу 1965 г. их было около 70 тыс.; осенью 1963 г. — 40 тыс. Праславянские картотеки разных языков находятся пока что в разной стадии подготовки: есть условно законченные, но есть и относительно недавно начатые.

Источники лексических материалов Словаря — это прежде всего «толковые, двуязычные, диалектные, исторические словари и списки в различных изданиях» (Проспект, стр. 34). Не предпринимал самостоятельного расписывания (эксперции) несловарных текстов в сколько-нибудь заметных масштабах, составители Словаря стараются использовать доступные возможности пополнения материалов из различных рукописных, неизданных материалов и картотек. С этой целью в Софии руководителем темы был обследован словарный Архив Болгарского возрождения, содержащий интересные лексические и словообразовательные факты диалектного происхождения из болгарской письменности XIX в. (некоторые примеры приводятся ниже), и Архив болгарского диалектного словаря. Были извле-

чены лексические материалы из нескольких десятков дипломных работ по диалектологии студентов Софийского университета, выходцев из различных районов Болгарии. В Югославии (Загреб, Любляна, Белград) руководителем темы был обследован неизданный словарь Скока, диалектные лексические материалы сербскохорватского и словенского языков и картотеки исторического словаря словенского языка. Материал для Словаря собирался и в картотеке древнечешского словаря в Праге (Ж. Ж. Варбот), в исторических и диалектологических словарных картотеках украинского языка в Киеве, Львове, Ужгороде (В. А. Меркулова). Из числа неопубликованных источников Словаря можно упомянуть еще труд Л. Деже по лексике украинской закарпатской письменности XVI—XVII вв. (микрофильм Венгерской Академии наук, любезно присланный нам автором). Таким образом, картотеки Словаря в отдельных случаях представляют собой уникальные собрания, наряду, впрочем, с имеющимися лакунами⁴.

Что касается этимологической картотеки Словаря, то она составлена из сжатых резюме этимологий, извлеченных исключительно из опубликованной научной литературы (журналов, сборников статей и монографий). Этимологические словари привлекаются для консультации, но для картотеки не расписываются. В настоящее время этимологическая картотека насчитывает около 9 тыс. карточек. Для этимологической картотеки расписываются или уже расписаны этимологические материалы журналов *AfslPh*, *ZfslPh*, «Wörter und Sachen», «Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen», *KZ*, *Rad JAZU*, «Slovo», «Записки Научного товариства имени Шевченка», «Language», «Word», «American journal of philology», «Slavonic and East-European review», *BSLP*, *РФБ*, «Живая старина», *ИОРЯС*, *ЖФ*, «*Slavistična revija*», «*Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino*», «*Etnolog*», «Балканско езиковзнание», «*Die Sprache*», «*Glotta*», «*Slavia occidentalis*», «*Prace Filologiczne*». В ближайшем будущем будут расписаны *IF*, «*Die Welt der Slaven*», *ZfS*, *MSLP*, *RESL*, «*Scandoslavica*», *NTS*, «*Slavia*», «*Časopis pro moderní filologii*», «*Naše řeč*», «*Studia Slavica*», «*Studii și cercetări de lingvistică*», «*Živa Antica*», «Български език», «*Studi baltici*», «*Ricerche slavistiche*», «*Archivio Glottologico Italiano*»; «*Rocznik slawistyczny*», *JP*. Из монографий и сборников статей расписаны пока только некоторые работы ван Виндекенса и В. Георгиева.

Сравнительно еще небольшая картотека по славянской этимологии уже представляет определенный научный интерес. В ней отражены в отдельных случаях этимологии, которые не попали или не могли попасть в известные этимологические словари, в ней накапливается материал по этимологии таких славянских языков, которые все еще лишены этимологических словарей (например, сербскохорватского и словенского). Постепенно накапливается материал и для других наблюдений: так, становится видным, на каких словах, считавшихся особенно важными с точки зрения сравнительно-исторического языкознания, фокусировалось внимание большого числа исследователей, в то время как другие слова оставались в тени.

Основным итогом работы над Словарем в настоящее время являются картотеки праславянских словников и этимологическая картотека. Этимологический словарь явится результатом слияния этих картотек.

Итоги подготовительной работы касаются и принципов отбора лексики, а также этимологизации. Задачей Словаря является инвентаризация праславянского пласта лексики славянских языков во всем словообразовательном многообразии, а отнюдь не одной только корневой лексики. Соот-

⁴ См. еще: Л. В. Куркина, Описание картотеки Этимологического словаря славянских языков, сб. «Лингвистические источники Института русского языка АН СССР» (в печати).

ветствующий отбор лексики несомненно включает в себе и спорные моменты, вызванные гипотетическим, неполным знанием праславянского словаря и словообразования; однако мы стремились опираться на научные критерии отбора, опыт этимологии и сравнительной грамматики, изучение внутриславянских и внеславянских соответствий и параллелей. В соответствии со сказанным Этимологический словарь будет словарем словообразовательно-этимологическим.

Конечно, возможны сомнения в целесообразности помещения в этимологическом словаре таких, например, прозрачных слов, как праслав. **jbzryti* — на том основании, что здесь значение слова («вырыть») есть сумма значений составляющих морфем (*jbz*-«вы-» + *ryti* «рыть»). Существует мнение, что подобные слова надо исключать, а брать только такие, где значение слова есть нечто новое по сравнению с суммой значений частей его, например **po-věděti* = «сказать», тогда как **věděti* = «знать» и т. п. Однако следует, во-первых, иметь в виду, что, если значение слова сейчас воспринимается уже не как простая сумма значений его частей, то это еще не представляет гарантии, что так было и 1000—1500 лет назад (например, ничто не мешает принять, что в ту отдаленную пору между **věděti* и **pověděti* не было семантического рубежа, но был лишь рубеж грамматический: **věděti* = «знать», тогда как **po-věděti* = «сделать, чтобы знал», с результитивно-каузативной ролью приставки *po-*); во-вторых, едва ли полезно проводить слишком ригористическое общее правило такого рода, так как в этом случае предлагается отбросить многое несомненно древнее и праславянское. В-третьих, став на этот путь, следовало бы включать в словарь в основном темные и непрозрачные слова, что резко обеднило бы представление о вероятном реальном составе живых слов праславянского языка. Кроме того, в-четвертых, сама специфика славянских языков во многом такова, что словообразовательная структура особенно долго сохраняет в них свою прозрачность (в конце концов, и **pověděti* совершенно прозрачно этимологически, хотя его значение прodelало известную эволюцию). К этому можно прибавить и субъективность самого критерия прозрачного — непрозрачного в этимологии. Помимо сказанного, широко понимать будущий Этимологический словарь обязывает нас задача реконструкции праславянского лексического фонда, который вполне заслуживает максимального выявления и бережного обращения в этимологическом словаре подобного типа, не говоря уже о перспективах дальнейших поисков целенолексемных соответствий за пределами славянских языков (аспект сугубо этимологический). Самое трудное здесь — проблема отражения в Словаре префиксальных глаголов; для Словаря отбираются главным образом факты лексикализации, а не вообще все префиксальные выражения разных «способов действия».

Работа по собиранию материалов для Словаря дает и безусловно будет давать в дальнейшем пищу для новых этимологий. Среди помещаемых в Словаре новых оригинальных этимологий преобладают этимологии слов, прежде признававшихся темными и изолированными. Ниже приводятся примеры этимологий, возникших в ходе работы над праславянскими словарями отдельных славянских языков; эти этимологии в буквальном смысле явились способом реконструкции праславянского состояния соответствующих слов.

Русск. *мосбл*, род. ед. *мослá* м. «большая кость, преимущественно — бедренная», получило широкое распространение в общенародном языке, хотя и с осязательным областным, народным происхождением. Ср. в словаре Даля (без указания мест распространения в народной речи): «*мослák*, *мосбл*, м., *мосольга* ж. «толстая, большая кость, костыца, особенно одна

из округлых костей; бедро с вертлюгом». *Мослак* «толстый конец мосла; бедренный вертлюг»... *Мослак*, *мослак* «птичий локоть, сгиб крыла в папоротке». Васнецов приводит диалектное вятское *мосбл*, *-бла*, м. «толстая кость, освобожденная от вареного или жареного мяса»⁵. Прежде чем продолжить перечень остальных близких, но уже исключительно диалектных слов, укажем, что это слово не имеет удовлетворительной этимологии, этимологически «темно», как характеризует его Фасмер⁶, сообщающий некоторые, впрочем, совершенно невероятные прежние попытки этимологизации *мосбл*, *мослак*. Сразу же отметим, что глаголы *мѹслить*, *мусблить* «слюнить, пачкать слюной, сосать», сюда же *мосблить* (кость) «глодать, сосать» (Даль) несомненно связаны со словом *мосол*, но этимологию его не проясняют, поскольку сами произведены от этого имени и по некоторым признакам — относительно поздно, почему относить их к праславянскому, вероятно, не следует. Обратим, далее, внимание на диалект. (пенз.) *мотолыга* ж. «мясо от передней ноги, кость, мостолыга»⁷, а также яросл. *моклышки* «нижний сустав ноги»⁸, там же — *мостолыга* «соединение берцовой кости со стопой (?)». Эти формы не привлекались ранее при этимологизации слова *мосол*, видимо, как «усложняющие картину», тогда как, по нашему мнению, они, напротив, вносят ясность в происхождение формы *мосол*. Форма *мотолыга* делает вероятным предположение о том, что и равнозначное *мосол* произведено от глагольной основы *мот-* (*мотать*) с помощью старого суффикса *-slъ* (**mot-slъ*, ср. **sъmyslъ* м.), ср. и семантику «вертлюг, сустав»; форма *мостолыга* — явно контаминативна (*мотол-* × *мосол-*), форма *моклышки* содержит результат перехода *-мл-* > *-кл-*, типологически сходного с известной балтийской фонетической тенденцией, но генетически не имеющего ничего балтийского, ср. различные спорадические примеры с разных частей славянской территории. Таким образом, для русского слова *мосол*, как будто не имеющего других славянских соответствий, мы реконструируем праслав. **moslъ*.

Белорусск. *гарэзны* «проказливый», сюда же русск. диалектн. (смол.) *гарэзовать* «баловаться»⁹ явно родственны ц.-слав. *грѣза* «смещение, сѹгущис, confusio», вместе с которым они продолжают праслав. **grĕza*, восполняя столь ощутимый в словаре Фасмера¹⁰ пробел в свидетельствах из восточнославянских народных говоров. Гласный *-a-* в основе *гарез-* < **grĕz-* мы объясняем как позднейшую вставку. Ср. диалектн. (псков.) *грэза* м. «шалун»¹¹, (олонец.) *грѣзить* «бредить»¹², (барабинск.) *грѣзить* «шалить, блудить, проказничать; галлюцинировать, быть глубоко погруженным в мечты»¹³, (арханг., перм., псковск.) *грѣзить* «шалить, дурачиться, проказить»¹⁴, (прибалт.) *грѣзить* «брать чужое, баловаться»¹⁵.

⁵ Н. М. Васнецов, Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора, Вятка, 1907, стр. 135.

⁶ М. V a s m e r, REW, II, стр. 163.

⁷ «Опыт областного великорусского словаря», СПб., 1852, стр. 116.

⁸ Г. Г. Мельниченко, Краткий ярославский областной словарь, Ярославль, 1961, стр. 112.

⁹ В. Н. Добровольский, Смоленский областной словарь, Смоленск, 1914, стр. 123.

¹⁰ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, I, М., 1964, стр. 455.

¹¹ «Опыт областного великорусского словаря», стр. 42.

¹² Г. Куликовский, Словарь областного олонцкого наречия, СПб., 1898, стр. 17.

¹³ А. Молотиллов, Говор русского старожилго населения Северной Бары (Канского уезда, Томской губ.), «Труды Томского об-ва изучения Сибири», II, вып. 1, Томск, 1913, стр. 141—142.

¹⁴ «Опыт...», стр. 42; А. И. Подвысоцкий, Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении, СПб., 1885, стр. 35.

¹⁵ В. Н. Немченко, А. И. Сница, Т. Р. Мурникова, Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики, Рига, 1963, стр. 71.

Болг. диалектн. (стар.) *гранив* «оранжевый» удалось обнаружить, просматривая словарную картотеку «Архив Болгарского возрождения» (София), уже упоминавшуюся выше. Это значение данного слова хорошо показывают примеры употребления из соответствующих болгарских текстов: «...кожа-та на кыта отгорѣ черна и гранива, отдолѣ — бѣла и бляскова...» (Летоструй, 1871 г.) «кожа кита сверху черная и оранжевая, снизу — белая и блестящая»; особенно показателен следующий пример, где значение *гранив* «оранжевый» устанавливается с идеальной точностью, поскольку речь идет о цветах светового спектра, в котором оранжевый цвет помещается, как известно, между красным и желтым: «Въ това изображение око-то съзира различни шарове, отъ кои-то обыкновенно различава седъмъ шарове, намѣстены единъ до другъ отгорѣ на долѣ така: моравъ, синь, ясно-синь, зеленъ, жлътъ, жлътникавъ, или гранивъ и червень» (И. Груев. Физика, 1872 г.) «в этом изображении глаз наблюдает различные цвета, из которых обычно различает семь цветов, расположенных один за другим сверху вниз следующим образом: фиолетовый, синий, голубой, зеленый, желтый, оранжевый (*жлътникавъ*, или *гранивъ*) и красный». Следует сказать, что это обозначение оранжевого цвета, очевидно народное по природе, как будто неизвестно современному говорам болгарского языка. В современном болгарском языке и его диалектах известно совершенно другое *гранив* «прогорклый (о масле, жире)», которое объясняют как местное производное от праслав. **gor-n-* к **gorěti* «гореть, жечь», ср. ощущение жжения, вызываемое прогорклым вкусом¹⁶. Предыдущее (стар.) *гранив* «оранжевый», по-видимому, никак не связано с *гранив* II «прогорклый». Слово *гранив* I «оранжевый», очевидно, забытое говорами болгарского языка, а также изолированное (если говорить о полных соответствиях) среди прочей славянской лексики, не уступает по древности болг. *гранив* II «прогорклый», напротив, формой своей основы и своим значением продолжает дославянское, индоевропейское состояние. Так, можно полагать, что болг. (стар.) *гранив* «оранжевый» вместе с германским цветообозначением нем. *grün*, англ. *green* «зеленый» продолжает и.-е. **ghrō-n-*, производное на *-n-* от и.-е. **ghrō-/*ghrə-*, вокруг которого объединяется лексика со значениями «вырастать, прорасти» > «быть зеленым, зеленеть». Этот пример заставляет нас вспомнить, что болгарский имеет еще одно, по-видимому, реликтовое цветообозначение — *грив* «серый, пестрый», вероятно, из фракийского от и.-е. **ghrēyo-*, ср. нем. *grau* «серый»¹⁷. Любопытно отметить, что слѣва *гранив* со значением цвета (как, впрочем, и слова *грив*) не знает уже македонский язык, насколько можно судить во всяком случае по большому словарю македонского языка.

В результате этимологии болг. *бѣло* «тонкое покрывало невесты, фата» (благодаря которой сделалась возможной и правдоподобная праславянская реконструкция этого болгарского слова) мы получаем право говорить еще об одном древнем диалектизме лексики и словообразования — праслав. **ob-u-dlo*, ср. соответствия в корне и суффиксе: литов. *aikiĭ* «портянка», лат. *sub-uculum* «нижняя туника»¹⁸. Все эти соответствия или параллелизмы объединяет и семантика (сфера названий одежды), архаичная для славянского слова, где основа **оу-* еще не получила специализации «обувать, одевать обувь», охватившей все прочие ее производные в славян-

¹⁶ В. Георгиев (и др.), *Български етимологичен речник*, св. IV, София, 1965, стр. 273; Ст. Младенов, *Етимологически и правописен речник на българския книжовен език*, стр. 109. Эти словари не приводят *гранив* «оранжевый».

¹⁷ В. Георгиев (и др.), *указ. словарь*, стр. 280.

¹⁸ О. Н. Трубачев, *Славянские этимологии* 41—47, сб. «Этимология. 1964», М., 1965, стр. 11—12.

ском и балтийском, а выступает в более первоначальном значении «надевать (вообще)».

Заслуживают упоминания также уточнения и исправления, к которым приводила работа по отбору и формально-словообразовательной праславянской реконструкции. Так, например, Младенов сближал болг. *поща*, *поща*, *пбскам* «искать (вшей, блох)» с лат. *poscō* «хочу»¹⁹, тогда как здесь ясно прослеживается продолжение праслав. **pojęšćr*, **pojęskati* (ср. русск. *поискать*), не имеющего ничего общего с лат. *poscō* < **pŕk-skō*.

Говоря об этимологии как существенном способе реконструкции праславянского состава лексики, мы наблюдаем здесь возможности не только установить ряд бесспорно древних, но узко распространенных форм и слов, но иногда продолжить их реконструкцию в дославянское прошлое. Именно так понимаем прибалтийско-словинское *dvjige* ср. р. «ярмо для двух волов» (Lorentz Slovinz. Wb., I, стр. 222), которое имеет признаки нерегулярного сложения и архаического образования вымерших словинских диалектов кашубско-словинского языка или диалектной группы (ср. характер сложения и словосочетания особой краткой формы числительного с несогласованным именем **du-igo* «два ига», напоминающего *status constructus*, далее — самый факт реликтовости форм от праслав. **jŕgo* в этих и вообще — в лехитских диалектах, невозможность заимствования в данном примере и т. д.). Изолированное в славянском словинское название двойного ярма *dvjige* интересно сопоставить с лат. *bigae* «двойная упряжка», близкого образования²⁰. Близким примером является древнезападнорусское, старобелорусское *зерема*, род. ед. *зеремени* «колони бобров», проэтимологизированное мной как изолированное местное продолжение праславянского **zerd-men-* «огороженное», ср. белорусск. *азарбд*, *азярбд* с рефлексом того же индоевропейского палатального заднеязычного²¹. Годом позже такую же этимологию независимо предложил Шевелев²². Из других этимологий, полученных в поисках праславянской реконструкции, вспомню н.-луж. *bluraś* «лить жидкость разбрызгивая; гадить (о птицах, например о гусях)» с его удивительно точным соответствием за пределами славянского — в литов. *biaurōti* «гадить, загадить»²³.

Таким образом, мы подходим к проблеме славянско-неславянских лексико-словообразовательных соответствий. С точки зрения современной науки было бы неактуально противопоставлять весь славянский, понимаемый как монолитное целое, — всему остальному индоевропейскому. В противоположность этому мы считаем особенно актуальным игнорировавшийся до сих пор разряд соответствий, а именно — всякого рода сепаратные, частичные славянско-неславянские соответствия и параллелизмы, которые охватывают только часть славянского языкового пространства или даже нередко — один исторический славянский язык или диалектную группу. В связи с этим напомним, что работу по подготовке этимологического словаря определяют два основных аспекта — охарактеризованный выше аспект внутренней реконструкции и индоевропейский аспект, о котором мы говорим сейчас. При этом славянский словарный состав в его древнейшей части, дифференцированной по диалектам, понимается

¹⁹ С т. Младенов, указ. соч., стр. 502.

²⁰ О. Н. Трубачев, Заметки по лехитской этимологии, «Польский лингвистический сборник» (в печати).

²¹ О. Н. Трубачев, О составе праславянского словаря, «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов», М., 1963, стр. 179.

²² G. Y. Shevelov, A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic, Heidelberg, 1964, стр. 142.

²³ О. Н. Трубачев, О праславянских лексических диалектизмах серболужицких языков, «Сербо-лужицкий лингвистический сборник», М., 1963, стр. 161.

как продолжение лексики части индоевропейских диалектов. Выявление новых славянско-неславянских словообразовательно-лексических соответствий и параллелизмов приобретает при этом особую важность. Различение соответствий ~ общностей и независимых параллелизмов затруднительно, но точно установить отличие одного от другого не удастся даже в пределах собственно славянского, что не делает менее ценным аналогичные более отдаленные соответствия. Больше того, мы убеждаемся, что они еще плохо известны и недостаточно выявлены. Правда, нужно отметить, что в предшествующей литературе и словарях различные словесно-словообразовательные пары такого рода уже отмечались, не будучи как правило в центре внимания авторов, но и эти известные науке факты известны явно не в достаточной степени и в славистике используются слабо. Ниже приводится несколько примеров того и другого рода, иллюстрирующих возможный характер славянско-неславянских цельнолексемных соответствий, в том числе — соответствия, охватывающие более чем одну морфему слова. Среди источников наших сведений есть и известные словари и другие печатные издания, есть данные языков, еще не вошедших в широкий обиход компаративистики, есть также отдельные архивные данные.

Праслав. **božn-ica*: согд. (манихейск.) βγ n-(vaγn-) «temple» < **bagina*-²⁴.

Праслав. **duša* < **dušia*: галльск. *dušios* «fantasmi» (Августин, *De civitate dei* XV, 23)²⁵.

Праслав. **obitokъ* — слабо засвидетельствованное имя, главным образом в виде производных и в ономастике. Ср. болг. (стар.) *обиточен* «обиходный, повседневный», неизвестное современным говорам болгарского языка, но дошедшее до нас в литературе Болгарского возрождения, например: «...отъ това, ми са стрѣва, оставатъ посрамлени мои те неприатели, за това ги оставамъ въ обиточны те си мысли» (Ем. Васкидович, *Първи понятия за дегинско употребление*, 1847 г., «Архив Болгарского Возрождения», София) «этим, мне кажется, остаются посрамлены мои неприятели, поэтому я их оставляю в своих повседневных мыслях». Ср., далее, названия *Обиточная коса* (на Азовском море) и *Обыточка* < **Обиточка* (река в бассейне Днепра): ваханское (один из иранских языков) *və'dek* «goad, path», сакское *ēvātā(ka)* «street» < пр. **abi-taka*-²⁶.

Праслав. **sqsēdъ*: пашай (один из иранских языков) *hamsay'a* «neighbour»²⁷.

Праслав. **verēja*: оск. *vereias*, род. ед., «Jungmännerbund», первоначально — «Torwache»²⁸ (в оскском осуществлен семантический переход вроде нашего *застава* «огражденный вход» > «охрана», ср. *застава богатырская*).

Словен. *vītra* «*Flechtgerete*»: латыш. *vītra* «ein Schling-, Rankengewächs»²⁹.

При отборе праславянских словников, естественно, на каждом шагу приходится иметь дело с более новыми, поздними элементами лексики. Явно новые заимствования отдельных славянских языков без колебания отбрасываются нами, поскольку их место — в этимологических словарях отдельных славянских языков, у нас же эти поздние включения явственно

²⁴ Об иранском слове см.: I. Gershevitch, *A grammar of Manichean Sogdian*, Oxford, 1954, стр. 25.

²⁵ Цит. по кн.: G. Devoto, *Origini indeuropee*, Firenze, 1962, стр. 462.

²⁶ Иранское слово см. в кн.: G. Morgenstierne, *Indo-Iranian frontier languages*, II, Oslo, 1938, стр. 547.

²⁷ G. Morgenstierne, указ. соч., III, Oslo, 1956, стр. 77.

²⁸ Последнее взято в словаре: Pokorny, *IEW* I, стр. 1160 (со ссылкой на Петера).

²⁹ Сближение см.: Müllenbachs — Endzelīns, *Latviešu valodas vārdnīca*, IV, стр. 648.

выпадали бы из общей картины праславянского лексического фонда. Но лексика славянских языков исследована еще недостаточно, поэтому нередки в нашей практике более трудные случаи, когда приходится в сущности предпринимать этимологическое исследование не для того, чтобы обосновать праславянскую древность слова и правомочность его праславянской реконструкции, а для того, чтобы доказать этимологически факт местного или сравнительно позднего заимствования данного слова с тем, чтобы исключить его при отборе праславянского словника. Трудности, встречаемые при отборе и реконструкции праславянских словников, не всегда удается преодолеть, и вопрос о принадлежности отдельных слов остается у нас открытым. Приведу пример из недавней практики отбора праславянского словника для сербскохорватского языка. Слово серб.-хорв. *рбѡа* ж. «аист» мы сначала хотели на основании некоторых данных отбросить как местное позднее заимствование, но потом все-таки решили оставить, хотя и под знаком вопроса (вместо праславянской реконструкции), как у нас принято поступать в сомнительных случаях. Дело в том, что неопубликованный этимологический словарь сербскохорватского языка Скока толкует отношения серб.-хорв. *рбѡа* «аист» и близких греч. *ἐρωδιός* «цапля», лат. *ardea* «цапля» как древнюю родственную связь, хотя для этого требуются сложные апофонические гипотезы. Не приводит *рбѡа* в числе заимствований и Фасмер в своем известном труде о грецизмах в сербскохорватском языке. И, однако, скорее можно думать, что это упущение Фасмера и что, по-видимому, надо согласиться с Г. П. Клепиковой, которая, вслед за составителями загребского академического словаря, принимает здесь местное и относительно позднее (слово известно только в новых сербскохорватских словарях!) заимствование из греч. *ἐρωδιός*³⁰.

Этимологические основания невключения слов в отбираемый праславянский словник Этимологического словаря заслуживают самого серьезного внимания, особенно в таких специфических и сложных случаях, как только что разобранный. Поскольку проделываемая при этом работа не найдет, естественно, отражения в Этимологическом словаре, так как материал невключенных слов остается за его пределами, сообщим здесь несколько дополнительных иллюстраций. Нижеследующие примеры объединяет не только то, что это — заимствования, попавшие в славянский язык после праславянской эпохи, но и их принадлежность к общей семантической сфере обозначения прибрежной растительности («камыш», «осока»).

Болг. *дзѹка* «камыш», макед. *зука* «*Heleocharis palustris*», серб.-хорв. *зѹка* ж. «камыш; ситник озерный», *зѹква* «камыш болотный» объясняются как заимствованные из балканороманской формы лат. *juncus* «тростник». При этом обращает на себя внимание отражение романского *-in-/-on-* перед согласным с помощью гласного *-y-*, но этот рефлекс мог иметь здесь характер субституционной замены и едва ли может быть использован как свидетельство древнего заимствования в эпоху существования носовых гласных в этих славянских диалектах.

Болг. *кѹндра* «осока», диал. *кѹндра* (в Восточной Болгарии) «растение *Carex*, осока; вид болотной травы» (СбНУ V, I, 352; XXIV, 394; ИССФ VIII, IX, 371; цит. по картотеке «Архив болгарского диалектного словаря», София) имеет восточноболгарское диалектное распространение и неизвестно другим славянским языкам. Уже диалектно близкий болгарскому македонский язык как будто не знает этого слова. Болг. *кѹндра* стоит изолированно среди славянского словаря и одновременно примыкает по форме и значению к ряду названий растений, объединяемых вокруг и.-е.

³⁰ Г. П. Клепикова, Славянские названия птиц (аист, ласточка, ворон), ВСЯ, 5, 1961, стр. 170.

**kъendhr-*: лат. *combrētum* «растение, близкое к полыни», датск. *quander* «*Angelica silvestris*», литов. *švėndras* «рогоз». Болг. *къндра* «осока, болотное растение» не может прямо продолжать индоевропейскую праформу, определенные фонетические черты не позволяют его связывать преимущественно ни с латинской, ни с балтийской формой, одновременно указывая на особый индоевропейский характер болгарского слова, в котором мы, несмотря на его кентумный рефлекс и.-е. *k*, условно определяем фракийское реликтовое происхождение, ср. и восточноболгарское распространение слова *къндра*.

Болг. *шавар* «осока», макед. *шевар* «тростник, камыш», серб.-хорв. *шѣвар* м. «тростник, камыш», словац. диалектн. *šivar*, *šivar* «поросшее травой место», чеш. диалектн. (моравск.) *šivarina* «сорная трава», польск. *szuwar* «камыш», укр. *шувър* м. «растение *Scorus salatus*», русск. диалектн. (Даль: зап.) *шувър* «болотные, водяные растения». Есть основания полагать, что это заимствования. В принципе эта мысль не нова. Так, Шмилауэр у Махека³¹ выводит словацкие и моравские формы из венг. *sivár* «пустынный, пустой». Венгерскую форму приводит и Брюкнер, правда, последний указывает на восточнославянское происхождение польск. *szuwar* «камыш»: «и нас w 17 wieku z Rusi»³². Это предположение кажется необоснованным, украинская форма слишком точно повторяет вокализм польского слова, особенно в сравнении с вариантностью огласовки в прочих славянских языках. Что касается русского примера у Даля, его западное, окраинное употребление и происхождение не оставляет сомнений. Единственный пример словоупотребления у Даля — загадка: Шуварова сестра шуваром шла (рыба) — в точности повторяет такую же украинскую загадку (см., например, словарь Гринченко: *шувър*). Восточнославянские формы заимствованы, конечно, из польского. Мысль о венгерском происхождении нуждается в проверке и не очень хорошо вяжется с довольно широким распространением слова у южных, западных и даже восточных славян. Скорее можно видеть здесь заимствование из немецких форм, близких др.-в.-нем. *sahar*, *sahor*, *saher*, ср.-в.-нем. *saher*, которое тоже обозначает осоку, Сагех, сюда же австр. диалектн. *der saher* «зеленеющие ростки травы и злаков», бав. *saher* — от герм. *sah-* «режущий»³³. Приходится признать, что заимствование состоялось относительно давно, так как в славянских формах нем. *h* первоначально не было никак отражено, а затем зияние было заполнено согласным *-v-*, что представляет довольно точную аналогию случаю слав. *avorъ* < нем. *Ahorn*. С другой стороны, отражение нем. *s* в виде слав. *š-* как бы ставит славянские формы на один хронологический уровень с польск. *szukać* и нем. *suchen*, т. е. делает допустимой мысль о более позднем времени заимствования польск. *szuwar* и близких славянских. Не исключено, что обширность распространения этого слова в славянских языках — факт вторичный (ср. выше об украинской и русской формах) и что заимствование из немецкого первоначально состоялось на гораздо более ограниченной славянской территории.

Работа над нашим этимологическим словарем славянских языков, конечно, зависит от общего положения в этимологической лексикографии славянских языков. Успехам наших зарубежных и советских коллег в этой области мы придаем решающее значение. Научных предприятий, наиболее близких и родственных по замыслу нашему Словарю и так же

³¹ V. M a c h e k, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, стр. 518.

³² A. B r ũ c k n e r, Słownik etymologiczny języka polskiego, стр. 558.

³³ Немецкие формы см.: O. S c h a d e, Altdeutsches Wörterbuch, II, 2. Aufl., Halle a. S., 1872—1882, стр. 735. К сожалению, Клюге, ограничиваясь только стандартным нововерхнемецким, не дает этих форм.

как этот последний, охватывающих лексику всех славянских языков, в настоящее время насчитывается три, и ведутся они в Чехословакии, Германии и Польше. Таким образом, одновременно (хотя и на разной стадии) ведутся четыре лексикографические работы над материалом славянской лексики, более или менее тесно связанные с этимологическим исследованием. Здесь нет дублирования; напротив, можно с удовлетворением констатировать своеобразие и оригинальность путей, которыми идет к своей цели каждая группа авторов (все это фактически коллективные труды). Мы были бы много лишены, если бы имела место монополизация общеславянской этимологической лексикографии одной группой исследователей. Следует признать нормальным и благоприятным существующее положение, при котором одновременно ведется работа над следующими трудами:

1. «*Etymologický slovník slovanských jazyků*» (Чехословацкая Академия наук, Брно). Работа над словарем ведется с 1952 г. Вплоть до своей смерти в 1965 г. руководство этим словарем осуществлял выдающийся этимолог проф. В. Махек. Словарь составляет коллектив квалифицированных специалистов (Ф. Копечный, Е. Гавлова, А. Матл, Г. Плевачова, В. Чапкова). О принципах и характере будущего словаря в Брно дает представление его Пробный выпуск (*Ukázkové číslo*), выпущенный в 1966 г. в Брно под редакцией и с предисловием Е. Гавловой. Брненский словарь не ставит своей целью реконструкцию праславянского словарного состава, он включает также более поздние прижившиеся заимствования, т. е. по широте охвата приближается к неоконченному словарю Бернекера, хотя в нем и проводятся определенные ограничения (не включаются совсем поздние локальные заимствования и отдается предпочтение исконной славянской лексике).

2. «*Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen*», издаваемый известными немецкими славистами Л. Садник и Р. Айцетмюллером в Федеративной республике Германии, предназначается авторами для того, чтобы дать как можно больше разнородного лексического материала славянских языков, группируемого по этимологическим принципам. В методике расположения слов труд Садник и Айцетмюллера занимает оригинальную позицию, отличающую его от словаря Бернекера и от других, современных нам, словарей подобного рода. Словарь публикуется выпусками, из них уже вышли два.

3. «*Słownik prasłowiański*», подготовка которого начата по замыслу и под руководством покойного Т. Лер-Сплавинского, продолжается группой краковских славистов (Ф. Славский, К. Полянский, Т. Шиманский, З. Голомб). Цель словаря составители видят в реконструкции вероятного праславянского лексического состава, этимология используется как вспомогательный критерий. Вышел пробный выпуск (*zeszyt próbny*) в 1961 г. в Кракове.

4. Наш Этимологический словарь, о принципах и состоянии которого здесь было рассказано.

Особенную важность для нашей работы над Этимологическим словарем приобретают сведения этимологических словарей отдельных славянских языков. К сожалению, здесь еще многое остается сделать. Русский язык обеспечен этимологическими словарями в общем в достаточной степени, чего нельзя сказать об остальных восточнославянских языках. Мы надеемся, что для украинского языка в ближайшие годы положение изменится к лучшему и что сильный коллектив киевских славистов, выпустивших недавно оригинальный курс «Введение в сравнительно-историческое изучение славянских языков», подготовит новый этимологический словарь украинского языка, опирающийся на богатые украинские исторические картотеки. Работа над таким словарем в Киеве уже ведется. Сейчас мы

пользуемся частично опубликованным словарем Я. Рудницкого, который не может полностью удовлетворить потребность в справочнике по украинской этимологии. Совершенно очевидна необходимость в белорусском этимологическом словаре. Из южнославянских языков удовлетворительнее всего обстоит дело с болгарским, если иметь в виду не утративший научного значения этимологический словарь Младенова, а также новый болгарский этимологический словарь, выходящий выпусками и составляемый группой авторов под руководством В. Георгиева. Последний словарь обещает быть богатым диалектной лексикой. Вопрос об отдельном этимологическом словаре для македонского языка, видимо, еще не ставился. Особенно затянулось тяжелое положение с этимологическим словарем сербскохорватского языка. Важность всемерного использования этимологических данных этого крупного и интересного в лексическом отношении языка не требует доказательств, и, однако, мы лишены здесь элементарного справочника. Крупный и вполне законченный труд П. Скока «Этимологический словарь сербскохорватского языка» досадно задерживается с выходом в свет. Эту большую рукопись (в два раза больше словаря Фасмера) готовят к изданию Л. Йонке и В. Путанец в Югославянской Академии наук и искусств в Загребе. Мы многого ждем для этимологии славянских языков от выхода словенского этимологического словаря Ф. Безлая, пробный выпуск которого был опубликован еще в 1963 г. Высокий уровень этимологической разработки отличает чешский язык. Так, мы рассчитываем, что к уже имеющимся словарям скоро прибавится новое, 2-е издание этимологического словаря чешского языка В. Махка. Бесспорного интереса заслуживает идея издания особого этимологического словаря для словацкого языка. Мы должны с благодарностью отметить работу наших польских коллег над новым большим польским этимологическим словарем (Ф. Славского, вышло два тома) и полабским этимологическим словарем (К. Полянский). Немецкие сорабисты (в настоящее время прежде всего Х. Шустер-Шевц) приступили к разработке серболужицкого этимологического словаря.

Таковы — очень коротко — условия и перспективы работы над нашим Этимологическим словарем. Здесь нет возможности говорить детально о такой практической проблеме, как зависимость Словаря от характера расписываемых нами словарей, особенно в том, что касается толкования слов, в том, что касается подачи слов, с вытекающими отсюда отрицательными последствиями, которые не всегда могут быть преодолены; нет здесь также возможности говорить специально о проблеме лексико-словообразовательной реконструкции в целом (в частности — в связи с проблемой утраты слов), а также о ее пределах, требуемых для задач Этимологического словаря, хотя отдельные примеры этого рода представляют большой интерес (ср. возможные наблюдения над праслав. *skridlo, *kridlo и его словообразованием как сигналом доисторического наличия раннепраславянского глагола *skriti «лететь, летать», который, однако, остается, ввиду недостаточной обоснованности живыми формами, за пределами словника Этимологического словаря славянских языков).

Ф. БЕЗЛАЙ

ОПЫТ РАБОТЫ НАД СЛОВЕНСКИМ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ

Сравнительная славистика за последние десятилетия уделяет весьма мало внимания словенскому языку, занимавшему во время Миклошича и непосредственно после него свое место в среде научных интересов. Миклошич исходил из того ошибочного положения, что словенский язык благодаря чрезвычайно высокому количеству архаизмов в словарном составе является непосредственным потомком древнецерковнославянского языка. После смерти Миклошича сравнительное языкознание постоянно пользовалось богатыми и точными данными этого ученого о словенском языке. Менее удачно оно обошлось с самым обширным до сих пор словенским словарем Плетершника, вышедшим в свет года через четыре после смерти Миклошича. Плетершник включил в свой словенско-немецкий словарь изрядное количество диалектных слов и исторического словарного материала, что не учитывалось в других словарях литературных языков. Из-за чрезвычайной диалектной расчлененности словенского языка Плетершник не смог приспособить свои огромные материалы к уже сформировавшимся нормам литературного языка. Его записи являются нередко гиперкорректными, одни и те же слова возникают в его словаре в разных видах в различных гнездах. Языковедам-компаративистам, использовавшим его материалы без достаточного знания развития словенского языка, случалось допускать многочисленные ошибки. Так, например, Бернекер связывал словенское слово *klêj*(муж. род), *klêja*(жен. род), *klija* и *klejca* «*Alburnus alburnus*» с общеславянским названием рыбы *klěнь*, хотя очевидно, что исходить следует из другого названия рыбы, а именно из *ukleja*.

Такие наблюдения явились предупреждением для языковедов, что словенскими словарными материалами нельзя оперировать без основательного знания словенской исторической грамматики и без реконструкции по крайней мере доальпийско-славянских, а по возможности и допраславянских исходных форм. Удовлетворительной и в достаточной мере полной словенской исторической грамматики до сих пор нет, хотя наши познания предмета, благодаря фрагментарному труду Ф. Рамовша и его последователей, несравненно богаче, чем сорок лет тому назад. Все же большая часть словенского словарного состава осталась неиспользованной. Вопреки богатой словенской лингвистической традиции, по крайней мере четыре тысячи гнезд, зарегистрированных либо в словенском литературном языке, либо в диалектах или в историческом словарном составе, и поныне не отражены в научной литературе. Нередко высказывалось мнение — упомяну лишь Мейе и Махка, — что словенский словарный материал должен быть реконструирован в своих исходных формах на базе словенской лингвистики; лишь после этого он может быть использован для этимологии.

Практически это, конечно, невозможно. В громадном большинстве случаев, напротив, знание этимологии и семантического развития слова являет-

ся ключом для словенских реконструкций. Возьмем для примера словен. диалектн. *kôpsko* «время с 4 до 5 после обеда» (Толмни) и *kôpšcak* «закуска». Развитие значения возможно лишь через глаголы *kopêti*, *kopim*, *kopîti se* «muffeln, muffig werden» (Berneker, I, 565). Согласно развитию словенской фонетики, для слова *kôpsko* единственной возможной реконструкцией может быть **koprbtsko*. Ближе, чем современные значения в других славянских языках (чеш. *kopt*, русск. *коноть* и т. д.), к словенскому стоят латыш. *skapstêt* и *kvêpt*, *kvêpstu* «duften, verkommen и т. д.» (Fraenkel, 325).

Подобное положение наблюдается и в словен. *sraga* «Трофен» *od srage udarjen* «vom Schläge gerührt». Миклошич (EW, 316) связал это слово с др.-инд. *sarga* «Guss», что совершенно невероятно, так как было бы единственным в славянских языках словенским заимствованием из индоиранского. По значению словенское слово можно связать с литов. *siŗgti*, *sergù* «болеть», *pasargà* «болезнь, слабость», хотя нынешние значения в других славянских языках совершенно иные (см.: Vasmer, II, 698). Предполагать параллельное развитие из индоевропейского для др.-инд. *sarga* и словен. *sraga* невозможно, так как *sarga* происходит из корня **selg'*.

Исследователю остается в сомнении относительно словен. диалектн. *gnida* «ein bisschen», *gnida kruha* «ein Stück Brot», *do gnide* «gänzlich» (Горенско и Горицкие Брда). Фонетически и по значению самые близкие параллели мы находим в норв. диалектн. *gnitta* «kleines abgesprungenes Stück», вост. фриз. *gnid*, *gnit* «allerlei» из корня **ghen-* (Pokorny, IEW, 436). Ясно, что это не может быть заимствованием нем. *Gnitze* «kleine Mücke»; оно либо восходит к предполагаемой восточногерманской форме **gnida* (из прагерм. *gniða*), либо это результат позднейшего схождения древней индоевропейской формы.

Подобная же параллель в семантическом развитии наблюдается между словен. *objêst* (жен. род) «шалость, резвость, нахальство», прилаг. *objêsten* и вост. фриз. *eitel* «шаловливый, дерзкий, бешеный», др.-исл. *eitr* «шалость, бешеность». Отношение между значениями исл. *eista* «testiculi» и *eitr* вполне соответствует словен. *objêst* и др.-русск. *ютець* (им. дв. числа) «testiculi» (из и.-е. **oid-s-to*), хотя Миклошич (EW, 98 и VGr., I, 344) выводил словен. *objêst* из корня **êd-* «есть». В словообразовательном отношении словенское слово *objêst* (жен. род) является характерным существительным жен. рода основы на *-i*, обозначающим психическое качество, и должно быть весьма древней формой, ср. другое слово того же корня, словен. *obîst* (жен. род) «почка» к ст.-слав. *усто* (ср. род), род. *устесе*, **ob-istъje* «почка» (из и.-е. **eid-s-to*).

Сравнительно большое количество таких и подобных примеров в словенском словарном составе приводит к вопросу об отношении альпийского славянского языка к общепринятому на основании известных реконструкций праславянскому языку. Словенский язык сохранил много архаических черт, однако возникает вопрос о грани между консервативностью и архаичностью. Согласно существующим представлениям, альпийский славянский язык VII и VIII вв. является лишь продолжением общего праславянского состояния, и сравнительно немногочисленными фонетическими инновациями. Анализ словенской лексики, однако, показывает, что процесс этногенеза нельзя представлять себе в столь упрощенном виде. Многочисленные лексические и словообразовательные элементы можно без труда отнести к более древней эпохе, к тому времени, когда чередование гласных было еще продуктивным. В качестве примера можно привести богато разветвленную словенскую и отчасти также сербско-хорватскую семью слов из и.-е. корня **mel-* «вводить в заблуждение, обманывать». В северных славянских языках преобладает вторичное ново-

образование, которое нельзя объяснить при помощи обычных фонетических переходов, ср. русск. *мылить*, укр. *милити*, польск. *mylić*, чеш. *mýliti*, словац. *mýlit'*, в.-луж. *mýlić* «вводить в заблуждение». Сохранилось лишь несколько остатков более древних форм, которые более часты в балтийских языках. Из *e*-ступени корня ср. польск. *omelśniony* «ошибочный» и с оговоркой — русск. диалектн. *моловить* «scheinen, vorkommen». С этим уже издавна сравнивали словен. *mleviti* «мешкать» (Torbiörnsson, LM, I, 98). Вопреки колебаниям Фасмера (II, 150), оба слова восходят к праслав. **melviti*. Словенский язык знает и диалектное наречие *melce* с тем же значением, например, *v melce iti* «мешкать, медлить, смутиться». Сюда же относится и форма без метатезы *mevža* «медлительный человек» с многочисленными дериватами типа *mevžast*, *mevžati* с удлинённой ступенью корня; литов. *mėlas* «ложь, вранье», латыш. *meļi* «ложь», *mēlst* «болтать, пустословить».

Редуцированная ступень корня проявляется в латыш. *mūlss* «смущённый, сконфуженный», *mūldēt* «болтать, нести чепуху», литов. *pasimūldyti* «ошибаться». Этому отвечает в словенском языке прилаг. *mólnjen* «ошеломлённый», например *molnjena goba* «*Amanita muscaria*», диалектн. также *múnjen* и *mólnjav* «помешанный, придурковатый». На соседней, когда-то чакавской территории известно прилаг. *múnjav* и сущ. *munītna* «обман».

Из *o*-ступени корня, известной из литов. диалектн. *mālas* «ложь», латыш. *mālds* «ошибка», *maldināt* «обманывать», в славянских языках сохранилось только н.-луж. *molis* «обманывать». В словенском языке имеются формы с удвоенным корнем, *mlámol* (муж. род), например у Трубаря в XVI в. *molitev Davidova kadar je v mlamoli bil*, в словарях XVII и XVIII вв. *mlamol* «хаос». Сохраняющееся поныне и подтверждённое ономастикой *mlamol* «обрыв, бездна», очевидно, происходит от основы *mel-* «молоть» и не соотносимо с названными удвоенными формами.

Только законами развития праславянской фонетики можно объяснить такие словенские дублеты, как, например, *lěvki* (муж. род. мн. число), *lávki* (с дериватами *lávkatī*, *lávkež*, *lávkar*, *lávkapec*, *lavkanje*) и *lúti* «остатки после жатвы, опавшие фрукты». Бернекер (I, 696) связывал их — с колебанием — с др.-инд. *lunāti* «schneidet», не зная при этом всех словенских форм. Очевидно, их следует связать с и.-е. корнем **leu-* «оставить» (Pokorny, IEW, 682), ср. латыш. *l'aut* «оставить», др.-прусск. *aulaūt* «умереть», а также чеш. *leviti*, укр. *livuti* и русск. диалектн. *луна* «смерть». Словен. *levki* восходит к **lěvьkь*, а *luti* к **lěut-*, между тем как форма *lavki* указывает на праслав. **lōvьkь*. На редуцированную ступень корня указывает словен. *polóven*, например *polovna obleka* «будничный», чеш. *povlovný* «вялый; постепенный» и ц.-слав. *vъlovьнъ* «скромный, медлительный».

Интересны словенские названия частей ткацкого станка. Так, например, словенским словом *pròj* (муж. род), род. п. *prója*, обыкновенно мн. число *próji* (муж. род), *próje* (жен. род) отвечает более древнее *spròj*, *spróje* и *sprošč* «ткацкая рама для натягивания ткани». По ступени чередования гласных это вполне соответствует литов. *sprāstas*, ст.-литов. *spranstas* «рама для натягивания ткани, для сушки шкур животных». Оба слова представляют ту же основу, что и общеслав. *presti*, *pređo*, которое балтийские языки сохранили в значении «натягивать» (литов. *sprēsti*, латыш. *sprīēst*). Синоним *pròj* словен. *spróga* (жен. род), обыкновенно во мн. ч. *spróge* «die Weberspreize», соответствует по значению литов. *sprėnglys* из основы слав. **pręgti*, литов. *sprengti* (Fraenkel, 879), ср. др.-рус. *прузь* «сеть».

В связи с этим интересен также словенский глагол *stěti se, stámem se, stóměm se* «свернуться», например *kri se steme, steta kri*, имеющий соответствие только в польск. *szczęta krew*. Он указывает на праслав. *sъlěti, sьlьtьq*, что вполне отвечает литов. *tumėti* латыш. *tumēt* в том же значении. Общеслав. **trъca* исходит из синонимичной основы **ten-*, удлинённой детерминантом *-k-*, ср. др.-инд. *tanákti* «стягивает», литов. *táikyti* «стягивать».

Весьма интересным является также словенское образование *žu-lec* (муж. род) «могильщик, носильщик гроба на похоронах». Самая вероятная реконструкция — это праслав. **žudьльсь*, производное от какого-то отглагольного суф. **žudlo* «цело, связанное со смертью»; глагол должен был иметь форму **žusti, žudo*, ср. литов. *žūti* и латыш. *zust, zūdu* «погибнуть, пропасть». Из славянских языков эта основа представлена только в русском *жудь* (жен. род), *жуда* «ужас, страх» и *жудкий* «возбуждающий ужас», но уже с более поздним развитием значения.

Эти несколько примеров, которые, однако, можно дополнить и рядом других, показывают, что в сравнительной славянской лексикологии следует уделять внимание альпийско-славянско-балтийским параллелям, как это уже долгое время имеет место с южнославянско-, восточнославянско- или западнославянско-балтийскими параллелями.

Подобные примеры, конечно, не ограничиваются словенским языком. Так, мы находим, например, для литов. *daužti* «schlagen, stossen», латыш. *dauzt*, кроме словен. *dúzati, dúzniti* «schlagen, stossen» (Osten-Sacken, IF, XXII, 314), также и чеш. диалектн. *duznit* (Machek, 103). Литов. *jaudytis* «tollen» соответствует, кроме словен. *judati, judati se* «ссориться», также и польск. *judzić* «aufwiegen».

Но литов. *judėti* «sich bewegen» соответствует по ступени гласного только словен. *ihta* «жар, торопливость, гнев», если отвлечься от той же основы ц.-слав. *oъmьinъ* «Krieger», которое сравнивают с др.-инд. *judhamá-* «боевой». Словен. *ihta* — фонетически совершенно правильной рефлекс дослав. *judstá*. Литов. *tempti*, латыш. *stiept* «тянуть» соответствует, кроме обширного словенского гнезда *potepati se, potepuh* и т. д. со значением «скитаться, бродяжничать», не только др.-чеш. *těpiti, těpati* «тянуть, переносить», но и русск. диалектн. *menctи, menamь*. Литов. *(pa)tkiti, (pa)tinkti* «понравиться» вполне соответствует словен. *tekniti* с тем же значением; несколько следов находим в сербскохорватских диалектах; имеется еще и укр. *тякнути* «быть на пользу». Богато разветвленному балтийскому словенскому гнезду литов. *raūsti* «копать, рыть» отвечает в словенском языке *rušiti, ruhati* «копать, окапывать», *ruša, rušina* «der Rasen», *rúšelj* (муж. род) «der Erdstecher», чеш. *ruchati* «пахать», *ruchadlo*, словацк. *rúchadlo* «вид плуга». Существуют и другие семантические параллели — например, сохранённое словенскими диалектами *vek* «мощь, сила» к литов. *viėkas* «жизненная сила», др.-исл. *vėig* «мощь, сила», или словен. *teščina, tešina, tišina* «Weiche» к литов. *tuštímati*, латыш. *tukšumi* «Weiche». Все это побуждает признать за альпийским славянским языком не только архаичность, но и поразительную пестроту, которая вместе с другими лексическими элементами и их ареалами в славянском мире указывает на то, что в Альпах встретились различные праславянские миграционные течения. Но самые древние черты альпийско-славянской языковой группы несомненно восходят к периоду задолго до праславянского поселения.

Мне не раз приходилось указывать на многочисленные лексические и ономастические элементы в словенском языке, которые свидетельствуют о гораздо более тесной связи с славянским севером, чем это имеет место в центре южнославянской территории. Показательны примеры, которые,

кроме славянского языка, находятся во всех севернославянских языках, но их нет в сербскохорватском и болгарском языках. Во вторую категорию выделяются только словенско-западнославянские параллели, а в третью — только словенско-восточнославянские.

Какое-нибудь из таких слов может появиться и в том или другом церковнославянском тексте. Многочисленные лексические, семантические и ономастические тождества между словенским и восточной южнославянской территорией не представляют собой лишь случайные архаизмы. В славянском субстрате в румынском, болгарском и македонском языках, а отчасти и в сербскохорватском языке на восток от р. Дрины находится чрезвычайно много параллелей со словенским материалом. Исследования в этом направлении еще не доведены до конца. Подробные диалектологические и ономастические труды дают все новые и новые материалы, которые дополняют первые, довольно неясные зондирования. Лексические элементы в церковнославянских текстах, возникших на этой территории, могут быть следствием такого же смешения праславянских диалектных элементов, как и альпийский славянский язык.

Наиболее важной и основной задачей этимологических словарей отдельных славянских языков должно быть по возможности более полное собирание всех лексических элементов, которые важны для реконструкции праславянского языка. Прошли времена, когда мы представляли себе так называемый праславянский язык единым языком. Все более утверждается мнение, что последний фазис праславянского языка, реконструированный для периода непосредственно до Кирилла и Мефодия, уже был продуктом смешения разных славянских племенных языков. До определенной степени всегда возможно в отдельных славянских языках открыть фонетические следы более древних различий.

Для альпийского славянского языка типичным примером может служить глагол *člěti*, *člějem* «жаждать, очень желать» из **tʰščlěti*, **tʰščlejo* наряду с *skleti*, *sklejem* «жечь, причинять жгучую боль», а также *sklim* из **tʰsklěti*. Этот праславянский глагол в двух праславянских диалектах фонетически по-разному развился и семантически разделился. Он повлек за собой и другой дериват этой же основы, словен. *ščētiti se*, *ščētim se* наряду с *šketiti se* «widernstig sein» (о лошади) из праславянского **tʰskvīt-ěti*, ср. др.-чеш. *cketa* «пугливый, трусливый» (о кобыле), др.-чеш. также *čščeta* «кобыла» (Machek, 446). Каринтийские словенские фамилии *Sket* и *Šketa* связывают словенский язык с древнечешскими значениями.

Нет никакого сомнения в том, что соотношение *-skl' -/ -ščl'* является результатом того же процесса, что и западнославянское *-kv/* южнославянское *-cv-*. К сожалению, других столь ясных примеров нет в большом количестве. Подобные явления нельзя объяснить иначе, чем смешением фонетических различий в период первого расселения.

На раннюю двойственность указывают примеры с начальным *je/o-*. Даже если не обращаться к примерам типа *jelša — olša*, *jelito — olito*, *jesika — osika*, которые этимологически трудны, все же следует остановиться на словенском наречии *jedva* «едва», в более древнем литературном языке *odvaj* и в венецианских диалектах *odvo*, др.-русс. *одва*. На собственно словенское развитие указывает также нотранское *oklen* (*okleno zrno*, *oklen dovtip*) наряду с засвидетельствованной формой (с XVIII в.) *jeklen* из основы *kъль*, словен. *kal*, *kliti*.

Такой же пример мы видим в общесловен. *δkel* «клык» наряду с дублетом *jekel*, *jekelj*, *jekelec* «зуб, крюк на гарпуне» из основы, представленной в словен. *klāti*. Поражает также прекурское двойственное число *jedva* наряду с литературным *onadva* (*jedvina mati*), что может быть результа-

том и иного диалектного развития. Из ономастики приведу пример *Jerova vas* наряду с *Orova vas*, *Rova vas* к *jer* «священник» из греческой христианской терминологии. Отношение *isteje*, *jesteje* «отверстие у печи» к *osteje*, *ustje* указывает на смешение между западнославянским *isteje* и восточнославянским *устье*. Оба эти слова — праславянские синонимы из двух разных основ.

В качестве примера отношения словенского к севернославянским языкам можно привести древнее словенское *gōra*, *gūra* «Торг». Пробный выпуск этимологического словаря славянских языков (Брно) не учитывает в своей обширной статье об этом гнезде (стр. 85—89) словенского рефлекска, который семантически нельзя связать с исключительно южнославянским *gura* «яма, дыра».

Русскому *ёлкий* «granzig, bitter», укр. *илкий*, *елкий*, *ілкый*, белорусск. *ёлкіі*, польск. *jelki*, *itki* — сюда относят и чеш. *zalknouti*, *zelknouti*, *leknouti* «задохнуться, заснуть» (о рыбе) и *žluknouti* (Koříněk, LF, LVII, 372) — в словенском с небольшими фонетическими отклонениями соответствует название растения *ilka*, прилаг. *jerek*, *jedek*, *žarek*, *žerek*, *žaltav*, *žolhek*, *zehek*, глаголы *zalkniti*, *zavknuti*, *zalekniti se*. которые можно реконструировать как праслав. **jelьkь*, **jьlьkь*, **jed-ьlьkь* и **jьz-jьlьkь*. Русскому *благой* «злой», белорусск. *благіі*, польск. *blahy* и чеш. *bláhový* отвечает словенск. диалектн. *lagoj* в народной песне *lagoja mačeha* «злая мачеха». Вероятно, это является таким же примером, как и словенск. диалектн. *lótiti* «berücken, verlocken», серб.-хорв. *lud* наряду с *bloditi* из праслав. *blodь* (Vaillant, Slovo, II, 9 и сл.).

Старая этимологическая школа придавала излишне большое значение фонетическому развитию и слишком мало учитывала достижения семантики. Теперь избегается реконструкция изолированных слов. Сначала необходимо собрать всю синонимику, историческую и диалектную, а затем уже определять для отдельных слов их место в семантической категории, к которой они принадлежат. После этого можно обращаться к менее частым, изолированным и иногда весьма экспрессивным словам, которые представляют собой результат смешения или нерегулярного развития. Семантические изменения имеют свои глубокие причины, которые становятся обыкновенно понятными лишь при учете особых обстоятельств, в которых развивалось слово, а также в сравнении с развитием в соседних языках.

Только тогда, когда славянская лексикология достигнет того уровня, на котором теперь находится лишь романская, и когда словенский словарный состав будет известен вплоть до деталей, мы сможем думать о таких лингвистических атласах, которые внесут новый вклад в проблематику славянских миграций. Теперешние славянские лингвистические атласы базируются почти исключительно на диалектном опыте. Лексикология еще только медленно и с трудом накапливает материалы, которые могут быть учтены в более детальных исследованиях.

Не может быть простой случайностью большое количество лексических параллелей с восточнославянскими языками в западных словенских диалектах. И на русской территории большинство этих слов ограничивается определенной территорией, если они не запечатлены только в исторических текстах. Из таких слов приведем несколько характерных примеров.

Словен. диалектн. *haža* «часть виноградника» (Вишава) из **bьgja* соответствует русск. диалектн. *оба*, *обжа*, *вобжа* «единица пахотной земли». Серб.-хорв. и болг. *оба* значит «тесто для пирога». Этому значению отвечает словен. диалектн. *beganica*, *beganja* «лепешка, стибень». Из синонимической основы *gubati* происходит русск. сев. *губа* и словен. диалектн.

guba как территориальное понятие [в настоящее время «имение горожан в окрестностях города» (Гржич), имеется и топоним *Guba*].

Слов. *črt* (муж. род) «выкорчеванная местность», *črča* (жен. род) «сенокос на выкорчеванной земле» и топоним *Čertež* отвечает украинскому апеллятиву *чертеж* «выкорчеванная земля».

Словен. *dega* (жен. род) «ремень у ярма, ремень для переноски тяжестей», при глаголе *zadegati* «набросить на себя что-либо тяжелое; бросить», имеет единственную параллель в др.-русс. *дязг* «ремень, пояс», ныне диалектн. *дязга*, глагол *дязнуть* «расти; успевать; становиться крепким», укр. *дязга* «что-то большое, тяжелое».

Словен. диалектн. *rebad*, *rubad*, *rbad* (жен. род) «die Maser» из **re-bědъ* соответствует русск. *рябой*.

Словен. *preslégast* «*lücklich, fadenscheinig*» соответствует русск. диалектн. *переслега*, *переслежина* «Fehler im Gewebe» (Владимир, Тверь).

Словенск. диалектн. *raba* (жен. род) «*Equisetum palustre*» (Посочье, Карст) из **vorba* соответствует русск. диалектн. *вороб* «мотовило».

Словен. диалектн. *svepati* «*wanken, wackeln*», *svepetati* «*flimmern, funken*» соответствует русск. ц.-слав. *svepetati* «*sich hin und her bewegen*», др.-русс. *свенатися* «*winken*».

Словен. диалектн. *stoja* (жен. род), *stojan* (муж. род) «кол» (Карст, Юлийские Альпы) из *stodja* так близко др.-русс. *стодъ*, что мы вправе сомневаться в скандинавской этимологии русского слова (др.-исл. *Stod* «кол»). Западнославянский вариант — это засвидетельствованная от Белого моря до словенского Карста основа *Stodor*.

Очевидно соответствие словен. *vrpati*, *vrpat*, *vrpljem* «рыть, копать» др.-русс. *връпати*, *връпу* «рыть, копать». Это соответствует литов. *varpyti* «дыривить». Издавна известны словен. *muzga* «глина, грязь» и русск. *музга* «высушенное болото». Аналогично и словен. *krž*, *kržič* «кусочек хлеба» и русск. *корж* «лепешка из пресного теста».

Кажется, что словен. диалектн. *gor* (муж. род) «груда навоза» (Доленьско) не может быть ничем иным, как соответствием др.-русс. *гворъ* «куча; опухоль; пузырь». Древнерусское словосочетание *гворатый гвоздь* с приблизительным значением «сучковатый лес» объясняет словенск. слово *gorjača*, *garjača*, *grjača* «сучковатая палка». Даже топоним *Goropeke* не может быть объяснен без реконструкции *гворопекый* (например, фамилия Салопек). Семантическое различие между русск. *ружь* (жен. род) «внешность, вид», *обнаружить* «раскрыть» и словен. *rūž* (жен. род) «шелуха, струнок», *ružiti* «очищать от шелухи» можно объяснить несколько более сильной конкретизацией понятия в словенском языке. Словенское словесное гнездо *stremelj*, *štrmelj*, *stromelj* «колода; пень; кочерыжка; щербина в зубе» наряду с *strama* «подпорки у саней» и, вероятно, также *stramor* «великан», *stramorji* «окаменевшие великаны» сближается только с русск. *острамок* наряду с *острёмок*, *остромок* «вязанка, куча сена», др.-русс. *острамокъ* «охапка», укр. *острамок*, *настрамок*, белорусск. *стромок* «маленькая тележка для сена». Эти слова несомненно принадлежат той же основе, что и словен. *strm* (в словенском, кроме глаголов *strmeti*, *stremeti*, имеется также *strometi* «торчать»). При этом интересно, что общеслав. *strom* в большинстве славянских языков обозначает «дерево», и только в русском и словенском *strom* означает «крыша, кровля».

К подобным параллелям можно добавить и топонимические базы, которые в разных частях славянского мира уже не засвидетельствованы в качестве апеллятивов. Среди них упомянем словенские названия ручьев *Stžen*, что отвечает русскому *стрезень* «русло», укр. *стрижень* «маленькая река».

Словен. *Retje* из **vertbje* можно объяснить сближением с русск. диалектн. *вереть, веретья* «гребень между болотами, местность, до которой не доходит наводнение».

Словенские горные названия *Stamnik, Stamnic, Stamarca* соответствуют русскому *стамик* «отвесная скала», *стамая гора* «крутая гора».

Словенские названия *Prelosno* и *Predoslje, Predosel* (оба записаны в XIV и XV вв.), чаще всего — *Prerassel*, можно реконструировать в виде прасловен. **prërqslo* «каньон». Это соответствует русскому *русло*, которое сравнительно со словенской параллелью реконструируется иначе и связывается с литовской основой *rešti, rentyti* «запрудить, обвести плотинной».

Словенские топонимы *Vipolže* из **vy-pylz-jane* соответствует русск. *Выползово*, широко засвидетельствованному в русской топонимике. То и другое можно объяснить из русск. диалектн. *выпользовские жители* «вольные крестьяне», т. е. «люди, вышедшие из какой-то общины».

Сюда относятся и такие диалектные слова, как, например, словен. *gaziti se* «возбуждать отвращение» к белорусск. *агазний, агазлівий* «отвратительный». Подобный же пример представляет собой словен. *kravica* «жаба» к белорусск. *курапа* «жаба», укр. *корона, коропавка, коропавиця* «жаба». Не столь несомненны словен. *žulj* (муж. род), общее название всех колючих растений, и *pažulek* «*Pinus sembra*» (Посочье) сравнительно с русск. *жёлдь* «*Plex aquifolium*» и словен. *znubelj* «отверстие в печи» к др.-русск. *зныль* «печь». Этот ряд примеров можно продолжить. В большинстве своем они в этимологическом и сравнительном отношении проблематичны.

Картина не была бы полной без учета того, что лексические и ономастические параллели продолжают в сторону юга на сербскохорватскую чакавскую территорию. Так, мы находим имена *Požnjica* и *Prožinj* в Словении, *Požanj* и *Požnja* в Хорватском Приморье. Те и другие соответствуют русским названиям *Пожня, Пожняка, Запоженье*, расположенным более всего около Пскова. В древних псковских документах апеллатив *пожня* означает «поле, сенокос, пастбище».

Апеллатив *mustać* значит в нижнем течении р. Неретвы «кусок земли, вдающийся в воду». Основа засвидетельствована и в топонимике на той же территории. Это отвечает русскому диалектному *молость* «влага, сырость»; праслав **mьlstь*, основа засвидетельствована и в русской гидронимии.

На юридически-исторических понятиях, таких как сербско-хорв. *дуть* «задруга, кооператив», *угъгь* «измеренный участок земли; мир, община» или *доръ* «выкорчеванная земля» с соответствующими русскими параллелями, здесь останавливаться не стоит.

Некоторые примеры появляются восточнее р. Дрины. Среди них следует упомянуть др.-русск. *рама* «граница» и *раменье* «лес по краю пашни» и засвидетельствованное на Похорье слово *ramica* «пошлина за посылку за границу» (из **ramьnica*). Ср. апеллатив *Rameše* из **Ramьniše*. Согласно народной этимологии, записанной еще в середине XIX в., это название значит «пасека в лесу». На тесную связь с русским соответствием указывает название *Stara Ramena*; по другую сторону р. Дрины в Сербии снова появляется ряд названий типа *Ramnište, Ramna, Ramnjak* и под.

Специально хочется указать на некоторые словообразовательные особенности, отмеченные уже Миклошичем, забытые позднейшей славистикой. Миклошич сравнивал словен. диалектн. прилаг. *vbraden* «редковатый» с русск. диалектн. *вбмало, вбтуго, вбтесно* «маловато, туговато, тесновато». Это образование в словенском языке не изолированно, приведем лишь наречие *vófrno* «чуть слишком красиво» (из **vo-herь-no?*)

или существительное *vôjda* «слишком полная девушка» (из **vo-jěda*). Это древнее значение приставки, засвидетельствованное в балтийском языке, можно объяснить лишь двойным развитием старого (*v*)*on-* с такой же деназализацией, как в редуцированной форме *vъn-* в *vъ-*. Кажется, что в словенском языке этот тип словообразования с постоянным ударением на приставке имеет место и в ономастике.

О том, что восточно-славянско-словенские параллели не случайны, свидетельствуют географические ареалы отдельных основ. Для славистики, например, была бы чрезвычайно интересна лингвистическая карта, охватывающая все апеллятивы и топонимические базы, восходящие к основе *črěsti*, *črětp*, которые тянутся из России через Карпаты, центральную часть Словакии, австрийские Альпы в теперешнюю Словению, где они преобладают на западе.

По всему славянскому миру в поясе апеллятивов, топонимов и микропонимов появляется и название растений *Epilobium angustifolium* и *Lythrum* — русск. *кипрей*, диалектн. также *кипер*, *кипрейник*, *кунрей*, *скрыней* и т. д., укр. *кипрей*, польск. диалектн. *kiprzyca*, словацк. *kurpa*, *kyprina*; на словенском западе находим формы *kiprej*, *kiprc*, *kiperje*, *ciper*, *ciperc*, *čibrije*, *čiprije*, *žibrije* и их производные. Восточнословенское название этого растения — *vrbovec*, как и польском и чешском языках.

Подобное распространение отмечается и у названия растения *Galeopsis tetrahit* — русск. *забрей*, *забрик*, *зубрей* и под., словацк. *zäbor*, *zäbor*, словен. *zebrat*, *zebrôt*, *zeber*. Основа, вероятно, здесь та же, что и в словен. диалектн. *zebrne*, *zebrni* (жен. род., мн. ч.), *zebrna* (ср. род., мн. ч.) «десны» (на Карсте), *zebra* «зубец на колесе» (на Толминском). Это древнее *-p-*удлинение того же корня, что и у слова *zob* «зуб», которое, кроме словенского, не сохранилось в *e-*ступени ни у одного славянского народа, тогда как о ней свидетельствуют древние заимствования, например румынское *zîmbri* «волчьи клыки». Без *-p-* из этой основы происходит, например, словен. *ozébnik* «углубление в скале», которому по значению отвечает ц.-слав. *zěbsti* «расторгнуть» и литов. *zembati* «разрезать». Вероятно, входит сюда и русск. диалектн. *збра* «бездна с круглыми стенами», хотя есть попытка объяснить это слово по-другому.

На словенско-русскую связь через словацкий язык указывает также словен. *žekno*, *želtno*, *žvokno*, *žepno* и т. д. «отверстие у печи; яма для пепла; отверстие в улье», что продолжается через словацк. *žúkno* «яма, углубление», в русск. *жучина* «пещера, углубление». Основа та же, что и в лат. *fovea* «пещера». Такие сравнения требуют, конечно, большой осторожности. Русск. *пелёсый* «пестрый» отвечает строго фонетически прилаг. *pelesast* «пестрый» и *peles* (муж. род) «сорт винограда», наряду с *plehast* «пятнистый», *pleha* (жен. род) «пятно на солнце; оспина» и т. д. Однако в словацком есть слово *perestý*, в чешском — *peřestý*, и только в качестве названия жука сохранилось древнее *peleska*.

Эти материалы показывают, что славянская этимология должна уделять вопросу ареалов отдельных основ несравненно больше внимания, чем это было до сих пор. Западнославянско-словенских параллелей еще больше, чем приведенных восточнославянско-словенских; их перечень занял бы слишком много места. Детальные этимологические исследования выявят со временем достаточно характерных примеров, более подробно разъясняющих сложную проблематику праславянских миграций. Весьма перспективными в этом направлении будут исследования синонимии; на словенской территории, например, встречаются синонимы, которые мы находим в изолированном виде в разных концах славянского мира.

Ф. СЛАВСКИЙ

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ
ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

1. Словарный состав современного польского языка, как, впрочем, и всех языков, складывается из разных хронологических пластов, требующих при своем изучении различного подхода. Самым многочисленным является, несомненно, слой живых дериватов, количественно не ограниченный (например, тип *korzonek : korzeń, koszyk : kosz, korzystanie : korzystać, okrągłość : okrągły*). Этимологии нет необходимости заниматься такими словами. Они являются предметом словообразования, показывающего, что, например, *korzonek, koszyk* — живые продуктивные деминутивы от *korzeń, kosz*, что *korzystanie* — продуктивный живой помен actionis от *korzystać*, а *okrągłość* — продуктивное абстрактное образование от прилагательного *okrągły*. Для подобных слов типичным является ясное прозрачное отношение между двумя основными частями слова: словообразовательным формантом и производящей основой. Так, *korzonek* образовано при помощи суффикса *-ek* от *korzeń*, так же как *jelonek* от *jeleń, pierścionek* от *pierścień, snopek* от *snop*. Слово *korzystanie* образовалось добавлением суффикса *-nie* к основе неопределенной формы глагола *korzystać*, так же как *śpiewanie* от *śpiewać, wołanie* от *wołać, wstawanie* от *wstawać*. Слово *okrągłość* произведено при помощи суффикса *-ość*, образующего *nomina abstracta* от прилагательных по образцу *złość : zły, jasność : jasny, prędkość : prędko*.

Этимология занимается словами, которые с современной точки зрения являются не мотивированными, морфологически не обоснованными. В этом случае без специальных исследований нельзя ответить на вопрос, какова непосредственная производящая основа, каков словообразовательный формант, с помощью которого окончательно сформировалось исследуемое слово, какова функция этого форманта. Для этимолога основным является ответ, почему данное понятие было названо так, а не иначе. Основной задачей этимологии, таким образом, является реконструкция первоначальной мотивации, первоначального морфологического обоснования. Например, этимология праслав. *bermę* «бремя, ноша» должна определить непосредственную производящую основу, указать формант, с помощью которого было образовано слово, охарактеризовать его функцию, дать, наконец, основание семантического развития. Этимология возвращает нас в глубокое праславянское прошлое, когда это слово было еще мотивированным. Следы первоначальной мотивации сохранились еще кое-где в истории славянских языков, ср., например, у Линде ст.-польск. *brzemie kobiece* «беременность; плод в материнской утробе». Следовательно, основной вопрос этимологического анализа по существу не отличается от вопросов, встающих при словообразовательном анализе новых продуктивных дериватов. И в том и в другом случае следует выяснить, какова непосредственная производящая основа, каков словообразовательный формант и какова его функция, каким образом представляется развитие значения деривата.

2. Иногда можно встретить недоверие к этимологическим исследованиям, которое становится понятным на фоне очень разных, а порой диаметрально различных попыток толкования одного и того же слова, на фоне очень большого числа работ или статей, не идущих дальше чистой гипотезы. В таких работах не чувствуется заботы о возможно полном привлечении аргументирующего материала, в них нет ни понимания непосредственной реальной производящей основы, ни современного морфологического анализа, ни, наконец, обоснования семантического развития. Такого рода исследования, которые и теперь еще, к сожалению, встречаются, пробуждают недоверие к этимологии и этимологам. Поэтому нашей основной задачей является сведение до минимума степени гипотетичности этимологии, использование во всей полноте, насколько это возможно, всех реальных и надежных данных.

3. Почти все новое, что появилось в результате почти двадцатилетней работы над новым «Этимологическим словарем польского языка», обязано привлечению новых богатых исторических или диалектных материалов из польского и других славянских языков, а также углублению морфологического и семантического анализа. Покажу это на отдельных примерах, почерпнутых в основном из этимологического словаря.

4. Огромную ценность для этимологических исследований представляет детальное знание истории и ареала распространения исследуемого слова. Проникновение по возможности в наиболее отдаленное прошлое нередко позволяет произвести реконструкцию первичной морфологической или семантической мотивации. Чем больше углубиться в прошлое, чем больше собрать исторического материала, тем больше шансов для удачного толкования исследуемого слова. Конечно, нужно помнить, что среди слов, не мотивированных с современной точки зрения, есть несколько разных хронологических слоев и только часть слов, являющаяся предметом этимологического исследования, может быть объяснена на основании польского материала. Значительную часть польского словарного состава составляют слова, унаследованные из праславянского языка. При реконструкции их первоначальной мотивации обязательно привлечение письменных и исторических материалов из других славянских языков. Немало, наконец, в польском словарном составе слов, унаследованных из балто-славянской или индоевропейской эпохи. При реконструкции их мотивации нередко решающими являются балто-славянские и вообще индоевропейские материалы. Например, индоевропейским словом, унаследованным польским языком, является *noc*, праслав. *nokъ*, продолжающее и.-е. **nokʷt-* «ночь». Только с открытием хеттского языка стала возможной мотивация этого слова на основании хеттского глагола *nekuzzi* «смеркаться»¹.

А вот несколько примеров, показывающих, что углубление на несколько веков в прошлое позволяет реконструировать мотивацию слов, не мотивированных с точки зрения современного языка. При анализе польск. *sadzawka* на помощь приходят писатели XVI в., для которых оно было еще очень прозрачным, мотивированным. Так, у Струменского, автора труда о строительстве прудов 1573 г., читаем: «Kto stawy ma a sadzawek nie ma, w których by ryby chował albo sadzał czasu spustu». Точно так же слово употребляется в Описи Равского воеводства от 1564 г.: «Jest też tam *sadzawka* dobra przy młynie, kędy ryby *sadzają*, gdy spuszcza ją staw»².

¹ Ср.: J. Kuryłowicz, Obecny stan badań nad językiem hetyckim, «Sprawozdania z prac naukowych wydziału nauk społecznych [PAN]», I, 1, 1958, стр. 39.

² См.: F. Sławski, Z zagadnień polskiej etymologii, JP, XLII, 2, 1962, стр. 86.

Несколько интересных примеров, важных для реконструкции мотивации старых праславянских слов, можно найти в Житиях Кирилла и Мефодия (ЖК и ЖМ), древнейших славянских оригинальных литературных произведениях. Представляется, например, что для биографа Мефодия была еще живой связь слов *obučajъ* с *obyknŏti* (**ob-vučajъ* : **ob-vyknŏti*). Во второй части ЖМ читаем: «да бы проучуль сѧ въсьмъ обычѧмъ словѣньскымъ и обыклъ по малу» «дабы познакомилсѧ со всеми обычаями славян и привык к ним». Не исключено, что все еще неясное слово *trěba* «sacrificium» было также мотивированным в кирилло-мефодьевскую эпоху. Свидетельством этого мог бы быть глагол *sz-trěbiti*, представленный в XVII части ЖМ: «и службѧ црьквьнѧж ... сътрѣбища»³.

5. Столь же важен диалектный материал, который оказывается также нередко решающим в этимологических исследованиях. Весьма показательным является слово *kodłuch* «ствол птичьего пера; основание пера», засвидетельствованное в истории польского языка в XVI в. только в переводе книг о хозяйстве Кресценция 1549 г.⁴ Исторический и доступный диалектный материал, а также славянские соответствия не объясняют его этимологии. Диалектные материалы подготавливаемого нового словаря польских говоров (ПАН) позволили решить эту задачу. В диалектах южной части Великопольши и Силезии находим в этом же значении формы *kodłuch*, *koduch*, *kyoduch*. Именно эта последняя форма дает возможность правильно протимологизировать слово. Оно является производным от *kłoda*, ср. чеш. диалектн. морав. *kladka* «рукоятка серпа; кнутовище; ствол пера» = польск. диалектн. *kłódka* «ручка, например, ножа, вилки; толстый конец кнутовища», укр. диалектн. зап. *kołódka* «первые перья молодой птицы». Точную семантическую параллель представляет польск. *pieniek pióra*. Форма *kodłuch* возникла в результате дистантной метатезы, отрывающей нередко слово от его семьи, ср. ст.-польск. *korzywa* из первоначального **kropiva* (совр. *pokrzywa*). Суффикс *-uch* обычно дает демунивативные или аугментативные образования. Исследователи, не располагая диалектным материалом, ошибочно объясняли это слово: Брюкнер усматривал здесь приставку *ko-* (сложение с *ko-*, ср. чеш. *kodrcati*, *kodrejnit* «ковырять, трогать»). Карлович выводил это слово из **kadtuch*, связывая со словом *kadtub*. Оба эти объяснения нельзя подкрепить никакими убедительными доводами.

6. Возможно более полный учет исторических и диалектных материалов не раз позволял объяснить исследуемое слово. Это хорошо иллюстрируется на примере польск. *krąbrny* «неподчиняющийся, упрямый, непокорный, непослушный»⁵. В этой форме, отмеченной уже в XV в., слово утверждается только в XVI в. В XV в. его значение несколько иное, прежде всего «дерзкий, вспыльчивый». Встречаем также другие параллельные формы: *krąbrny* (1447, 1500 гг., дериват *krąbrność* уже в 1428, 1455, 1500 гг., у Калепина *krambrność*, наречие *krambrnie*, ср. и современное диалектное силезское *krąbrni* «строгий» в словаре Олеша диалекта Горы св. Анны около Ополя), *krąbrny* (отмечено в XVI в., например, в 1543 г.), *knąbrny*, *knąbrzny* (еще в словаре Мончинского 1564 г.: *knąbrność*), **krąbrny*, отвлеченное существительное *krąbrność* (1413—1414 гг.). Различные изменения в этом слове, характеризующемся необычной даже для польского языка группой согласных, объясняются процессами ассимиляции и диссимиляции. Какова же первичная форма

³ См.: F. Sławiński, Kilka uwag o rekonstrukcji pierwotnej motywacji wyrazu, «Studia slawica», XII, 1966, стр. 374—375.

⁴ См.: F. Sławiński, Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków, 1958—1965, II, стр. 326—327.

⁵ См.: F. Sławiński, Słownik etymologiczny..., III, 1, 1966, стр. 111—112.

и происхождение слова? На правильное объяснение наводит диалектное соответствие широко засвидетельствованной в XV—XVI вв. формы *krąbrny* — *krūmbrni*. Это усвоенное с помощью исконного суффикса *-ny* (частого в этой функции) ср.-в.-нем. *krump*, *kromp*, *krumb*, *krumber*, ср. совр. нем. *krumm* «кривой». Форма *krump* преобладала еще в XV в. В ср.-в.-нем. это слово употреблялось в переносном значении «несправедливый, неправый, неверный, нечестный, злой, двуличный». В современной форме *krąbrny* первое *-n-* обязано дистантной ассимиляции: суффиксальное *-n-* вызвало появление вторичного *-n-* в соседнем слоге, как в *Inflanty* < *Iflanty*, *rynsztunek* < нем. *Rüstung*. Нет никаких аргументов, свидетельствующих в пользу возможной связи с *gnębić* «утнетать, мучить» (этимология Брюкнера).

Примером, показывающим значение географии и истории для этимологических исследований, являются названия брюквы (*Brassica napus garifera*). Оказывается, что вост.-н. нем. *brūke*, *brucke*, *wrūke*, *wrucke* «*Brassica napus garifera*» было рано заимствовано на севере Польши. Уже в 1565 г. находим *brukiew* в Описи поморского воеводства: «*Acz są ludzie ubodzy... bo grochów, kapust, rzep, jagiel, pasternaków, marchwie nie mają, jeno jarmuż a brukiew, co w Polsce zowią broskieff*». Как показывает этот наиболее древний пример, слово было втянуто в старое склонение основ на *-ū-* под влиянием синонимичного **brosky*, **broskove* (серб.-хорв. *brðska* «брюква» с XV в., словен. *brðska* : *bròskev* то же). Слово попало в центральную Польшу значительно позднее, у Линде оно засвидетельствовано только в XVIII в. Через польское посредство это слово проникло в соседние славянские языки: чеш. *brukev*, словац. *brukva*, возможно и русск. *брюква* (рассматриваемое Фасмером как непосредственное заимствование из немецкого). Интересно, что белорусск. *brúčka* (известное также полякам в Литве) подверглось диалектному преобразованию в форме *krúčka*, несомненно под влиянием дистантной ассимиляции, преобразующей нередко отдельные слова (ср. польск. диалект. *lelito* < *jelito*, *leleń* < *jeleń*). Белорусское *krúčka* попало к соседям: мы находим его как в северо-восточной части польской языковой территории⁶, так и на литовской территории: *krúckas*, *grúckas*.

7. Тщательное использование славянского сравнительного материала многое еще может дать для этимологии. Это хорошо показывает история ст.-польск. *krusiec* «руда», отмеченного уже в XVI в. Точное соответствие болгарскому диалектному *krúsec* = *krustéc* = *krúchъc* «комоч соли» указывает на старое **krus-ъcъ* «ком, обломок, руда», деминутив от **krusъ*, сохранившегося в чеш. *krusy* «комки соли» (Юнгман), болг. диалектн. *krus* = *kruch* «комоч соли» (в дополнениях Панчева к словарю Герова из Тырнова). Это слово несомненно связано с *kruchъ*; *-s-* сохранилось, вероятно, под влиянием регулярных образований *krustъ*, *krustъcъ*, *krustъjъ*. В кашубском находим форму *kruszcz* «руда, металл», в словаре Фолькмара засвидетельствовано прилагательное *kruszczowy*; на параллельность форм *krusiec* : *kruszcz* в древнем польском языке обратили внимание еще в XVIII в. У Юнгмана находим чеш. собират. *krušiti* «комки соли». Форма *krustъjъ* является дериватом от незасвидетельствованного **krustъ*, ср. праслав. деминутив *krust-ъcъ* : ст.-польск. XV в. *krusciec* «минерал, руда» = болг. диалектн. *krustéc* «комоч соли». Для объяснения параллелизма форм на *-s-* : *-st-* ср.: ст.-серб.-хорв. *plasa* : *plasta* «пластинка, бляшка, полоска» (праслав. *polsa*, ст.-польск. *płosa*, русск. *полосá*).

⁶ См.: «Mały atlas gwar polskich», VII, 1964, карта 350, ч. II, стр. 152.

8. Одна из важнейших задач этимологии — подробный морфологический анализ исследуемого слова⁷. От совершенствования метода морфологического анализа, несомненно, зависит дальнейшее успешное развитие этимологических исследований. Необходимо заново обработать славянский словообразовательный материал, как современный описательный, так и сравнительно-исторический, что позволит разграничить мотивированные и немотивированные типы современные и праславянские.

9. Итак, мы видим, что по возможности полное знакомство с историей и географией исследуемого слова, а также углубление морфологического анализа позволяет получить объяснения, в которых гипотетичность сведена до минимума. Проводимые сейчас в разных частях славянского мира систематические исследования по истории и географии распространения славянского лексического состава будут способствовать дальнейшему развитию и углублению этимологических исследований.

Перевела с польского *Л. В. Куркина*

⁷ Ср.: F. Sławiński, Uwagi o badaniach etymologicznych nad słownictwem słowiańskim, сб. «Z polskich studiów slawistycznych», Warszawa, 1958.

Г. БАРЦИ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛЕКСИКИ
ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА

1. Первые известные нам этимологии венгерских слов относятся к XII в. — в историческом труде Анонима делается попытка объяснить происхождение некоторых собственных имен. Иногда это удается (например, «Quia... sompnum in lingua Hungarica dicitur *almu* et illius ortus per sompnum fuit pronosticatus, ideo ipse vocatus est *Almus*»¹), но большая часть этих попыток остается на уровне этимологических забав средневековья. Как в XVI—XVII вв. многие европейские ученые, питаемые идеями Возрождения, но испытывавшие влияние библии, искали происхождение всех языков в древнееврейском (например, Авенариус, Кшар и многие другие), так и венгерские гуманисты пытались рассматривать родной язык, занимающий изолированное положение в Европе, как прямой отпрыск древнееврейского языка и старались доказать это возведением к еврейским корням значительного числа венгерских слов. Идея родства венгерского с угорскими языками была выдвинута в середине XV в. (папой Энеем Сильвием Пикколомини в его Космографии и Комментариях²) и позднее Матвеем Меховским (*Tractatus de Duabus Sarmatiis Asiatica et Europiana*, 1517) и Герберштейном (*Commentaria*, 1549)³ в конце XVII в.; тем не менее Ференц Фориш из Отрокоча, отстаивавший еврейское происхождение венгерского языка, оспаривал это положение, особо подчеркивая, что для обоснования этого родства не было приведено никаких этимологий — ему еще не были известны этимологии Мартина Фогеля (*De Finnicae linguae indole observationes*, 1669), оставшиеся в рукописи, и этимологии Иоханна Трётслера (*Das alte und neue Dacia*, 1666).

Этимологии и развернутая аргументация Я. Шайновича (*Demonstratio idioma Hungarorum et Lapponum idem esse*, 1770) и Ш. Дьярмати (*Affinitas linguae Hungaricae com linguis Fennicae originis grammaticae demonstrata*, 1779) окончательно установили финно-угорское происхождение венгерского языка, однако их методика, особенно в отношении этимологии, была не более точна, чем прочие опыты⁴. Благодаря работам П. Хунфальви и особенно «Венгерско-финно-угорскому словарю» и «Финно-угорской морфологии» И. Буденца⁵ финно-угорские этимологии были поставлены на более прочное основание. Внедрение младограмматических теорий также способствовало развитию и совершенствованию этимологических исследований.

¹ «Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum», ed. E. Szentpétery, I, 38.

² Zs ir a i M., *Finnugor rokonságunk*, Budapest, 1937, стр. 475.

³ Zs ir a i M., указ. соч., стр. 476—477.

⁴ Между прочим, наиболее вычурные теории продолжают апеллировать к фантастическим этимологиям — еще сегодня группа дилетантов в Америке силится сблизить венгерский с шумерским на основе ошеломляющих этимологий.

⁵ B u d e n z J., *Magyar-ugor összehasonlító szótár*, Budapest, 1873—1881; е г о ж е, *Az ugor nyelvek összehasonlító a laktana*, Budapest, 1884—1894.

Займствованиа, которым уже Ш. Дьярмати посвятил словарь ⁶, изучались параллельно с финно-угорской лексикой. Венгерские слова тюркского происхождения явились предметом изучения уже в XVII в. ⁷, они привлекали внимание многочисленных исследователей, которые пытались найти здесь главным образом доказательства родства венгерского с тюркскими языками, — пока И. Хорват не сумел определить эти лексические элементы наиболее вероятным образом, хотя даже он рассматривал по крайней мере часть этих слов как принадлежность общего первичного фонда этих языков ⁸. Славянские элементы венгерского словаря были выделены главным образом И. Лешка и Данковским ⁹ — вплоть до Миклошича их опыты, имевшие, к сожалению, шовинистический характер, оставались единственными в данной области. Элементы, заимствованные из немецкого, латинского и итальянского языков, становятся объектом многочисленных исследований во второй половине XIX в. В XX в., после и наряду с многочисленными частными работами, вопрос о происхождении различных слоев венгерского словаря пытаются решить в монографических исследованиях. Так, в много раз издававшейся «Сравнительной грамматике и словаре венгерского языка» И. Синнеи (7-е изд. вышло в свет в 1927 г.) ¹⁰, были объединены финно-угорские этимологии. Что касается займствований, то В. Лумцер и Я. Мелих исследовали немецкие топонимы и займствования в венгерском языке в труде, в наше время уже устаревшем; Я. Мелих и, наконец, И. Книежа посвятили обстоятельные монографии славянским элементам ¹¹. Слова тюркского происхождения, усвоенные до завоевания, нашли своего исследователя в лице Э. Гомбоца ¹²; латинские (Флудорович), французские (Я. Мелих, Г. Барци), византийские (Д. Моравчик) и др. элементы также не остались без внимания. Нужно еще упомянуть труд Б. Мункачи об «арийских» и кавказских элементах в финно-угорских языках (труд, который, несмотря на свои недостатки, является источником сведений, используемых и сегодня) «Венгерский этимологический словарь» Я. Мелиха и Э. Гомбоца, а также мой скромный опыт — «Этимологический словарь венгерского языка» ¹³, равно как и большую серию блестящих статей Я. Мелиха, Э. Гомбоца, Д. Пайша, Л. Лигети, И. Книежа, Л. Бенкё и др.

2. Не задаваясь целью дать здесь даже очень сжатый очерк истории этимологических исследований в Венгрии и их постепенного совершенствования, хочу только выделить некоторые принципы, обязательное применение которых характеризует сейчас частные и общие этимологиче-

⁶ S. Gyarmaty, Vocabularium in quo plurima Hungaricis vocibus consona variarum linguarum vocabula collegit, Budapest, 1816.

⁷ Laurentius Toppeltinus de Medgyes, Origines et occasus Transsylvaniae, 1667.

⁸ «Tudományos Gyűjtemény», XVII, 6, стр. 51—65, 7, стр. 11—39.

⁹ St. Leschka, Elenchus vocabulorum europaeorum cum primis slavieorum magyarici usus, Budae, 1825; Dankovskii, Kritisch-etymologisches Wörterbuch der magyarischen Sprache, 1833.

¹⁰ Szinnyei J., Magyar nyelvhasználat, Budapest, 1927.

¹¹ W. Lumzer, J. Melich, Deutsche Ortsnamen und Lehnwörter des ungarischen Sprachschatzes, 1900; Melich J., Szláv jövevényszavaink, Budapest, 1903—1905; Kniezsa I., A magyar nyelv szláv jövevényszavai, I k., 1—2 resz., Budapest, 1955.

¹² Gomboz Z., Honfoglaláselőtti török jövevényszavaink, «Magyar nyelv», III, 1907 [работа была издана на немецком языке под названием «Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache», Helsinki, 1912 (MSFOu, XXX)].

¹³ Munkácsi B., Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben, I, Budapest, 1901; Gomboz Z., Melich J., Magyar etymológiai szótár, 1—10, Budapest, 1914—1930; 11—17, 1934—1944; Bárczi G., Magyar szófejtő szótár, Budapest, 1941.

ские работы в венгерском языкознании. Некоторые имена и труды упомянуты выше для того, чтобы подчеркнуть, что ныне общепризнанное — результат длительной внутренней эволюции, которая не теряла, естественно, из вида методологический прогресс за границей, не будучи его простой копией.

Один из наиболее важных методологических принципов — это стремление рассматривать этимологию слова в неотделимой связи с его внутренней историей, не довольствуясь существующей формой и современным значением слова, происхождение которого пытаются установить. Для того чтобы установить все фонетические и семантические варианты, которыми изучаемое слово представлено на протяжении истории, необходимо извлечь из письменных источников все исторические данные, касающиеся этого слова. Естественно, серия этих данных может иметь более или менее значительные пробелы, которые следует стараться заполнить. Этимологу здесь помогает знание развития языка. Таким образом вскрываются наиболее древние формы и значения, которые можно установить, не рискуя ошибиться. Таким путем возможно подойти ближе всего к самому источнику слова. Естественно, равно необходимо, чтобы этимолог был искусен в сравнительном финно-угроведении и обладал прочными знаниями по истории других языков, то или иное слово в которых, по его мнению, могло бы быть сближено с данным венгерским словом. Например, венгерское *ház* «дом» очень похоже на немецкое *Haus*, значения их практически тождественны. Немецкому *au* могло бы соответствовать венгерское *á* (ср. лат. *Paulus* > *Pál*, лотаринг. *staul* > *Istál* и т. д.), хотя чаще этому дифтонгу соответствует здесь *ó*. Но в венгерском это слово представлено начиная с конца XII в. в форме *házó-*, когда немецкое слово имело еще форму *hūs*, и *ū* никогда не могло дать венгерское *a*. Следовательно, нужно искать для этого слова другую этимологию, и беспорную этимологию его легко найти в финно-угорских языках (ср. ханты *χót*, коми *-ka*, удм. *кца*, марийск. *кидо*, мордов. *kudo*, фин. *kota*, саамск. *kōestē*¹⁴. Фонетические соответствия бесспорны: начальное финно-угорское **k*- перед велярным гласным даст венгерское *χ*- > *h*-, интервокальное *t* регулярно переходит в венгерском в *z*, конечный гласный в венгерском исчезает и т. д. Первичное значение «палатка, примитивное жилище» не противоречит данной этимологии. Еще пример: современное значение слова *íromba* «неловкий, уродливый, увалень», кажется, не поддается никакой этимологии. Но древнее и диалектное значение этого слова — «покрытый серыми пятнами, пятнистый (о кошке)» — дает ключ к этимологизации, связывая это слово со словацким *jarabý* «покрытый серыми пятнами, пестрый». Форма венгерского слова, кроме того, выдает время заимствования, заставляя возводить его к периоду до XI в., так что этимологом венгерского прилагательного является др.-словацк. *jarebá*, форма женского рода. Современное значение в венгерском обязано влиянию сходных по значению *gorombe* «грубый», *otromba* «неловкий, невоспитанный и т. д.»¹⁵.

Фонетическая история слова очень часто позволяет установить время или по крайней мере момент *ad quem* заимствования. Хотя венг. *kanca* «кобылица» < слав. *konjica* зафиксировано с XV в., а венгерского слова на месте слав. *o* заставляя отодвинуть дату заимствования по крайней мере к XIII в. Сохранение носового элемента в некоторых венгерских заимствованиях из славянских языков при сравнении со славянской деназализацией заставляя нас допустить, что то или иное из анализируе-

¹⁴ Szinnyei J., указ. соч., стр. 36.

¹⁵ Knieszsa I., указ. соч., I, стр. 224.

мых слов получило право гражданства в венгерском до XI в., таковы *gomba* «гриб», *donga* «клепка», *dorong* «дубина», *gerenda* «балка, брус», *rend* «порядок» и т. п. Само собою разумеется, что с принципом регулярных фонетических изменений, так же как и семантической истории, следует обращаться с определенной осмотрительностью, поскольку особые причины могут вызвать частные изменения и даже сильные отклонения. Здесь очень важную роль играет тщательное изучение истории слова. Например, венгерское *pénz* «деньги», связываемое со слав. *penězъ* или *penězъ*, кажется, свидетельствует о гаплогогии: **pénenz > pénz*. Но исторически засвидетельствованные формы — такие, как *penez* (1229) и *piniz* (1230)¹⁶ и др., — показывают, что венгерский язык заимствовал уже деназализованную форму, а именно южнославянское *penez*. Падение гласного во втором слоге, кроме того, соответствует фонетическому развитию венгерского языка. Венгерское *z* на месте слав. *dzъ* также указывает на заимствование сравнительно недавнее (после XI в.¹⁷). Выше было показано, как любопытная семантическая эволюция слова *iromba* привела к решению этимологической проблемы.

Представляется излишним далее распространяться обо всем этом, настолько эти принципы диктуются простым здравым смыслом. Однако все еще не исключены случаи, когда в некоторых исследованиях этимологи иногда пренебрегают историей слова. Их труд в таком случае неизбежно приобретает оттенок дилетантизма.

Суммируя данные, касающиеся слова, нельзя, разумеется, игнорировать диалектные варианты. Упомянем, например, наиболее простой случай: слово *dinnye* «дыня» обнаруживает такие варианты, как *dinya*, *dinnya*, *dinye*, которые соответствуют различным ступеням фонетической эволюции этого слова в венгерском языке. Равно показательными могут быть свидетельства лингвистической географии, особенно когда речь идет о словах, длительное время или вплоть до наших дней остававшихся на диалектной почве. Так, *varkocs* «коса (из волос)» встречается только в тех областях, где соседствуют венгры и словаки, *kútya* «шалаш пастуха» известно лишь у сербскохорватской границы, *kuli* «короткие рога, загнутые внутрь» соприкасается с территорией словенского языка и т. д.

3. Этимолог, который захотел бы ограничиться изучением только лишь языка, бесспорно, избрал бы ложный путь. Этимология — комплексная наука, более комплексная, чем любая другая отрасль лингвистики. Исследование слова должно всегда сопровождаться изучением соответствующего понятия, а значит — и реалии; следовательно, необходимо учитывать достижения археологии, этнографии, фольклора, экономической и даже политической истории страны. Рассмотрим несколько примеров. Хотя венгры были хорошими кузнецами задолго до завоевания, слово *kalapács* «молот» славянского происхождения в конце концов вытеснило из употребления венгерский термин *vegő* — употреблявшийся еще в XVII в., теперь он совершенно неизвестен. В этом нет ничего необычайного, подобные вещи случаются достаточно часто, однако, требуя объяснения. Исконное значение *kalapács* < слав. *клерать* было «молоток для отбивания косы»¹⁸, следовательно, это был земледельческий термин, как и само *kasza* «коса» > слав. *kosa*. История слова объясняется изменением, происшедшим в экономической жизни венгров. В результате турецкого владычества и последовавшего всеобщего обнищания, многие процветавшие в средние века ремесла пришли в упадок, тогда как скотоводство и земледелие, будучи единственным источником экономической

¹⁶ «Magyar Oklevélszótár».

¹⁷ K n i e z s a I., указ. соч., I, стр. 414.

¹⁸ См. там же, стр. 242.

жизни, продолжали играть, напротив, все возрастающую роль. Венгры, завоевавшие свою страну, умели молотить зерно и, естественно, у них было слово для обозначения используемого для этой цели приспособления, которое приводили в движения вручную: это было *örvény* от глагола *or* «молотить» тюркского происхождения. Только после завоевания своей страны венгры познакомились с водяной мельницей и усвоили слово *malom*. Если исходить из формы, этот термин можно было бы возводить к итал. *molino*, ст.-прованс. и ст.-франц. *molin* (через посредство монашеских орденов, пришедших из Франции). Я приписывал ему — вместе с *molnár* «мельник» — провансальское происхождение¹⁹, но если считать, что водяные мельницы представлены в Венгрии с XI в., т. е. до появления в Венгрии провансальских или французских монахов и что, как показал И. Книежа, в славянских языках заимствование *mъlynъ* датируется до конца X в.²⁰, то следует высказаться за славянскую (хорватскую, по Книеже) этимологию венгерского слова, особенно при учете того, что некоторые части или оборудование мельницы обозначаются в венгерском славянскими словами, как, например, *gát* «плотина», *zsilip* «шлюз», *gerendely* «ось мельничного колеса», *garat* «воронка, насып». В то же время, например, венг. *eke* «плуг» — тюркского происхождения, тогда как большинство частей плуга носит славянские названия, таковы *gerendely* «дышло плуга», *lemez* «отвал», *csoraszlya* «сошник», *kakat-* (*czeg*) «стержень для закрепления цепи передка», *taliga* «передок плуга». Это потому, что венгерский «eke» (как деревянный, согласно недавним археологическим работам, так и железный) был совсем иного устройства, нежели то новое орудие, с которым венгры познакомились после завоевания.

4. Исходя из вышеизложенного, очевидно, что следует рассмотреть все семантическое поле, к которому принадлежит анализируемое слово, прежде чем высказать суждение о его происхождении, особенно в тех случаях, когда к объяснению спорной лексемы в соответствии с ее формой и значением могут быть привлечены данные не одного, а нескольких языков. Но если необходимо учитывать семантическое поле, к которому принадлежит понятие, обозначаемое словом, то, с другой стороны, следует рассматривать слово во всей сумме его производных, во всех его языковых связях. Нужно принимать во внимание всю семью данного слова, включая слова-предшественники, побочные и производные образования изучаемого слова во всей их сложности. Разумеется, после того, как соответствие слова одного языка определенному слову другого языка надлежащим образом установлено, остается еще решить вопрос, какой из этих языков был заимствующим и из какого заимствование было произведено. Проблема часто разрешается путем рассмотрения культурных связей между народами, говорящими на этих языках. Древний финно-угорский обязан несколькими заимствованиями древнему индоевропейскому, и эти слова следовали обычным путем, от более развитой культуры к более примитивной. Но так бывает не всегда. Например, некоторые соображения — географические и иные — говорят в пользу предположения, что финно-угорский прототип слов *méh* «пчела» и *méz* «мед», имеющих соответствия во многих индоевропейских языках, проделал обратный путь.

Чтобы решить проблему, исконным или заимствованным является слово в языке, необходимо изучить окружение слова в каждом из рассматриваемых языков, выяснить, имеет ли оно семью родственных (производных) слов, восходит ли оно к корню, давшему и другие ответвления, известно ли оно родственным языкам. Так, например, венгерский язык

¹⁹ B á r c z i G., Óprovençal jövevényszavak a magyarban, «Nyelvtudományi közlemények», L, 1—3, 1936, стр. 28.

²⁰ K n i e z s a I., указ. соч., I, стр. 326.

имеет много слов осетинского происхождения, типа *asszony* «женщина», *vért* «броня; щит», *hid* «мост» и т. д. Наоборот, осет. *rasig* «пьяный» восходит к венг. *részeg* «пьяный»: в осетинском это слово изолировано, другие иранские языки его не знают, тогда как венгерское слово является производным от угорского корня *rév- ~ rej-*, ср. *révül* «приходить в восторг, терять рассудок», *réveteg* «дикий» и т. п. Конечно, данный принцип слишком очевиден, чтобы на нем настаивать. Тем не менее, в целом можно достичь бесконечно более яркого и сложного представления об истории и даже происхождении слова, если проследить его миграцию, его ответвления в тех языках, где оно появляется. Тем самым можно избежать многих ошибок и поднять много вопросов, которые вне такой постановки не возникали. У нас этот аспект исследования особенно развивает Д. Пайш. Например, он изучил основу *tap-* в большом числе европейских и азиатских языков, проследив ее и ее производные в миграциях, насколько это позволяли данные, в прочих случаях довольствуясь постановкой интересных и разнообразных проблем (а именно: идет ли речь о независимых звукоподражаниях, о заимствовании или об общем происхождении и т. д.). В результате удалось проследить, как в судьбах одной семьи слов отражаются контакты взаимопроникновения, крайне сложная жизнь целой группы языков²¹. Среди многих других можно упомянуть еще труды Л. Лигети, например, тот, где для венгерского слова *gyöngy* «жемчуг» < тюрк. *jīnjū* он распутывает всю историю этого слова, происходящего из китайского и пересекшего всю Азию, чтобы обосноваться в многочисленных языках. Таким образом, самая простая этимология венгерского слова получает расширенную основу, и история культуры выигрывает так же, как и лингвистика²².

5. Необходимо еще в нескольких словах коснуться того принципа, к которому теперь часто (может быть, даже слишком часто) прибегают венгерские этимологи. Давно известно, что звукоподражания, внутренние и спонтанные образования языка, дают ключ к происхождению значительного числа слов; доля этих элементов в венгерском словаре даже особенно велика. Вот уже полвека, как З. Гомбец привлек внимание к этой группе экспрессивной лексики²³. Но есть и другие элементы, которые можно было бы назвать суггестивными: они не воспроизводят слуховые впечатления, но своим звучанием вызывают в представлении движение, положение, жест, свойство и т. д. Здесь связь со звуковой формой несколько субъективна, менее очевидна, поскольку эта форма показывает лишь атмосферу, эмоциональный оттенок, сопровождающий понятие, которое она выражает. Естественно, часто не удается объективно установить, что слово бесспорно суггестивного происхождения. Только кропотливый анализ, равно как и объединение и сопоставление всех диалектных и исторических вариантов обещают — и то не всегда — результат, который редко бывает столь же надежен, как в случае звукоподражания или иного лексического элемента.

Этот принцип, несомненно, обогатил арсенал венгерских этимологов. Важность роли, которую может играть спонтанное образование слов этой категории в венгерском словаре, особенно подчеркнул Л. Бенкё²⁴. Он рассмотрел историю нескольких корней со всей разветвленностью их производных, часто поразительной. Так, он занимался суггестивным кор-

²¹ См.: «Nyelvtudományi közlemények», 49; D. v. P a i s, Die Wortfamilie des uralischen und altaischen *tap* «fassen», «Ungarische Jahrbücher», XV, 4—5, 1936.

²² L i g e t i L., A török szókészlet története és török jövevényszavaink, «Magyar nyelv», XLII, 1—5, 1946.

²³ «Magyar nyelv», IX, стр. 385 и сл.

²⁴ B e n k ö L., Egy hangfestő igecsoport, «Magyar nyelv», L, 3—4, 1954.

нем (в конечном счете — финно-угорского происхождения) *vil(l)- ~ vir(r)-* и получил неожиданные, но абсолютно убедительные результаты, показав, что такие слова, как *villám* «молния», *villág* «свет» и «мир», *viraszt* «бодрствовать», *virág* «цветок», *virul* «цвести» с их параллельными и производными образованиями генетически связаны между собой, восходя к одному и тому же суггестивному корню²⁵.

Но если аргументация, достаточно подкрепленная историческими и диалектными данными и многочисленными аналогиями, которые можно привести из других языков, убедительна, то, мне кажется, следует прибегать к «суггестивному происхождению» с большой осторожностью, поскольку, как уже говорилось, это объяснение часто скрывает слишком субъективное суждение. Со времени блестящих толкований Л. Бенкё поток суггестивных слов словно хлынул в венгерскую лексикологию. Как и экспрессивные слова, суггестивные слова характеризуются в целом большим количеством вариантов, которые не обнаруживают фонетических соответствий, сообразных с закономерным развитием языка; если довести принцип «суггестивного» объяснения до логического развития, то мы подвергаемся опасности прийти к такому состоянию, когда гласные значат мало, а согласные ничего не значат и когда ярлык «суггестивного происхождения» станет в конце концов эвфемическим эквивалентом пометы «неизвестного происхождения».

7. В целом этимологические исследования в Венгрии находятся в полном расцвете. Подвергаются критическому пересмотру ранее принятые этимологии, число их пополняется новыми, дополняются материалами те, которые выдерживают проверку. Не говоря уже о многочисленных статьях и частных исследованиях, печатающихся в журналах и лексикологических сборниках, кроме оставшегося незаконченным основополагающего сочинения покойного И. Книежи, в настоящее время подготавливаются два больших труда. Один объединит финно-угорские элементы венгерского языка со всем обязательным филологическим аппаратом, учитывая в приложении этимологии, считающиеся ненадежными или даже окончательно отвергнутые; этот труд подготавливается под руководством Лако. Другой — это исторический и этимологический словарь венгерского языка, которым мы обязаны группе, образованной из наиболее квалифицированных венгерских этимологов и возглавляемой Л. Бенкё, при широком сотрудничестве Л. Киша и Л. Поппа. Первые тома каждого из этих трудов находятся в печати и выйдут в свет в течение 1967 г. Эти тома лучше, чем какой бы то ни было обзор, дадут верное представление о современном состоянии этимологических исследований в Венгрии.

Перевела с французского Ж. Ж. Варбот

²⁵ L. B e n k ő, Nyelvtudományi Ertekezések = Dissertations Linguistiques, 38, стр. 18 и сл.

Ж. Ж. ВАРБОТ

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ГНЕЗД

Реконструкция этимологического гнезда всегда предполагает реконструкцию теми или иными средствами (объяснением семантических различий, фонологическим отождествлением и т. д.) утраченных словообразовательных связей слов или групп слов. При этом установление самого факта родства того или иного слова с определенной группой (гнездом) слов, хотя и представляет большой интерес, не является конечной целью этимологического исследования, которая может быть понята лишь как определение способа образования анализируемого слова в пределах данного гнезда от какого-то одного слова в гнезде в сочетании с определением хронологии и степени регулярности этого способа словообразования.

Различие хронологической приуроченности анализируемых связей в отдельных случаях не имеет принципиального значения для изменения требований относительно четкости формулирования реконструируемых словообразовательных отношений. Ограниченность материала, неполнота представлений о семантике и словообразовании древнейших дописьменных периодов истории языка оправдывают ограничение соответствующих этимологических решений выводом о родстве слова с тем или иным гнездом. Однако и в отношении очень древних реконструируемых связей должно строго соблюдаться различие хотя бы двух формулировок — «родственно с» и «образовано от» (с указанием к а к). Это особенно существенно при рассмотрении слов, которые сохранились с древнейших периодов до современного состояния языка, причем относительно многих из них сохранилось сознание их принадлежности к определенным гнездам.

Некоторые иллюстрации могут быть приведены из опыта этимологизирования русских бессуффиксальных имен существительных, соотносительных с глаголами. Под соотносительностью с глаголами понимается здесь установленный факт родства имен с глаголами, которые не являются при этом производными от данных имен. Соотносительность имен с глаголами на уровне отдельных славянских языков может восходить к весьма различным генетическим отношениям этих имен и глаголов. Представляется необходимым выделить по меньшей мере пять типов словообразовательно-генетических отношений соотносительных в русском языке имен и глаголов:

I. Имя является образованием праиндоевропейского периода, родственным с данным глаголом; ступень вокализма имени — *e или ступень редукции — может быть как тождественна вокализму глагола, так и отлична от него: *пепел* (ср. др.-прусс. *pelanne*)¹ и *палить*, диалектн. *плеть* «гореть»; др.-русс. *пъсь* (ср. др.-инд. *piçáṅgas*) и др.-русс. *пъсати*.

¹ Этимологические сопоставления здесь и ниже (в характеристике типов словообразовательно-генетических отношений) взяты из словаря Фасмера.

II. Имя является праиндоевропейским образованием с вокализмом в ступени **o* от несохранившегося в славянских языках глагола с вокализмом в ступени **e*, родственного представленному славянскому глаголу: *зов* (ср. др.-инд. *hāvas*) и *звать* — при др.-инд. *hāvātē*; *взор* (ср. литов. *žāras*) и *зреть* — при литов. *žerėti*.

III. Имя является праиндоевропейским образованием с вокализмом в ступени **o* или долгим вокализмом от данного глагола с вокализмом **e*: *сбор* (ср. греч. *φόρος*) и *беру* (ср. греч. *φέρω*); др.-русск. *вѣжа* «башня, кибитка, повозка» (ср. авест. *vāza-*) и *везти* (ср. литов. *vėžti*, др.-инд. *vāhati*, лат. *vehō*).

IV. Имя является праславянским образованием а) с вокализмом **o* от данного глагола с вокализмом **e*: диалектн. *оборог* «стог» — *беречь*; б) с долгим вокализмом от данного глагола с кратким вокализмом: др.-русск. *мѣль* — *мель* (праслав. **melti*, *mel'ǫ*), др.-русск. *дира* — др.-русск. *дѣрати*.

V. Имя является позднеславянским образованием или собственным образованием данного славянского языка от глагола с тождественным вокализмом: др.-русск. *крапля* — др.-русск.- *крапляти*, др.-русск. *лыжа* «ложь» — др.-русск. *-лыгати*.

Каждый из перечисленных типов предполагает определенную хронологическую и словообразовательную ориентацию имени в гнезде родственных слов. Поэтому очень желательна точность формулировки возможного этимологического решения в каждом отдельном случае. Представляется, например, что однотипные указания Фасмера относительно русских *мор* («к *мереть*»²), *опока* («к *печь*, *пеку*»³) и *мовь* («к *мыть*»⁴) обозначают существенно различные во всех трех случаях отношения имени и глагола: ср. наличие инославянских и индоевропейских соответствий для *мор* при аблаутных отношениях между *мор* и *мереть*, наличие только славянских соответствий для *опока* при аблаутных отношениях его с *печь* и отсутствие соответствий для *мовь* за пределами русского языка при невозможности прямых аблаутных связей *мовь* с *мыть*.

Этимологическая характеристика славянских имен, соотносительных с глаголами, в этимологических словарях убеждает в том, что главными препятствиями на пути к уточнению приблизительных этимологических решений (формулируемых обычно как «родственно с...», «связано с...» или просто «к...») являются отсутствие надежных реконструкций набора соответствующих глагольных основ для праславянского языка и неразработанность проблем морфологии словообразования (как праиндоевропейского, так и праславянского).

Можно предполагать, что в ранний период истории праславянского языка продолжала действовать праиндоевропейская модель образования отглагольных имен *-*o*- (*-*jo*-) и *-*a*- (*-*ja*-) основ, а именно — от глаголов с корневым вокализмом **e* образовывались имена с вокализмом **o* (см. выше тип IVa). Вероятно, в тот же период получило особое распространение образование имен с долгим корневым вокализмом от глаголов с кратким вокализмом (см. тип IVб). Однако остаются неясными способы и время образования славянских имен (не имеющих точных соответствий за пределами славянских языков) с вокализмом **o* при отсутствии в славянских языках однокоренных глаголов с вокализмом **e* (равно и с **o*) — типа др.-русск. *мовь* (к *мыти*), слав. **izvorь* (к **vьrěti*), **dorga* (к **dьrgati*), а также имен с долгим вокализмом при отсутствии славянских глаголов

² M. V a s m e r, Russisches etymologisches Wörterbuch, II, Heidelberg, 1955, стр. 156.

³ Там же, стр. 272.

⁴ Там же, стр. 143.

с соответствующим кратким вокализмом (как и с тождественным долгим вокализмом) — типа др.-русск. *изгага* (к *жечи*).

Отнесение этих образований к праиндоевропейскому периоду⁵ не обязательно, поскольку появление имен данной структуры возможно и для раннепраславянского, а в родственных индоевропейских языках тождественные образования отсутствуют. Приурочение же этих имен к раннепраславянскому периоду, при условии принятия образования имен с вокализмом **o* или долгим вокализмом от глаголов с вокализмом **e* (или, соответственно, кратким), наталкивается на отсутствие глагольных основ с соответствующим вокализмом хотя бы в одном славянском языке, так что встает вопрос о реконструкции для раннепраславянского периода основ **dergti* (в соответствии с **dorga*), **movjo*⁶ (в соответствии с **movь*), **verti* «кипеть, извергаться» (в соответствии с **izvorь*) и **gožiti* (в соответствии с **izgaga*), в пользу чего свидетельствуют и внешние данные: ср. латыш. *derglit*, латыш. *maut*, литов. *vérdū*.

Представляется возможным также следующее предположение о происхождении имен **dorga*, **izvorь*, **movь*: они могли быть образованы в конце раннепраславянского периода в соответствии с глаголами **dьrgati* **vrěti*, **myti* по аналогии с парами, унаследованными от праиндоевропейского, типа **-zbrěti* — **-zorь*, **zъvati* — **zovь*, **kryti* — **krovь*, **ryti* — **rovь*. Подобное образование возможно как одна из переходных ступеней от характерного для раннепраславянского периода противопоставления вокализма глагола **e* (или краткого) вокализму **o* (или долготу) имени к характерному для позднепраславянского периода тождеству вокализма производного имени вокализму глагола.

Определение словообразовательных отношений и хронологической приуроченности ряда образований может быть уточнено при учете возможности преобразования как целых словообразовательных моделей, так и отдельных унаследованных лексем в соответствии с изменением морфонологических и словообразовательных тенденций. Как случай преобразования целой словообразовательной модели может рассматриваться появление в славянских языках, наряду с отыменными образованиями на *-ьсь*, *-ьса*, отглагольных образований типа др.-русск. *убишца*, *продавьць* и т. д. Промежуточным звеном послужили, вероятно, имена на *-ьсь*, *-ьса*, образованные от бессуффиксальных отглагольных имен, типа *боець* (от *бои*), *коньць* (от *конь*). На основе опосредованной соотносительности этих имен с глаголами оказались возможными и образования на *-ьсь*, *ьса* непосредственно от глаголов. Учитывая историю именных моделей с суффиксом *-ьсь*, *-ьса*, можно предполагать, что др.-русск. *убишца* является хронологически более поздним образованием, чем др.-русск. *убошца*, а возможно — и результатом преобразования последнего путем замены производящей основы (ср. также др.-чеш. *bijca* и *bojca*).

Хорошо известным средством обновления ряда унаследованных образований на почве позднепраславянского языка и отдельных славянских языков является вторичная тематизация отглагольных имен⁷.

Изменение морфонологических характеристик унаследованных лексем связано с изменением морфонологии соответствующих словообразовательных моделей и возможно на любых хронологических уровнях — всегда, когда изменяются морфонологические характеристики словообразования.

⁵ Ср. относительно *сорога*: М. V а s m e., указ. соч., I, Heidelberg, 1953, стр. 363—364.

⁶ V. M а с h e k, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, стр. 315.

⁷ См.: О. Н. Т р у б а ч е в, Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи, М., 1963, стр. 17—18.

Славянскому *rěъ соответствуют тохар. А *rake*, тохар. В *reki*, отличающиеся от славянского образования краткостью корневого вокализма; таковы же отношения слав. *věja и др.-инд. *vayā*, ирл. *fé*. Вероятно, славянские имена с долгим вокализмом являются не новообразованиями праславянского языка, а результатом преобразования унаследованных индоевропейских имен в соответствии с действующими морфонологическими тенденциями (ср. собственно славянские *mělъ, *mělъ, *ušidъ, *ušidъ). Новое изменение морфонологии бессуффиксального именного отглагольного словообразования произошло на рубеже ранне- и позднепраславянского периодов, а соответствующее преобразование унаследованных от раннепраславянского периода имен происходило и позднее — в позднепраславянский период и в отдельных славянских языках. Направление преобразования — замена корневого вокализма имен в ступени *o, не имеющего соответствия в однокоренных глаголах, ступенью вокализма, тождественной вокализму глаголов. Так, праслав. *nadolbъ (ср. чеш. *dlab*, литов. *dálba*) оказалось преобразованным в совр. русск. *надолб* (< др.-русск. *надълбъ*); процесс преобразования *надолбъ* в *надълбъ* прослеживается в древнерусском языке и обусловлен аналогией с глаголами *дълбати*, *дълбити*; в словацком языке вместо архаического **neurokot* (ср. морав. *neúroki*), соответствующего праславянскому имени **urokъ*, употребляется *neurekot*⁸ (в соответствии с глаголом *riect'*).

Действие тенденции к тождеству вокализма отглагольных имен вокализму глаголов в позднепраславянский период могло обусловить воспроизведение суффиксальных моделей, представленных в именах с изолированным (не имеющим соответствий в глаголах) вокализмом, с ориентацией на вокализм глагольных основ. Таким образом можно истолковать отношения слав. **kъznъ* (др.-русск. *къзнъ*, ст.-слав. *къзна*) и **kuznъ* (др.-русск. *кузнъ*, болг. *кузня*, сербск. топоним *Кузница*, польск. *kuźnia*, словацк. *kúžňa*, *kúžeň*, чеш. диалектн. *kouzeň*, *kuzňa*⁹); с точки зрения словообразовательной структуры они представляют собой одну и ту же суффиксальную модель с различным корневым вокализмом, изолированным в **kъznъ* и тождественным вокализму глагола **kovati*; *kujъ* в **kuznъ*. Таковы же отношения между слав. **gъrdlo* (др.-русск. *гърло*, серб.-хорв. *гърло*, чеш. *hrdlo*, польск. *gardło*, ср. литов. *gurklūs*, др.-прусск. *gurdle*) и **žerdlo* (др.-русск. *жерело*, укр. *джерело*, серб.-хорв. *ждријело*, болг. *жерело*, *ждрело*, словен. *žrélo*, чеш. *žřídlo*, словацк. *žrie(d)lo*, польск. *źródło*, н.-луж. *žrědło*; ср. литов. *gerklė*): **gъrdlo* с изолированным вокализмом должно быть признано более старым образованием, чем **žerdlo*, вокализм которого тождествен вокализму глагола **žerti* (ст.-слав. *жръти*)¹⁰.

Морфонологическое преобразование унаследованных имен, соотносительных с глаголами, или воспроизведение соответствующих моделей может быть обусловлено изменением в системе глагольных основ — утратой одних основ и ориентацией на другие, с иным корневым вокализмом (в отличие от вторичной тематизации, преобразование касается в этом случае не морфологии, а морфонологии имени). Например, воспроизведение имени с суффиксом *-dlo* от глаголов с корнем **gъr-/*žer-/*žъr-* «есть, глотать» имело, помимо двух упомянутых ступеней — **gъrdlo* и **žerdlo*, еще и третью ступень — **žъrdlo*. Почти во всех языках, где представлено **žъrdlo* (др.-русск. *жьрло*, серб.-хорв. *ждърло*, в.-луж. *žôrlo*), оно является по существу вариантом однозначного **žerdlo* (др.-русск. *жерело*, серб.-хорв. *ждријело*), с тем же суффиксом, но с вокализмом архаическо-

⁸ V. M а s h e k, указ. соч., стр. 550.

⁹ Там же, стр. 250

¹⁰ Ср. также: там же, стр. 588.

го инфинитива *žerti. Вероятно, *žerdlo является результатом воспроизведения той же суффиксальной модели с ориентацией на актуальные глагольные основы *žrati, *žbro (др.-русск. *жьрати, жьру*, серб.-хорв. *ждѣрати, ждѣрем*, в.-луж. *žrab, žeru*).

Анализ морфологических преобразований лексем, подобных рассмотренным случаям, очень убедительно свидетельствует в пользу гнездового этимологического исследования, охватывающего все родственные образования с одним и тем же корнем. Каждый член этимологического гнезда, будучи так или иначе связан с другими его членами, содержит определенную информацию о них. Выше уже рассматривался вопрос о том, что хронологическое определение славянских бессуффиксальных имен *dorga, *izvorь, *movь и истолкование их словообразовательно-генетических отношений к глаголам *dъrgati, *vъrěti, *myti прямо связаны с вопросом о реконструкции всей системы родственных праславянских глагольных основ. Равным образом и некоторые суффиксальные образования могут служить источником информации о хронологии производящих основ. Например, сравнительная молодость славянских итеративных основ на -ati, -ajr подтверждается тем, что выделенные из этих основ корни никогда не встречаются в соединении с архаичными суффиксами. С другой стороны, очевидно, что утраченные праславянским языком глагольные основы не могут предполагаться в соединении с новыми, актуальными славянскими суффиксами. Поэтому, например, наличие слав. *melzivo (русск. *молозиво*, серб.-хорв. *млѣзиво*, словен. *mlèzivo*, чеш. *mlezivo*, словацк. *mledzivo*, польск. *młodzivo*) с очень активным в славянских языках суффиксом может (при отсутствии точных соответствий для *melzivo за пределами славянских языков) рассматриваться как основание для реконструкции глагольной основы *melzti для всех диалектов праславянского языка, хотя сохранилась она лишь в ст.-слав. *млѣсти* и словен. *mlesti*.

Таким же образом на основе слав. *žeravъjь (др.-русск. *жьравыи*, ст.-слав. *жѣравъ*, серб.-хорв. *жѣрав*, словен. *žerâvica*, чеш. *žeravý*, словацк. *žeravý*) и *žeruxa (русск. диалектн. *жьруха*, польск. *žerucha* и *rzeżucha*, чеш. *řeřicha*) с актуальными и новыми для славянского отглагольного словообразования суффиксами можно реконструировать праславянский глагол *žerti (родственный *gorěti, *žariti).

Анализ этимологического гнезда в целом, во всем многообразии образующих его словообразовательных связей слов очень существен также с точки зрения изучения типологии разрывов словообразовательных связей, превращающих словообразовательное гнездо в этимологическое. Разумеется, и причины этих разрывов, и их отражение в словообразовательной структуре разошедшихся частей одного и того же гнезда очень многообразны. Однако можно предполагать (и это даже уже подтверждено некоторыми исследованиями), что в указанном многообразии есть известные наиболее яркие типы, что причины разрыва словообразовательных связей и соотношение словообразовательных структур разошедшихся групп слов определенным образом связаны между собой. Как было установлено на романском материале Я. Малкилем, разошедшиеся части этимологического гнезда часто сохраняют в своей словообразовательной структуре следы взаимного дополнения¹¹. Подобные словообразовательные отношения могут быть рефлексом скорее семантического разрыва между членами бывшего словообразовательного гнезда, нежели фонетического их расхождения. Если учесть, что в славянских языках семантические изменения часто разобщают родственные глагольные основы (осо-

¹¹ См.: Y. Malkiel, Etymology and the structure of word families, «Word», X, 2—3, 1954, стр. 271.

бенно различающиеся фонетически (ср. *бить* и *бояться*, *вить* и *ваять*), то приведенные наблюдения могут послужить типологической основой для этимологического сближения различных словообразовательных гнезд, соотносительных с глаголами, при условии, что эти глаголы могут рассматриваться как семантически разошедшиеся, структурно дополняющие друг друга родственные основы. Представляется, что возможно сопоставление, в частности, славянского гнезда с корнем **gor-/*žar-* «гореть» и группы слов, опирающихся на **žbŕti* «жертвовать».

На основании глаголов, представленных в отдельных славянских языках, для праславянского языка реконструируются следующие глагольные основы с корнем **gor-/*žar-*: **gorěti*, **žariti*, **grěti* и позднее — **garati*. Система чередований **o*: **ē*: нуль допускает предположение об утраченной ступени **e*, представленной в родственном греч. *θέρωμι*. Среди однокоренных славянских именных образований ступень **e* также представлена: ср. **žeravъjь*, **žerucha*. Поскольку суффиксы *-avъjь* и *-uxa* являются в праславянском отглагольном словообразовании новыми аффиксами, можно предполагать, что соответствующие имена — собственно праславянские новообразования и, следовательно, реконструировать для праславянского языка глагольную основу **žerti* [основа **žerěti* (ср. чеш. *žirěti*), вероятно, вторична]. Эту реконструированную основу можно, далее, отождествить со славянским глаголом «жертвовать, приносить в жертву»: судя по настоящему времени **žbrp*, наиболее вероятной первичной формой соответствующей инфинитивной основы должна быть корневая основа **žerti*, которая затем была выравнена по настоящему времени в **žbŕti*. Развитие значения «гореть» («жечь»?) > «жертвовать, приносить в жертву» представляется возможным в свете данных о роли огня в жертвоприношениях почти всех древних народов¹². Для суждения о славянском язычестве существенны следующие сообщения из древнерусских летописей, а также из слов и поучений против язычества: «ему же (Перуну) яко Богу жертву приношаху и огонь неугасающий зъ дубового древія непрестанно паляху» (Густинская летопись)¹³; «Сему Купалу... память совершають, въ навечеріе Рождества Иоанна Предтечи... сичевымъ образомъ: съ вечера собираются простая чадъ, обоого полу, и соплетаютъ себѣ вѣнцы из ядомого зелія, или коренія, и ... возгнѣтають огонь, индѣ же поставляютъ зеленую вѣтвь, и емшеся за рудѣ около обрацаются окрестъ оногo огня, поюще своя пѣсни...; потомъ чрезъ оныи огонь прескакують, оному бѣсу жертву себе приносяще (вариант: чрезъ огонь прескачюще самых себе тому же бѣсу Купалу в жертву приносять)» (Густинская летопись)¹⁴; «...такожде и лопаремъ вѣру и кудесътво во огни тоуже епитемію да пріимемъ» (рукопись начала XIX в. Черниговской духовной семинарии, № 76, л. 45)¹⁵. Интересно также болг. диалектн. *палич* «жрец» (к **paliti!*) в следующем контексте: «Въ Македониѣ того кой кѣди прѣзь кѣдены тѣ вечера назовавѣтъ го *паличъ*, а то има равно значение съ жрьцѣ»¹⁶. Наконец, о возможности развития значения «жертвовать» на базе значения «гореть» (в связи с огненными жертвоприношениями) свидетельству-

¹² См.: «Mana». Introduction à l'histoire des religions, 2 — Les religions de l'Europe ancienne; III — Les religions des Celtes, des Germains et des anciens Slaves, par J. Vendryes, E. Tonnelat, B. O. Unbegaun, Paris, 1948, стр. 315, 316, 376.

¹³ Н. Г а л ь к о в с к и й, Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, II — Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе, «Записки императорского Московского археологического института», XVIII, 1913, стр. 296.

¹⁴ Там же, стр. 297.

¹⁵ Там же, стр. 116.

¹⁶ Г. С. Р а к о в с к и, Български старини, 1865 [выписка взята из картотеки Архива словаря болгарского возрождения XIX в. (София) по материалам, собранным для Этимологического словаря славянских языков О. Н. Трубачевым].

ют генетические связи греч. $\thetaύω$ «совершать жертвоприношение» (и $\thetaύω$ «бушевать, неистовствовать») с лат. *fumus*, санскр. *dhuma* «дым»¹⁷.

Таким образом, представляется возможным объединить в одно этимологическое гнездо (с корнем **žer-/gor-/žar-/gr-*) две группы слов, ядро которых образуют структурно дополняющие друг друга глагольные основы: **gorěti*, **žariti*, **grěti* (с производными) — с одной стороны, и **žrti* (< **žrti*) «жертвовать» (с производными) — с другой стороны.

При распаде единого словообразовательного гнезда на несколько групп слов вследствие фонетического расщепления или семантических изменений этот разрыв почти никогда не бывает полным, бывшее единство не исчезает бесследно (если только речь идет не о разобщении двух родственных слов, производные к которым образуются уже после утраты связи между этими двумя словами). Сигналом бывших словообразовательных связей двух групп слов (а следовательно, и поводом для их этимологического сопоставления) может быть наличие производных образований, совмещающих фонетический облик корня, свойственный одной группе, со значением, закрепившимся за другой группой. Подобные образования хронологически предшествуют разобщению этимологически связанных групп. Таково положение имени *бой* по отношению к *бить* и *бояться*, имени *коса* по отношению к *чесать* и *коснуться*.

В качестве подобного сигнала можно, кажется, использовать и н.-луж. *napšiski*, *pšiski*, *pšistry*: фонетически эти образования отождествляются с праслав. **prěsnъjъ* «свежий»¹⁸, тогда как по значению — «поспешный, суетливый; крутой» — могут быть сопоставлены с южно-восточнославянским **napras(b)ъjъ* «быстрый, спешный, внезапный; сильный, жестокий, насильственный; вспыльчивый» (др.-русс. *напрасъный* «внезапный, скорый; вспыльчивый, жестокий, тягостный», укр. *напрáсний* «внезапный», ст.-слав. *напрасанъ дримъс, ѿφυιδιος*, серб.-хорв. *на́прасан* «вспыльчивый, неукротимый», болг. *нап́расен* «скоропостижный, внезапный, неожиданный»¹⁹). В связи с этим представляется возможным предположение о родстве праслав. **napras(b)ъjъ* с праслав. **prěsnъjъ* при корневом чередовании **o/*ē* (принимая **naprasъjъ* < **napraskъjъ*).

Бесспорно, чередование в славянских именах, не соотносительных с глаголами (а именно таков случай **prěsnъjъ* — **napras(b)ъjъ*) — не частое явление, однако возможное, особенно если учесть глубокую, возможно — праиндоевропейскую древность предполагаемого родства. Ср., например, слав. **dolga* (чеш. *dlaha*) и **dъlъzъ* (чеш. *dluž*, русск. *должея* и т. д.), **čerda* и **kъrd-* (чеш. *krdel*), **korbъ* и **kъrb-* (чеш. *krbec*). Относительно приставки *na-* в **napras(b)ъjъ* можно напомнить замечание А. Брюкнера, считавшего ее факультативной в подобных образованиях²⁰. Судя по данным различных славянских языков, эта приставка могла иметь значение той или иной степени качества: ср. н.-луж. *пасарны* «черноватый», *пајеšны* «очень быстрый»²¹, др.-чеш. *nálysъjъ* «лысоватый»²², русск. *на́больший*, *на́крепко*, *на́мочный* «самый сильный»²³.

¹⁷ С. D. В u c k, A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages, Chicago, 1949, стр. 1467—1468.

¹⁸ См.: О. Н. Т р у б а ч е в, О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков, «Сербо-лужицкий лингвистический сборник», М., 1963, стр. 168.

¹⁹ Полный перечень материалов см. в моей статье «Заметки по славянской этимологии (слав. **nagъjъ*, **naprasъjъ*, **lězo, lězivo*)», сб. «Этимология. 1964», М., 1965, стр. 30—33. Предложенное там же этимологическое решение я считаю менее убедительным, чем излагаемое ниже.

²⁰ См.: А. В r ü c k n e r, Über etymologische Anarchie, IF, 23, 1908, стр. 213.

²¹ Э. М у к а, Словарь нижнелужицкого языка, I, Пг., 1921, стр. 965, 973.

²² J. G e b a u e r, Slovník staročeský, II, Praha, 1916, стр. 473.

²³ В. Д а л ь, Толковый словарь живого великорусского языка, II, СПб.—М., 1881, стр. 380, 429, 441.

Что касается возможности первоначального родства слов со значениями «свежий» и «быстрый, сильный», то семантический переход «свежий» > «быстрый, стремительный» или совмещение значений «свежий», «быстрый» и «сильный» в одном слове встречаются в славянских языках довольно часто: ср. чеш. *čilý* «свежий» и «быстрый»; чеш. *čerstvý* «свежий» и *čerstvě jeti* «hurtig reiten»²⁴ (ср. и олон. *черствой* «смелый, ловкий»²⁵); словац. *jarý* «свежий» и словен. *járən* «яростный, энергичный, сильный», в.-луж. *jara* «очень»; словацк. *friský* (заимствование из немецкого) «быстрый, скорый» и «свежий»; русск. *свежие овощи* и *свежий ветер* (= «быстрый, стремительный, сильный»). Возможна взаимосвязь и противоположных значений — «несвежий, испорченный» и «медленный»: ср. арханг. *модеть* «портиться» и «тихо, медленно делать что-либо»²⁶. Значения некоторых образований, восходящих к праслав. **prěsnъjь*, также сближаются со значениями праслав. **napras(b)nъjь*: чеш. *přísný* «строгий», *přesný* «точный, аккуратный», русск. диалектн. костр. *прянной* «рассеянный, ветренный, сладострастный»²⁷. Возможно, значение «сильный» является общим источником значений «свежий» и «быстрый».

Словообразовательное гнездо становится этимологическим вследствие разрыва определенных словообразовательных связей. Для этимологии было бы существенно определить круг словообразовательных связей слов, наиболее часто подвергающихся деэтимологизации. С точки зрения словообразования подобное исследование представляет интерес для изучения развития словообразования, его морфологии и морфонологий. Для этой же цели может быть использован и упомянутый выше анализ воспроизведения словообразовательных моделей в пределах этимологических гнезд.

²⁴ F. S t. K o t t, *Cesko-němčeský slovník*, IV, Praha, 1884, стр. 321.

²⁵ Г. К у л и к о в с к и й, *Словарь областного олонцкого наречия*, СПб., 1898, стр. 132.

²⁶ А. И. П о д в ы с о ц к и й, *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*, СПб., 1885, стр. 91.

²⁷ «Опыт областного великорусского словаря», СПб., 1852, стр. 183.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

М. В. ВИТОВ

СЕВЕРНОРУССКАЯ ТОПОНИМИЯ XV—XVIII вв.

(К постановке топонимического источниковедения)

Исследователи русской топонимии прежде использовали почти исключительно современный им материал. Теперь чаще внимание их привлекают географические названия прошлого, содержащиеся как в нарративных источниках, так и в писцовых и переписных книгах. Но по-прежнему основной материал для топонимических исследований дают современные данные или данные конца XIX в. И зачастую с помощью этих очень поздних по происхождению материалов исследователи пытаются заглянуть в самое отдаленное прошлое. Можно, конечно, найти известное обоснование использованию современного материала в этногенетических целях: он наиболее доступен и хорошо сопоставим по различным территориям¹. К тому же, прослеживание истории отдельных топонимов показывало их относительную устойчивость в течение нескольких последних столетий. Однако прием выборочных сопоставлений отдельных географических названий современной номенклатуры с материалами средневековых памятников представляется недостаточным². Более надежную основу для оценки устойчивости топонимии может дать лишь сопоставление, проведенное сплошным методом. В свою очередь исследование степени устойчивости названий интересно для постановки и разработки топонимического источниковедения.

Ниже будут рассмотрены два источниковедческих вопроса. Один — общий: об изменяемости названий населенных мест и о том, какое влияние оказывает эта изменяемость на степень достоверности поздних топонимических данных как исторического источника. Другой — более частный: о некоторых конкретных возможностях использования данных топонимии для изучения процесса освоения земли севернорусским крестьянством.

I. Материал, положенный в основу этой заметки, составляют таблицы сопоставления названий сельских населенных мест из различных писцовых, переписных книг XV—XVII вв. и ревизий XVIII в., относящихся к одной и той же области. Сопоставление названий носило сплошной характер и было проведено по северной части Обонежья (по терминологии XV—XVI вв.), или Заонежских погостов (по терминологии XVII в.) — она ох-

¹ Севернорусской топонимии, в частности, только за последнее время были посвящены обстоятельные исследования А. К. Матвеева («О происхождении севернорусской топонимии на *ас* и *ус*», сб. «Вопросы топониматики», 1, Свердловск, 1962; «Субстратная топонимика русского Севера», ВЯ, 1964, 2) и Е. М. Поспелова («О балтийской гипотезе в севернорусской топонимике», ВЯ, 1965, 2).

² На необходимость разработки методики сопоставления «современной» и «исторической» топонимии указывали, в частности, В. К. Яценский (см.: «Вопросы географии», сб. 31, М., 1953, стр. 283), а также В. А. Никонов (см. его «Пути топонимического исследования», сб. «Принципы топонимики», М., 1964, стр. 63).

ватывает область между южным побережьем Белого моря и средней частью берегов Онежского озера, вплоть до южной оконечности теперешнего Заонежского полуострова. Выбор области был определен исключительным богатством источников, которые дали возможность проследить судьбы каждой деревни и соответственно — ее названия по нескольким хронологическим «срезам»: 1496³, 1563⁴, 1583⁵, 1620⁶, 1628⁷, 1647⁸, 1678⁹, 1718¹⁰, 1720¹¹, 1788¹² гг.

Рассматриваемый материал позволяет проследить преемственность всех названий за длительный период трех столетий; к тому же, все поселения по всем датам определены на карте. Общее количество используемых топонимов по каждой из перечисленных выше девяти дат — несколько меньше тысячи. Число их, конечно, варьируется как из-за отдельных пропусков конкретного источника при описаниях отдельных погостов (по этой территории пропуски, впрочем, крайне незначительны), так и из-за того, что на населенность оказывали влияние войны и разного рода стихийные бедствия (недороды, эпидемии и т. п.). Таблицы сопоставления названий поселений из разных источников и соответствующие подробные карты размещения поселений, разумеется, не могут быть здесь приведены из-за недостатка места¹³, ограничиваюсь поэтому необходимыми примерами и итоговыми данными.

Продоланное сопоставление названий одних и тех же деревень выявляет большие изменения, которые эти названия претерпевают за три столетия. Привлекает внимание, прежде всего, значительная вариативность названий несомненно одних и тех же деревень. Занесенное в разные писцовые и переписные книги название одной и той же деревни звучит различно. Вот несколько примеров (порядок перечня названий одного и того же поселения дается в обратном хронологическом порядке, что соответствует ходу исследования по локализации населенных мест¹⁴): 1) 1788 г. — *Кундусова*; 1720 г. — *Кулдасова*; 1718 г. — *Кулдуцово*; 1647 г. — *Кулдусово*; 1628 г. — *Кондусово*; 1620 г. — *Кулдусово*; 1583 г. — *Кулдосово*; 1563 г. —

³ «Писцовая книга 1496 г.» Ю. Сабурова, в кн. «Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.», Л., 1930 (далее — 1496).

⁴ «Писцовая книга 1563 года» А. Лихачева и Л. Добрынина, там же (далее — 1563).

⁵ Писцовая книга 1583—1584 гг. А. Плещеева и С. Кузмина, ЦГАДА, ф. 1209, № 963 (далее — 1583).

⁶ Дозорная книга 1619—1620 гг. М. Лыкова и Я. Гневашева, ЦГАДА, ф. 1209, № 979 (далее — 1619).

⁷ Писцовая книга 1628—1629 гг. Н. Панина и С. Копылова, ЦГАДА, ф. 1209, № 308 (далее — 1628).

⁸ Переписная книга 1646—1647 гг. И. Писемского, Л. Сумина и Я. Ефимова, ЦГАДА, ф. 129, № 980 (далее — 1646).

⁹ Переписная книга 1678—1679 гг. И. А. Аничкова, И. Н. Аничкова и И. Вешокова, ЦГАДА, ф. 350, № 2541 (далее — 1678).

¹⁰ Отчет генерал-майора Матюшкина, ЦГАДА, ф. 248, № 3519 (далее — 1718).

¹¹ Ревизия по Олонцу, ЦГАДА, ф. 350, № 2542 (а) (далее — 1720).

¹² Карты генерального межевания по Олонецкой губернии, генеральные уездные планы Повенецкого и Петрозаводского уездов 1788 г., ЦГАДА, ф. 33, № 66—70, 74 (далее — 1788).

¹³ Сводка сопоставления поселений из разных источников по Шунгскому погосту опубликована в моих «Историкогеографических очерках Заонежья XVI—XVII вв.» ([М.], 1962, стр. 228—289). Аналогичные таблицы сопоставления по Толвуйскому, Кижскому, Челможскому и Выгозерскому погостам выполнены совместно с И. В. Власовой и еще не опубликованы. Мысль об использовании наших материалов, предназначавшихся первоначально лишь для изучения истории поселений, также и для топонимического исследования, подал В. А. Никонов. Очень признателен ему, а также Г. Ф. Благовой и Г. С. Кнабе за любезные советы и замечания.

¹⁴ См. об этом мою работу «Приемы составления карт поселений XV—XVII вв. по данным писцовых и переписных книг» («Проблемы источниковедения», V, М., 1956, стр. 240—245).

Кулдуево; 1496 г. — *Куздосово*; 2) 1788 г. — *Курникова*; 1720 г. — *Курникова*; 1718 г. — *Корнилово*; 1647 г. — *Чюриково*; 1628 г. — *Чюриково*; 1620 г. — *Чюрикова Офонасовская*; 1583 г. — *Курикова*; 1496 г. — *Курниково*; 3) 1647 г. — *У Чемясова наволока*; 1628 г. — *У Чемесова наволока*; 1620 г. — *У Чеметова наволока*; 1583 г. — *У Чюметова наволока*; 1563 г. — *У Чеметова наволока*; 1496 г. — *У Четевой*; 4) 1718 г. — *Кадушево*; 1647 г. — *Кайбушева*; 1628 г. — *Кайбушева*; 1620 г. — *Кабышево*; 1583 г. — *Кайбышево*; 1563 г. — слово *Кайдушева*; 5) 1788 г. — *Реч наволок*; 1720 г. — *Речь наволок*; 1718 г. — *Рець наволок*; 1647 г. — *Рог наволок*; 1628 г. — *Рюг наволок*; 1620 г. — *Рюг наволок*; 1583 г. — *Рюч наволок*; 1563 г. — *Рюч наволок*.

Различия в топонимии разных групп источников, как и следовало ожидать, больше, чем в топонимии однородных источников. Наряду с очевидными описками (и «ослышками») вроде *Рюч/Рюг наволок*, *Курниково/Куриково/Чюриково*, *Кайдушева/Кайбушево* и др., можно заметить и некоторые фонетические процессы, которыми, по всей видимости, сопровождалось освоение субстратных топонимов русскими. Такова, например, замена *з* сонорными — сначала *л*, а потом *н* в *Куздосово* > *Кулдосово* > *Кундусово*; колебания в восприятии и передаче первого слога типа *С + Г* — то как йотированного, то как открытого, ср. *Кайдушева* ~ *Кадушево*, *Кайбышево* ~ *Кабышево*; слияние двух слов, сопровождающееся уподоблением состава как гласных, так и согласных: *починок Савы пелды* > *Сялыпелды*, причем дальнейшее развитие слитного слова приводит к эллипсису и к формантному уподоблению последнего открытого слога (при йотации первого открытого слога): *Сапелда* > *Сайпелда*; разгубление переднего узкого губного гласного в *Рюч наволок* > *Реч наволок*. Пример «этимологизации» субстратного названия на русской почве: *на Палуе* > *на Павлове наволоке*.

Понятно, что уже фонетическая или графическая вариативность названий поселений на протяжении XV—XVIII вв. значительно осложняет использование современной топонимии в исторических целях¹⁵. Между тем, сталкиваемся еще и с явлением «топонимического разрыва» — смены одного названия того же поселения другим.

Приведу несколько примеров.

1. 1788 г. — *Деригузово*; 1720 г. — *Деригузова*; 1718 г. — *Деригузов наволок*; 1647 г. — *Гин наволок*, а *Деригузово* тож; 1628 г. — *Гин наволок*, а *Деригузово* тож; 1620 г. — *Гирдь наволок*; 1583 г. — *Гиндь наволок*; 1563 г. — За рекою *Гин наволок*; 1496 г. — За рекою *Гит наволок*. Установление тождества этих поселений вряд ли может вызвать сомнение. Между тем, исследователь севернорусской топонимии, использующий лишь современный материал, имел бы дело с названием *Деригузово*, а оно, как видно из приведенного сопоставления, попало в писцовые книги лишь в 1628 г., да и то по писцовой 1628 г. и переписной 1647 г. оно указано как второе, надо думать, — местное название, которое существовало одновременно с иным — официальным. Из текста же писцовой книги 1563 г. видно, что в деревне *Гин наволок* в то же время жил Микифорко Иванов *Деригузов*, чье прозвище лишь спустя 60 лет — при письме 1628 г. зафиксировано в местном названии деревни и только через полтора года — в названии официальном.

2. 1788 г. — *Коробейникова*; 1720 г. — *Коробейникова*; 1718 г. — *Коробейникова*; 1647 г. — *Матфеевская Коробейникова* у речки у *Ежевичи*; 1628 г. — *Матфеевская Коробейникова* у речки у *Ежевичи*; 1620 г. — *Матфеевская Коробейникова* у речки у *Яжевичи*; 1583 г. — *Матфеевская Коробейникова* у речки у *Яжевичи*; 1563 г. — на *Ежежовой* речки; 1496 г. — на *Ежежовой* реке. Установление тождества поселения в разных описаниях в данном случае не сложно; любопытно отметить, что и здесь крестьяне, передавшие свои имена населенному месту, жили в XV в. XVI в.: в 1496 г. в деревне отмечен *Матфейко* Филипов да сын его Кондрат, а в 1563 г. — Куземка да Малга *Коробейниковы*.

Примеры такого рода многочисленны. Пахомовы, Ергачевы, Селезневые, Нефедовы, Медведевы и мн. др., по именам которых пахоты названы деревни XVII—XVIII вв.

¹⁵ Речь идет везде о названиях поселений, а не о значительно более устойчивой гидронимии.

(часто — и современные селения) жили в XV—XVI вв., а в то время деревни носят иные названия — чаще всего субстратного происхождения и обычно по местности, где эти деревни находятся.

Иногда историю названия деревни можно проследить за еще более длительный срок — в тех случаях, когда имеется подходящий актовый материал. Например, деревня, носящая в XVIII в. название *Горлова*, прослеживается в течение XVII—XVI вв. как *Оринская Горлова* или *Оринская* (сам Сенка *Горлов* отмечен в 1563 г.). С помощью исключительно интересного документа середины XV в. — давшей грамоты шунжан Вяжицкому монастирю¹⁶ находим и реального Якова *Орина*. Вместе с ним в этом документе встречаем Тоивода Идуева, Оншуту Иванова, Волоса Петрова, Ивана Кондратьева, Ивана Таина, Василия Тимошкина и Кирку с детьми. Соответствующие этим именам и прозвищам топонимы находим в позднейших писцовых книгах¹⁷.

Таким образом, названия сельских поселений XV—XVIII вв. претерпевают значительные изменения; дело не сводится только к фонетической и графической вариативности топонимов в различных источниках — в значительном числе случаев имеет место «топонимический разрыв», когда название одного и того же населенного места изменяется коренным образом. Сам по себе факт такой смены названий ставит под сомнение возможность механического ретроспективного переноса данных современной топонимической съемки в глубь веков.

Оба типа изменений могут рассматриваться лишь на фоне всего хода писцового дела. Иными словами, изучение изменчивости географических названий требует хотя бы самого общего источниковедческого анализа. Вариативность названий (например: *Куч-губа* ~ *Кум-губа* ~ *Куз-губа* ~ *Куб-губа*) в известной мере находится в соответствии с теми многочисленными и грубыми ошибками, которыми грешили древнерусские писцы (а они делали ошибки и при подсчете обожного обложения, хотя такой подсчет входил в их непосредственные фискальные функции). Неточная передача названий, которые в рассматриваемой нами области были, как видно из примеров, часто субстратного или областного происхождения и были непривычны для уха чиновников из Москвы, могла быть следствием как неправильного восприятия на слух, так и ошибок при письме. Степень вероятности искажений названий, естественно, возрастает, когда исследователь сталкивается не с подлинником, а с позднейшей копией; при использовании древнерусских памятников письменности необходимо иметь в виду, что многие из них — и в том числе некоторые писцовые книги XV—XVI вв. — дошли до нас в копиях и выписях XVII в.

Описанные выше топонимические разрывы также находят объяснение в специфике источника. Писцы, отправляясь в командировку, имели под рукой приправочное письмо, с которым и сверяли положение дел на месте. Характер деятельности вынуждал их стремиться к упорядочению обложения и поэтому — к консервации сложившихся названий. Сталкиваясь с новым названием старых деревень, писцы вряд ли были особенно склонны вносить их в книги, так как это могло нарушить сложившийся порядок. Внося в перечень новое название, его особо оговаривали: а такая-то деревня «тож», или «словет» так-то. Так чаще всего возникали названия вроде: «деревня у Онежского озера на Кузнецове поляне словет Рюч наволока», «у Чемесова наволока вверх Шунги, а Мечев наволока тож» и т. п. Такое переходное состояние, когда существовали двойные и даже тройные

¹⁶ «Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.», Петрозаводск, 1941, стр. 120, № 44 (далее — МИК).

¹⁷ Подробнее см. в моей работе «Историкогеографические очерки Заонежья в XVI—XVII вв.», стр. 167—170, 181.

названия, иногда продолжалось довольно долгое время, как это видно из приведенных выше примеров.

В историческую литературу проникло мнение о случаях произвольного изменения писцами названий поселений¹⁸. Принципиально такая возможность не должна исключаться при анализе конкретного источника, но она крайне маловероятна, если принять во внимание задачи, стоявшие перед писцами; к тому же, конкретный пример имевшего якобы место сплошного переименования деревень, на который иногда ссылаются¹⁹, — несомненно, продукт фантазии. Это удастся установить, сопоставляя перечень названий, данных якобы одним из писцов XVII в. заонежским деревням, — с более ранними описаниями. Насколько неохотно писец отходил от традиционного названия поселения, зафиксированного в предыдущем письме, показывают топонимы вроде: «деревня Ня, а в Нане тож» (1628) или «деревня в Ня ж, Деревня ж, а в Нане тож» (1647), когда составитель, не будучи уверен, является ли «Ня» названием деревни или ошибкой при предыдущем описании (т. е. недописанным словом «деревня»), продолжал повторять название предшествующей писцовой книги.

Примечательно, что сопоставление перечня поселений из писцовых и переписных книг с данными источника совершенно иного происхождения, каким в нашем случае является описание генерал-майора Матюшкина (1718) или материалы генерального межевания (1788), — дает большое число случаев нарушения топонимической «преемственности», или «непрерывности». Отчет Матюшкина преследовал цели, совершенно отличные от предшествующих ему описаний той же территории, и не был связан с ними служебной преемственностью. Что касается картографических материалов генерального межевания, то содержащиеся в них данные топонимии имеют еще более существенные отличия от источников, рассмотренных ранее; так по самому существу своему карта обычно не допускает двойных, а тем более тройных наименований, что было столь характерно для писцовых материалов.

Необходимо указать и еще на одну особенность, осложняющую использование вообще всяких картографических источников, особенно по территории европейского Севера. Имею в виду сложность в разграничении названий отдельных поселений и названий целых местностей, гнезд поселений. На современных картах фигурирует, например, деревня *Нименга* километрах в тридцати к западу от устья Онеги. Между тем, такой деревни нет, это название целого гнезда деревень, а отдельные деревни составляющие его, называются жителями: *Низ, Судаково, Верещагино, Бокино, Новый посад, Выползово, Верховье*. И разбросаны эти деревни на расстоянии 6—7 км друг от друга. Примеров такого рода очень много: путешественники, краеведы, этнографы описывали гнездовой тип расселения в различных областях русского Севера²⁰; оно описано также у других северных народов, в частности — у вепсов и карелов. Гнездовой характер расселения на Севере несколько затрудняет для нас использо-

¹⁸ См., например: А. Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения в Московском государстве, СПб., 1890, стр. 211.

¹⁹ Е. Барсов, Рассказ о том, как писец Панин давал имена заонежским деревням, «Олонецкие губернские ведомости», 1863, № 48.

²⁰ Происхождение и особенности этого типа расселения уже рассматривались мною (см.: М. В. Витов, Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение, «Советская этнография», 1955, 2; там же приводится литература). Из новой литературы см.: В. В. Пименов, К истории сложения типов поселений в Карелии, «Советская этнография», 1964, 2; его же, Вепсы, М.—Л., 1965, стр. 220; Р. Ф. Тарова, Материальная культура карел, М.—Л., 1965, стр. 80.

вание писцовых книг и ревизий, но особенной помехой оказывается он при работе с исключительно картографическим материалом. Опасность получения неоднородных данных, что зависит, например, от различий в плотности, в масштабах самих карт, здесь особенно велика.

II. Вывод об относительной неустойчивости названий поселений в течение XV—XVIII вв. определенно ставит под сомнение возможность ретроспективного использования современной топонимии без анализа соответствующих контрольных выборок по массовым материалам писцовых и переписных книг. С другой стороны, важно установить, имеют ли изменения в заонежской топонимии XV—XVIII вв. сколько-нибудь закономерный характер, а в случае положительного ответа — хотя бы предварительно наметить основную тенденцию.

Из многочисленных путей систематизации и обработки топонимического материала выбираю в рамках этой статьи один, по существу — довольно элементарный, но существенный для истории сельского расселения XV—XVIII вв. Если не считать возможности использования топонимии писцовых книг для локализации различных этнических групп, расселенных на новгородском Севере в XV—XVIII вв., наиболее целесообразным будет именно использование динамики географических названий для изучения процессов освоения земли крестьянством.

Рассматривая названия севернорусских деревень с точки зрения их происхождения, убеждаемся, что все они могут быть сведены к трем типам. В первом случае поселение получило свое название по местности, где оно возникло; например: *деревня Логовская, деревня на Путко озере, деревня у лисьих норок* и т. п. (локативный тип). Во втором — названия даны по имени обитателей деревни; на отдельных примерах выше было указано, что часто это были крестьяне, жившие в XV или XVI в., — таковы названия типа *Якимова, Соловарова, Одинцово* (крестьян, по именам и отчествам которых названы деревни: *Якимовых, Соловаря, Одинца* — находим в писцовых книгах XVI—XV вв.); этот тип названий условно будем именовать посессивным. Третий случай — деревни названы по той или иной их особенности, качеству: *деревня Северная, починок Новый, деревня Глухая* (квалитативный тип). Такая классификация представляется исчерпывающей в том смысле, что все топонимы, вошедшие в обработку, могут быть отнесены к одному из этих типов.

Приходится сделать несколько оговорок, так как при отнесении отдельных названий к определенному типу были некоторые трудности. Одна из трудностей — в определении типа двойных и тройных названий, какого бы происхождения они ни были (несоответствие бытующего названия с названием приправочного письма, ошибки в письме или устной передаче, путаница с одновременным распространением названий отдельных населенных пунктов и собирательных названий местностей). При определении составных названий, когда один элемент названия был, скажем, квалитативного типа, а другой — посессивного, строже всего было бы ввести дополнительный, переходный «квалитативно-посессивный» тип или вариант. Для настоящей работы это нежелательно, так как введение трех дополнительных типов затруднило бы пользование таблицами и усложнило бы расчеты. Определение типа названия по одному из элементов его составляющих, а именно по бытующему в определенный период (по «словесу») также не представляется удачным выходом, поскольку нет уверенности в том, что во всех случаях писцы фиксировали наряду с официальным и вновь возникшее название. Поэтому, сталкиваясь с переходным состоянием топонима, я относил его одновременно к двум соответствующим типам, увеличив при этом, конечно, число случаев, из которых вычислялось процентное распределение.

Сложнее — с определением названий, где писец сталкивался с непривычным для него сосуществованием особого названия для местности из нескольких деревень (а в XV в. они чаще всего были однодворными) и для отдельной деревни. По-видимому, писец не всегда понимал, имеет ли он дело с несколькими однодворными деревнями или с одной, разбросанной деревней. Поскольку здесь идет речь только о названиях отдельных поселений и их динамике, названия деревень вроде *деревня в Паницах*, *деревня в Верговичах* и т. п. отнесены не к посессивному типу (хотя названия *Паницы* и *Верговичи* скорее всего патронимического происхождения) и даже не к переходному типу. Отношу их к локативному типу, так как патронимический элемент в названии относится к местности в целом, к гнезду поселений, а сама деревня определена по месту ее расположения в Паницах, в Верговичах.

Названия: *деревня у Кулдасова*, *починок у Рогачева* отнесены одновременно и к локативному, и к посессивному типам, так как эти названия определены также по месту, где они возникли, в данном случае — по какой-то другой деревне; с другой стороны, беспорен и посессивный элемент, который относится уже не ко всей местности в целом, а к конкретной деревне, от которой отпочковалась новая.

Наконец, названия типа *Большой двор Федоровский Остафьева* определены как посессивные. Качественный элемент *большой* — характеристика лишь боярского двора, а не поселения как такового.

Перехожу к результатам проделанного опыта. По некоторым соображениям, которые будут ясны из дальнейшего, анализирую соответственные таблицы, разбив материал на две группы: к первой относится Заонежский полуостров с прилегающими к нему с запада местностями (погосты Кижский, Толвуйский и Шунгский — на их долю падает подавляющее большинство поселений), ко второй — два малонаселенных северных погоста (Выгозерский и Челможский). Начнем наш обзор с Шунгского погоста (табл. 1), так как только по этому погосту сохранилось описание конца XV в. и, таким образом, удастся зафиксировать смену названий за наибольший отрезок времени — с XV по XVIII в.

Таблица 1

Шунгский погост

Год описания	1496	1563	1583	1620	1628	1647	1718	1720	1788
Число случаев *	151	196	223	235	220	171	105	118	118
Локативный тип в %	81	63	52	50	50	51	31	40	40
Посессивный тип в %	18	31	44	47	45	47	63	53	54
Качественный тип в %	1	6	4	3	5	2	6	4	6

* Необходимо принять во внимание, что число случаев, из которого вычислялось процентное распределение, не должно соответствовать числу деревень по соответствующим писцовым книгам, так как двойные наименования поселений увеличивают число случаев.

Легко заметить основную и бесспорную закономерность: топонимы локативного типа резко преобладают в конце XV в., их удельный вес постепенно падает в XVI в., в XVII в. на долю их приходится уже около половины названий, а в XVIII в. — меньше половины. Удельный вес названий деревень посессивного типа, наоборот, возрастает от 18% в

Таблица 2

Кижский погост

Год описания	1563	1583	1616	1623	1647	1678	1720	1788
Число случаев	253	284	270	271	217	253	268	151
Локативный тип в %	64	57	60	59	62	62	62	50
Посессивный тип в %	35	42	39	40	38	36	34	44
Квалитативный тип в %	1	1	1	1	—	2	4	6

конце XV в. до 50—60% в XVIII в. Изменение числа названий квалитативного типа обнаруживает ничтожные колебания, скорее в сторону незначительного увеличения их процента.

Рассмотрение изменений в названиях деревень других погостов имеющих источники позволяют начать почти на 70 лет позже — с середины XVI в. (табл. 2, 3).

Таблица 3

Толвуйский погост

Год описания	1563	1583	1620	1623	1647	1678	1720	1783
Число случаев	301	321	251	374	331	76	136	133
Локативный тип в %	59	51	68	45	47	55	16	24
Посессивный тип в %	39	47	30	50	50	45	82	73
Квалитативный тип в %	2	2	2	5	3	—	2	3

Таким образом, по Кижскому и по Толвуйскому погостам, как и по Шунгскому погосту, отмечается лишь незначительное и неравномерное увеличение процента квалитативного типа; поэтому, по существу, процесс сводится к постепенному уменьшению доли локативного типа за счет возрастания посессивного.

Видимо, вытеснение одного типа другим проходило в описанных трех погостах с разной интенсивностью: быстрее в Толвуйском, медленнее — в Кижском; Шунгский занимает промежуточное положение. Отметим в связи с этим, что и различия в плотности населения по этим погостам идут в том же направлении: от самого заселенного Толвуйского к наименее заселенному Кижскому. Несомненно, что процесс смены намеченных трех типов топонимов не заканчивается в конце XVIII в., хотя процент посессивного типа в Толвуйском погосте уже превышает 70. В связи с этим большой интерес представит продолжение изучения смены типов по материалам XIX в.

Рассмотрение табл. 4 и 5 убеждает, что в Челможском и Выгозерском погостах происходил иной процесс в смене топонимических типов. Действительно, к концу рассматриваемого периода в Челможском погосте наблюдается лишь крайне незначительное сокращение удельного веса локативного типа, а в Выгозерском погосте он даже несколько возрастает. Однако здесь не удается выявить единой тенденции в изменении наз-

Таблица 4

Челможский погост

Год описания	1563	1583	1620	1628	1647	1720	1788
Число случаев	72	74	62	64	34	15	15
Локативный тип в %	53	45	37	39	41	60	47
Посессивный тип в %	47	54	60	61	59	33	47
Квалитативный тип в %	—	1	3	—	—	7	6

Таблица 5

Выгозерский погост

Год описания	1563	1583	1620	1628	1647	1678	1720	1788
Число случаев	191	210	97	79	44	107	39	34
Локативный тип в %	70	47	56	52	73	59	79	76
Посессивный тип в %	27	43	43	47	27	40	21	24
Квалитативный тип в %	3	10	1	1	—	1	—	—

ваний. По первым (более ранним) описаниям закономерность, уже выявленная на примере других погостов, несомненно подтверждается. И по Челможскому и по Выгозерскому погостам процентное соотношение локативного и посессивного типов с 1563 по 1628 гг. изменяется в пользу последнего (см. левые половины табл. 4 и 5). Изменение в противоположном направлении или, скорее, отсутствие определенной тенденции может быть замечено по этим погостам лишь за период с 1647 по 1788 г.

Чтобы разобраться в сущности топонимических изменений на крайнем севере нашей области за 1647—1788 гг., в данном случае приходится выйти за пределы топонимики. Обратим внимание прежде всего на резкое сокращение общего числа поселений по этим погостам с середины XVII в. Материалы по Челможскому погосту за период с 1720 по 1788 г. приходится оставить вовсе ввиду совершенно ничтожного количества поселений в это время (от 34 до 15). Причины сокращения числа деревень в различных местностях Заонежья были самые разнообразные: экономическое разорение, разрушительные нападения иноземцев, поветрия, изменения в социальной структуре поселения и т. д. Что касается Выгозерского погоста, то в конце XVI в., в начале и середине XVII в. нападения иноземцев неоднократно подвергают разорению побережье Белого моря. Тем не менее именно в Выгозерском погосте происходит бурное увеличение количества дворов в деревнях, и вдоль беломорского побережья возникают многодворные поселения. Постоянная внешняя опасность могла побудить крестьян селиться вместе. Однако основная причина заключалась в хозяйственной специфике северных районов. Если на Заонежском полуострове господствующим направлением хозяйства в XVI—XVIII вв. было земледелие, то в Беломорье преобладали промыслы (рыболовство, солеварение, охота на морского зверя), которые вызывали большую кон-

центрацию населения. В соответствии с этим экономическим различием на заонежском юге власти в качестве основной хозяйственной единицы рассматривали деревню, а патронимические гнезда продолжали существовать лишь пережиточно. На беломорском же севере к концу XVII в. возобладала центростремительная сила: гнезда деревень, особенно в устьях промысловых рек, стали срастаться. Именно поэтому названия местностей по течениям рек (как правило, локативные) часто становились названиями сросшихся поселений.

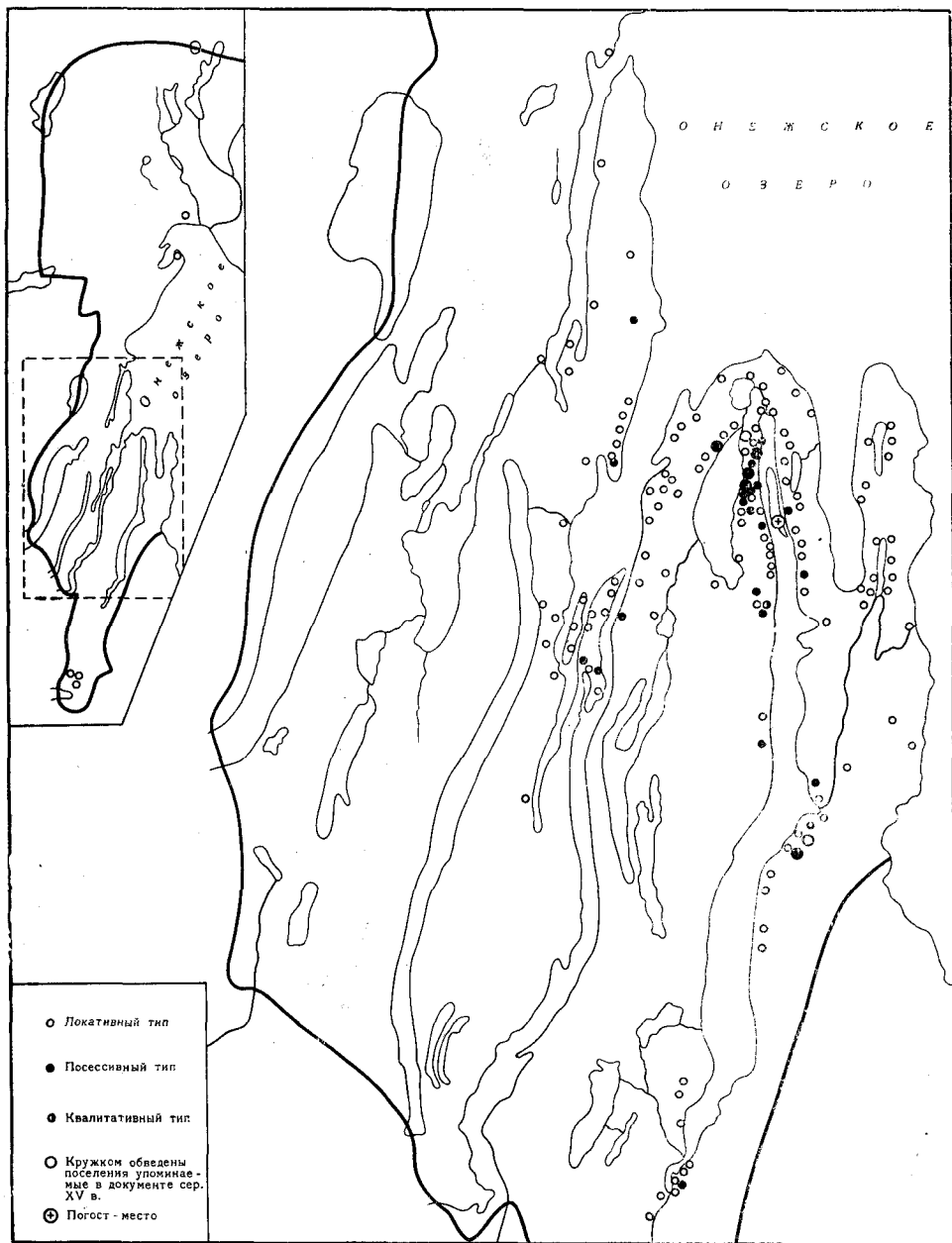
К этому объяснению различий в распространении топонимических типов можно добавить лишь небольшую оговорку. Не исключено все же, что на описанные различия в топонимии Заонежья и Поморья оказало влияние своеобразие источника: беломорские поселения известны нам иногда только по монастырским книгам, учет населения в которых имел некоторую специфику. Но это не может оказать влияния на основной вывод: для XVIII в. ревизия и материалы генерального межевания дают нам однородные данные по всей области. Таким образом, основное наблюдение над сменой топонимических типов остается в силе, хотя и с необходимой поправкой для неземледельческих районов. Это последнее обстоятельство в свою очередь показывает, насколько необходимо для объяснения чисто топонимических явлений прибегать и к историческому анализу.

III. Для уточнения основного вывода используем еще два способа контроля, правда, на примере только одного погоста. Один способ — сплошное картографирование. На картах 1—3 в пределах Шунгского погоста картографированы все поселения по описанным топонимическим типам. На карте 1 дано распространение названий на 1496 г. — самую раннюю дату, по которой возможно сплошное картографирование. Легко убедиться в полном господстве названий локативного типа. Топонимы посессивного типа распространены очень компактно — в центральной части погоста вблизи от погоста-места ²¹, в самой заселенной части на перешейке между Валгомозером и Путкоозером. На периферии погоста число посессивных топонимов ничтожно (преимущественно — в центрах небольших гнезд поселений); там полностью преобладают топонимы локативного типа. В центральной, наиболее плотно и рано заселенной части погоста локализуется, в частности, и большая часть топонимов, находящихся соответствие в тексте данной грамоты шунжан XV в. Эти топонимы обозначены на карте 1 точечной обводкой; 5 из них — посессивного и 2 — локативного типа.

На картах 2 и 3 изображено распространение топонимических типов соответственно в 1563 и в 1788 гг. Карты иллюстрируют процесс постепенного вытеснения локативного типа посессивным; в конце исследованного периода топонимы локативного типа сохраняются главным образом в окраинных частях погоста.

Второй способ проверки основных наблюдений дополняет проведенный историкогеографический анализ топонимии по смысловому значению географических названий формально-грамматическим сопоставлением. Исследованные топонимы целесообразно классифицировать и по их грамматической структуре; в частности, можно противопоставить названия с предложной конструкцией (деревня на Ежевой речке, деревня у Онежского озера) названиям с посессивными суффиксами — *-ов*, *-ин* (деревня Горлова, деревня Якшина). В табл. 6 показано распространение пред-

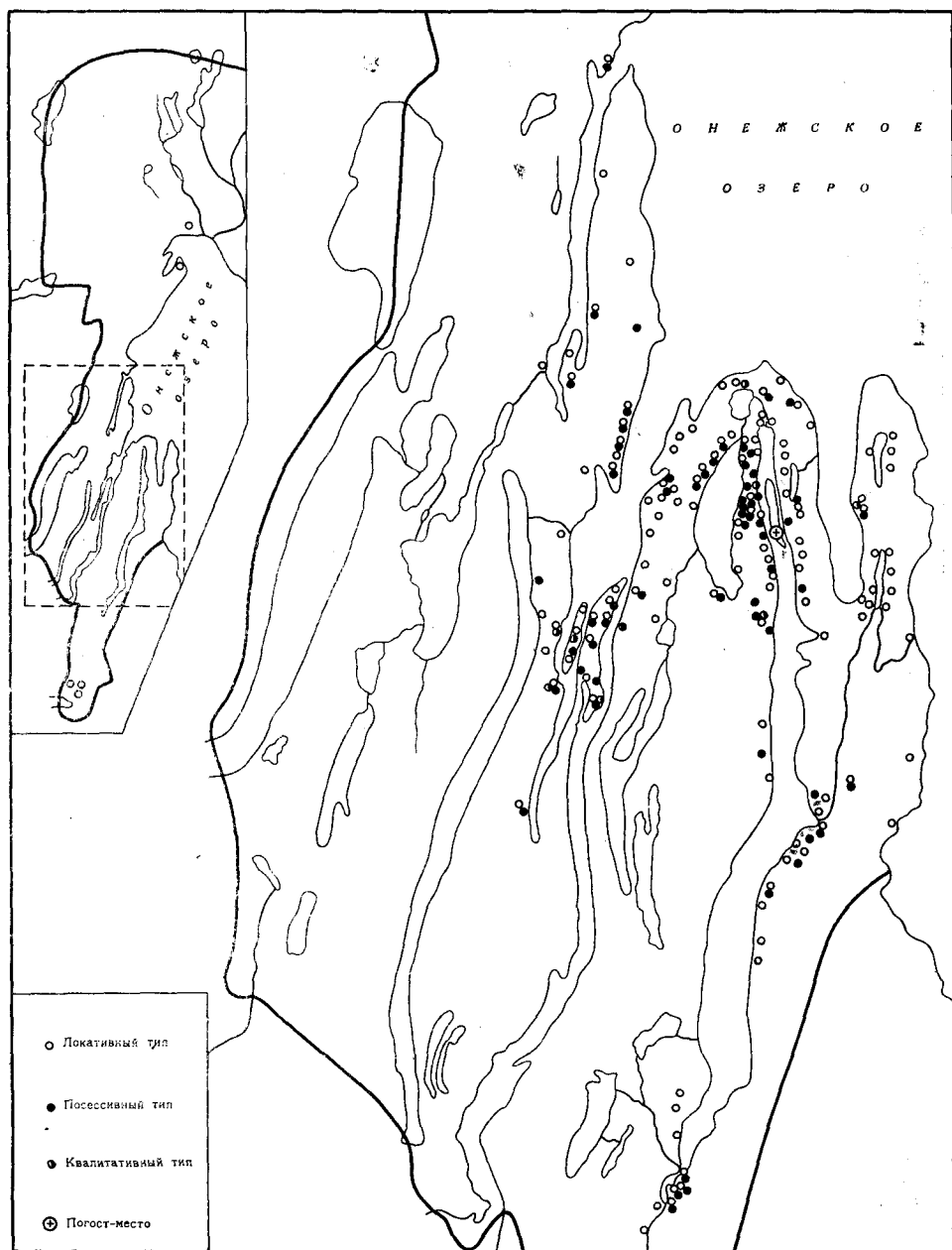
²¹ Источники XV—XVII вв. употребляют слово *погост* в двух значениях: для обозначения округа и центрального поселения в нем. В исторической литературе, поэтому, принято различать «погост-округ» и «погост-место».

Карта 1 (1496 г.)

ложной конструкции и суффиксов на *-ов*, *-ев*, *-ин* на примере географических названий Шунгского погоста в XV—XVIII вв. Распространение других форм в таблице опущено; поэтому, а также в связи с тем, что двойные и тройные названия очень часты, сумма процентов не составляет ста.

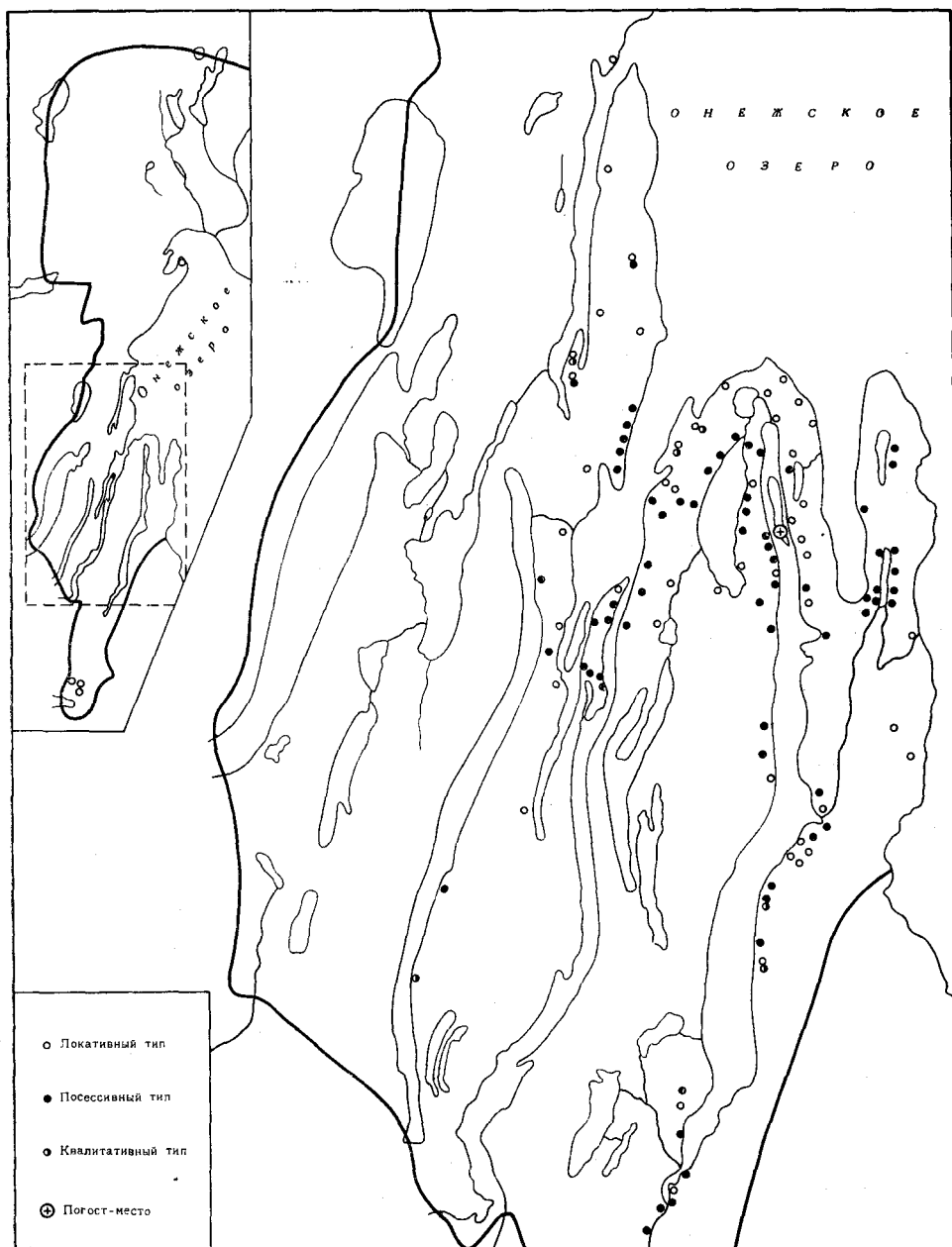
Сопоставляя показания табл. 6 (стр. 88) и 1, можно установить довольно высокую степень корреляции между локативным типом топонимов и

Карта 2 (1563 г.)

топонимическими конструкциями с предлогами, между посессивным типом и топонимами с суффиксами *ов-*, *-ев*, *-ин*, особенно для периода XV—XVII вв. Можно думать, что хронологические изменения топонимии²² по семантическим и формальным признакам связаны в первую очередь с

²² Конечно, это не единственные изменения в топонимии. Для лингвиста и этнолога еще более существенно постепенное сокращение субстратной топонимии и возрастание русской — явление, исследование которого составляет особую тему.

Карта 3 (1788 г.)

историей заселения края, с различными этапами освоения земли русским крестьянством. Продуктивным в этом отношении оказывается сопоставление процентного соотношения семантических типов по отдельным погостам. Хорошо сопоставимы данные на 1563 г. — самую раннюю дату, по которой возможно сравнение топонимии всех погостов. Очевидно, что большой удельный вес поссесивного типа топонимов в южных погостах находится в соответствии с более ранним освоением их русским населением.

Таблица 6

Шунгский погост

Год описания	1496	1563	1583	1620	1628	1647	1718	1720	1788
Число поселений	149	151	151	141	150	112	110	114	130
Конструкция с предлогом (в %)	80	84	72	75	69	73	4	29	2
Притяж. суфф. <i>-ог, -ев, -ин</i> (в %)	9	21	36	44	41	46	46	44	42

Как это видно из приведенных таблиц, доля локативного типа сокращалась довольно равномерно: в XV в. она составляла 80%, в XVI—60%, в XVII—50%. Допуская, что и в предшествующее время процесс шел примерно теми же темпами, можно предположить, что полное господство локативного типа в топонимии относится к концу XIV— началу XV вв., т. е. ко времени интенсивной колонизации Заонежья и Поморья со стороны Новгородa²³.

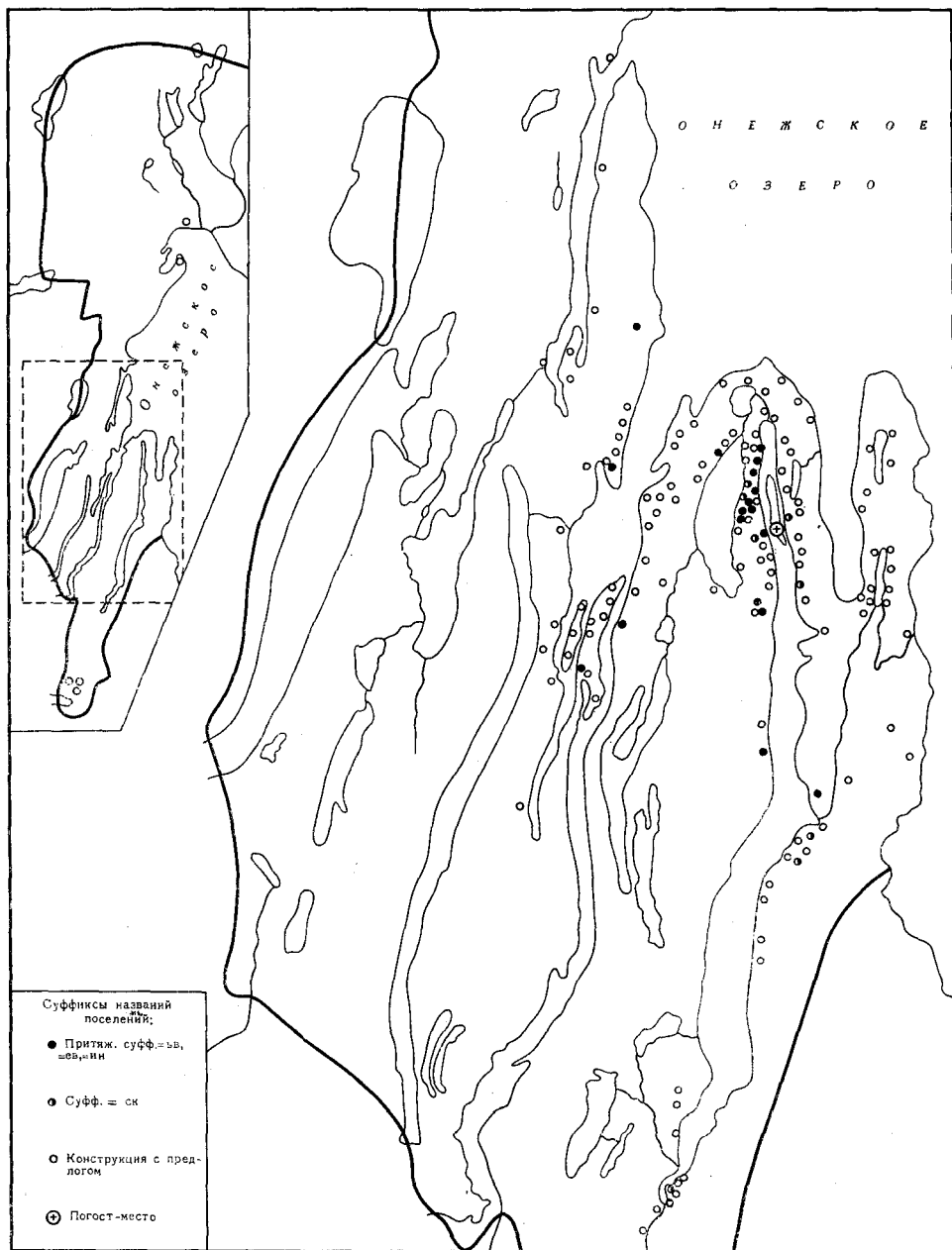
Природа образования посессивных названий также может быть выяснена лишь при учете разнородных факторов. Хронологические рамки их распространения детально устанавливаются таблицами, территориальные — картами, которые ясно указывают на их концентрацию в наиболее густо и издавна населенных областях. Но есть еще один фактор, который должен быть принят во внимание. Это процесс укрупнения деревень, который происходил в течение всего рассматриваемого периода²⁴. Сравнение средней населенности деревень с динамикой их названий по соответствующим погостам приводит к заключению, что укрупнение северной деревни проходит одновременно с появлением посессивных названий, хотя это верно только в целом, конкретные соответствия обнаруживают не всегда²⁵. Заключение, возможно, несколько неожиданное: появление посессивных названий как бы запаздывает по сравнению с развитием семейных отношений в северной деревне. Однодворная и несомненно односемейная деревня XV— начала XVI в. носила название по месту ее расположения, а более крупная — 4—7-дворная деревня XVII в., для которой специфичен долевой строй и нарушение родственных связей, — получает имя своих основателей. Наконец, качественные названия приходится признать нехарактерными для рассматриваемого периода, а, следовательно, здесь отпадает вопрос об их генезисе.

Территориальная ограниченность проведенного исследования не дает возможности механически распространять полученные результаты на другие области России. Тем более целесообразной представляется аналогичная работа по другим районам и хронологическим периодам, которая послужит дальнейшему развитию методики топонимического источниковедения.

²³ Отодвигать хронологические рамки колонизации к более раннему времени не позволяют имеющиеся источники. Характерно, что среди погостов, перечисленных в Уставной грамоте 1137 г., есть погосты на восточном берегу Онежского озера, на Онеге, на Двине, даже на Пинеге, но нет на Заонежском полуострове.

²⁴ Мы основываемся на таблицах, учитывающих среднее количество дворов на одну деревню в пяти исследуемых погостах на протяжении XV—XVIII вв.

²⁵ Исключение опять-таки составляет Выгозерский погост, где резкое увеличение числа дворов в деревнях, начиная с середины XVII в., сопровождается увеличением доли локативных топонимов.

Карта 4 (1496 г.)

*

1. Наблюдения над территориально сопоставимой севернорусской топонимией по писцовым, переписным книгам, ревизиям и материалам генерального межевания обнаруживают ее определенную изменчивость в течение XV—XVIII вв. Поэтому при использовании современной топонимии как исторического источника необходима хотя бы выборочная проверка материала методом сплошного сопоставления географических названий по возможно более ранним данным.

2. Изменения в топонимии Заонежья XV—XVIII вв. носят направленный, а не случайный характер. В частности, рассмотренный материал дает возможность установить стадиальную преемственность выделенных типов топонимии Заонежья, именно — локативного и посессивного; качественный тип в рассмотренный период существенных изменений не обнаруживает.

3. Смена типов топонимии Заонежья в сочетании с прямыми показаниями других источников позволяет косвенным образом устанавливать хронологические рамки происходившего там колонизационного процесса.

4. Проведение подобного опыта на большей территории и за максимальный отрезок времени, который допускают источники, содержащие сплошной топонимический материал, даст в руки историку некоторый новый инструмент для определения времени освоения земли крестьянством.

5. В топонимике необходимо учитывать не только географическую, но и социальную среду жизни географического названия; поэтому собственно лингвистическому анализу должна предшествовать источниковедческая подготовка материала. В этом, а не только в последующем использовании данных топонимики, заключается существенная роль историка в развитии этой комплексной дисциплины.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В ТУРЦИИ

Научно-исследовательская и педагогическая работа по турецкому и другим тюркским языкам, ведущаяся в настоящее время в Турции на уровне современных требований науки, насчитывает едва ли более трех — трех с половиной десятилетий своего существования. Турецкая тюркология дореспубликанского периода, взятая в целом, оставалась все еще под сильным воздействием традиций классической арабской филологии.

Значительно старше современной турецкой тюркологии ее идейные установки и гражданские идеалы, своими корнями уходящие в эпоху Танзимата и во вполне развитом виде формулировавшиеся в первом десятилетии нашего столетия. В середине 20-х годов после установления республиканского режима в Турции началась подготовка к отмене арабского алфавита и переходу на латинское письмо. Организатор и вдохновитель этого движения — первый президент Турецкой республики Кемаль Ататюрк за задачей коренного переустройства турецкой письменности видел следующую, более крупную задачу — перестройку турецкого литературного языка, которая мыслилась как возвращение турецкому языку «его собственной индивидуальности» («Türk dilinin kendi benliği»), «его исконной красоты и богатства» («Türk dilinin aslında ki güzellik ve zenginliği») ¹, для достижения чего был избран путь удаления из турецкого языка иноязычных элементов. Весь этот процесс перестройки вскоре получил специальное обозначение — «özleşme», а ожидаемый в итоге результат — «öz türkçe» («чисто турецкий язык») ²; оба термина с тех пор без изменений употребляются в практике научной и прикладной работы в области турецкого языка.

Для осуществления задуманной перестройки литературного языка было намечено: 1) изучение научными методами

турецкого языка в его современном и историческом состоянии, его места в ряду других языков и 2) активное и систематическое привлечение внимания турецкой общественности к перестройке турецкого языка и связанным с ней вопросам и первоочередным, нестложным мероприятиям.

В июле 1932 г. по инициативе президента было создано «Общество по изучению турецкого языка» (Türk dili tetkik cemiyeti), объединившее в своих рядах основные кадры турецких языковедов, литераторов, деятелей культуры и т. д.; через несколько лет оно получило свое современное название Türk Dili Kurumu «Турецкое лингвистическое общество».

Осуществление программы языковой реформы на основе достижений современного языкознания, как об этом неоднократно заявляли зачинатели реформы, поставило в порядок дня вопрос о кадрах специалистов-языковедов.

Подготовка новых языковедов-тюркологов, как и других специалистов, началась с реорганизации Стамбульского университета — единственной на всю страну кузницы кадров высшей квалификации в конце 20-х — начале 30-х годов, в области лингвистического образования отставшей от века — как по учебным программам, так в значительной мере и по составу своих преподавателей. Прежде всего были пересмотрены учебные планы и программы занятий, произведены перемены в профессорско-преподавательском составе. После издания «Закона об университетах» (13 VI 1964) Стамбульский университет получил современную структуру с выборностью всего своего состава; вместе с упразднением старых университетских порядков были сданы в архив и старые обозначения университетских ваний, должностей ³ и административных органов.

³ Вместо них были введены интернациональные обозначения: rektör вместо darülfünun emini, profesör вместо müderris, doçent вместо müderris muavini и т. д.

¹ «Türk dili» (далее сокращенно — TD), XVI, 182, Ankara, 1966, стр. 78.

² Там же.

Согласно тому же «Закону об университетах» был создан Анкарский университет в составе четырех факультетов (языка, истории и географии; физики и химии; права; политических наук), организованных еще до создания университета; одним из первых был создан по инициативе Кемали Атаюрка факультет языка, истории и географии (14 VI 1936)⁴.

За три десятка лет своего существования факультет сильно вырос и в настоящее время охватывает двадцать три отделения, или разряда, и тридцать восемь кафедр. Филологическими являются отделения: турецкого языка и литературы с одной общей кафедрой, классических восточных языков с общей кафедрой, древних языков Передней Азии с двумя кафедрами (шумерологии и хеттологии), синтологическое отделение с одной кафедрой, угорское отделение с одной кафедрой, отделение классической филологии с двумя кафедрами (латинского языка и литературы, греческого языка и литературы), отделение германистики с одной кафедрой, отделение французского языка и литературы с одной кафедрой, английского языка и литературы с двумя кафедрами (английского языка и литературы, американской литературы), отделение итальянского языка и литературы с одной кафедрой. На отделении русского языка и литературы, которое ведет свою работу под руководством проф. Кенана Акъюза, специалиста по новой турецкой литературе, читаются история славянских народов, русский язык, грамматика русского языка, синтаксис русского языка, русская литература, ведутся практические занятия по чтению русских текстов.

Во главе факультета языка, истории и географии согласно существующей традиции очередности по отделениям в настоящее время стоит германист проф. Яшар Онег.

На отделении турецкого языка и литературы читаются следующие курсы: 1) структура тюркских языков, их место среди языков мира (3—4 семестры — проф. д-р Веджиэ Хатибоглу); 2) современный турецкий язык — а) фонетика (1 семестр — доцент С. Олджай; 3 и 4 семестры — В. Хатибоглу); б) морфология турецкого языка (2 семестр — С. Олджай; 5—8 семестры — В. Хатибоглу); в) синтаксис турецкого языка и грамматический разбор (5—8 семестры — В. Хатибоглу);

⁴ Сведения об Анкарском университете см.: «Ankara üniversitesi rehberi», Ankara, 1965 (Ankara üniversitesi rektörlüğü. Yayımları N 100). Кроме Анкарского и Стамбульского университетов, турецкий язык и литература преподаются еще в Эрзерумском университете. Два других университета — Эгейский (г. Измир) и Трапезундский — филологических факультетов не имеют.

г) диалекты Анатолии и Румелии (4 семестр — С. Олджай; 5—8 семестры — проф. д-р Зейнеп Коркмаз); 3) а) история турецкого языка (1—8 семестры — проф. д-р Хасан Эрвен); б) староанатолийский турецкий язык (1 семестр — С. Олджай; 5—8 семестры — З. Коркмаз); в) сравнение современного турецкого и староосманского языков (В. Хатибоглу); г) тексты на староосманском языке (5—8 семестры — В. Хатибоглу); 4) туркменский язык (2 семестр — С. Олджай); 5) азербайджанский язык (3 семестр — С. Олджай); 6) древнетюркские языки: а) введение, енисейско-орхонские надписи (3—4 семестры — З. Коркмаз); б) введение в древнетюркский язык (3—4 семестры — она же); в) «Кутадгу-Билит» (5—8 семестры — проф. д-р Саадет Чагатай); г) «Кодекс Куманикус», кыпчакские языки (5—8 семестры — она же); 7) введение в монгольский язык; монгольское письмо и грамматика монгольского языка; тексты на классическом монгольском языке (5—8 семестры — проф. д-р Ахмет Темир).

Помимо отделения турецкого языка и литературы, турецкий язык преподается — в чисто практическом плане — на «курсах турецкого языка», организованных при университете для подготовки иностранцев, обучающихся в Анкарском университете; на них могут обучаться вообще иностранцы, проживающие в Анкаре.

Все курсы на факультете языка, истории и географии в подавляющем большинстве случаев ведут питомцы самого факультета. Многие из них, так же как и их коллеги по Стамбульскому университету, совершенствовались, а иногда получали свою профессиональную подготовку за рубежом у видных западноевропейских тюркологов, (некоторые из них работали в качестве преподавателей в Стамбульском или Анкарском университетах в первые годы после установления республиканского режима — Ф. Гизе, А. фон Габен и др. В настоящее время единичные иностранные специалисты имеются на отделениях угроведения, философии, истории искусств и турецкого искусства; несколько больше их на отделениях западных языков — немецкого, французского, английского и итальянского).

Научная работа филологов Стамбульского и Анкарского университетов объединяется научно-исследовательскими институтами при отделениях. Фактически — это научные ассоциации, не имеющие самостоятельного организационного существования вне отделений и факультета и практически охватывающие научную работу всех членов отделения и кафедр.

Например, на факультете языка, истории и географии Анкарского университета в настоящее время имеется девять научно-исследовательских институтов.

Семь отделений из девяти имеют свои научные ежемесячники. Так, Научно-исследовательский институт при отделении турецкого языка и литературы с 1964 г. издает «Türkoloji dergisi» («Тюркологический журнал»), вышло два выпуска. Исследовательский институт, объединяющий научную работу по всем (кроме турецкого) восточным языкам, выпускает организованный в 1964 г. журнал «Doğu dilleri» («Восточные языки»). Научно-исследовательский институт, охватывающий научную работу западных кафедр, издает «Batı dil ve edebiyatları araştırmaları dergisi» («Журнал исследований по западным языкам и литературе»).

В Стамбульском университете на факультете литературы и языка издается старейший среди современных филологических журналов в Турции «Türkiyat mecmuası» («Тюркологический журнал», далее сокращенно — ТМ) — научный орган Тюркологического института, организованный одним из старейших тюркологов, ныне покойным проф. Кёпрюлюзаде Мехмедом Фуатом (первый том журнала вышел в августе 1925 г.).

Кроме названных изданий, филологическими факультетами обоих университетов выпускаются факультетские ежегодники. В Анкарском университете с сентября 1942 г. выходит «Ankara üniversitesi dil ve tarih-coğrafya fakültesi dergisi» («Журнал факультета языка, истории и географии Анкарского университета», далее сокращенно — AÜDTCF dergisi) с периодичностью четыре выпуска (на первых порах — пять выпусков) в год.

В Стамбульском университете с 1946 г. издается «İstanbul üniversitesi edebiyat fakültesi Türk dili ve edebiyatı dergisi» («Журнал турецкого языка и литературы факультета литературы и языка Стамбульского университета», далее сокращенно — TDED).

Объем печатной продукции — монографий, иногда многотомных изданий, учебников и статей — за прошедшие годы весьма внушительен (по Анкарскому университету до 171 названия согласно данным на 1965—1966 учебный год).

Научные издания по турецкому и тюркским языкам, выпущенные Анкарским и Стамбульским университетами, охватывают все тюркологические дисциплины, включая фонетику и грамматику, лексику и семасиологию. Основная часть всех публикаций приходится на работы, связанные с изданием и филологическим анализом памятников турецкого языка, с описанием турецких диалектов. В 50—60-е годы стало возрастать число крупных монографий и других публикаций по турецкой грамматике и работ по описательной и исторической лексикологии⁵.

⁵ Сведения о ряде наиболее важных последних изданий турецких тюркологов приводятся А. Н. Кононовым (см.

В области грамматики университетские тюркологи за последние годы издали ряд ценных исследований, среди которых особенно много работ по словообразованию. Можно назвать работы профессора Стамбульского университета Медждуда Мансуроглу о склонении личных и указательных местоимений, об аналитическом и синтаксическом слово- и формообразовании⁶, исследования профессора Анкарского университета Зейнеп Коркмаз о морфологическом составе показателя будущего времени (-y) *acak*, об аффиксе -*ca* и производных образованиях с его помощью, о сращении аффиксов⁷ и др. В грамматических работах доцента Стамбульского университета Мухаррема Эргина дается детальное описание фонетики и морфологии современного турецкого языка с систематическим обращением к истории описываемых им явлений⁸, однако отдел синтаксиса пока еще недостаточно развнут. Те же традиционные разделы — «учение о звуках», «учение о формах» и «учение о предложении» находим в книге Хайдара Эдискуну⁹.

Среди немногочисленных работ по лексикологии отметим статью Хаида Зюбейра Кошая о тематической группе слов, объединенных вокруг основы *yapı* «строение»¹⁰.

Из значительных работ последнего времени, появившихся в популярной среди тюркологов области — диалектологии¹¹, необходимо назвать квалифици-

его «О тюркском языкознании в Турции», «Народы Азии и Африки», 1965, 6).

⁶ M e c d u t M a n s u r o ğ l u, Türkçede zamir çekimi, TDED III, 3—4, 1949; e ğ o ğ e, Türkiye Türkçesinde birleşim ve yazışları üzerine, там же, VIII, 1, 1958; e ğ o ğ e, Türkiye Türkçesinde söz yapımı üzerine notlar, там же, X, eylül, 1960.

⁷ Z e y n e p K o r k m a z, Türkçede -*acak/-ecek* gelecek zaman (Futurum) ekinin yapısı üzerine, AÜDTCF dergisi, XVII, 1—2, 1959; e ğ e ğ e, Türk dilinde -*ca* eki ve bu ek ile yapılan isim teşkilleri üzerine bir deneme, там же, XVIII, 3—4, 1960; e ğ e ğ e, Türkçede eklerin kullanılış şekilleri ve ek kalıplaşması olayları, Ankara, 1962.

⁸ M u h a r r e m E r ğ i n, Osmanlıca dersleri. I. Türk dil bilgisi. İstanbul, 1958; e ğ o ğ e, Türk dil bilgisi, İstanbul, 1962.

⁹ H a y d a r E d i s k u n, Yeni Türk dilbilgisi, İstanbul, 1963.

¹⁰ H. Z. K o ş a y, *Yapı* ile ilgili sözler, «Ankara üniversitesi ilâhiyet fakültesi yıllık araştırmaları dergisi», II, Ankara, 1958.

¹¹ Характерно, что из ста тринадцати диссертаций и дипломных работ, выполненных в Анкарском университете, сто работ относится к диалектологии (O l - s a y Ö n e r t o y, D. T. C. F. Türk dili ve edebiyatı bölümü çalışmaları, «Türkoloji dergisi», I, 1, Ankara, 1964).

рованное и обстоятельное описание фонетического строя ряда турецких диалектов, данное З. Коркмаз¹². Предварительное описание кипрского диалекта, сведения о котором до самого последнего времени были скудны и отрывочны, представлено Хасаном Эреном¹³.

Большое место в исследованиях тюркологов Анкарского и Стамбульского университетов занимает историческая тематика. Из этого круга исследований должен быть отмечен ряд работ проф. М. Мансуроглу — такие, как монография о тюркских стихах Султана Веледа, полезный очерк об анатолийско-турецком языке XIII в.¹⁴ и др. Сюда же примыкают публикации профессора Стамбульского университета Садеatina Булуца, посвященные старотюркскому памятнику «Behcetü'l-hadâ'ik» и содержащие текстологический и фонетико-грамматический анализ двух списков памятника¹⁵. Вызывает интерес статья Халиде Джемил Долу о турецком переводе «Сказания об Иосифе», сделанном с оригинала, составленного на крымско-татарском языке неким Махмудом из Крыма¹⁶.

Упомянем также новое издание «Образцов тюркских наречий VIII—XIII вв.» проф. Анкарского университета Саадет Чагатай¹⁷, турецкий перевод «Нуан-шим

пусар», выполненный Шинаси Текином из Эрзерумского университета¹⁸.

Из специальных исследований по исторической грамматике турецкого языка, помимо известной работы С. Чагатай о глагольных именах и депричастиях в староосманском языке¹⁹, а также хорошего описания фонетико-морфологических особенностей языка произведений Кады Бурханеддина, выполненного М. Эргином²⁰, можно назвать еще грамматический очерк М. Неджмеддина Хаджиэминоглу о турецком переводе Салеби «Сказания о пророках» Рабгузи²¹ и «Лекции по османскому языку» М. Эргина²². Расширенное издание последней книги содержит сведения об арабской графике и правописании, об арабских и персидских грамматических элементах османского языка, о стихосложении; большую часть книги (332 стр. из 458 стр.) занимают образцы текстов XIII—XX вв.²³. Помимо тех же сведений и образцов текстов в книгах Фарука К. Тимурташа «Османский язык» и «Грамматика османского языка»²⁴ значительное внимание уделено грамматике староосманского языка.

В области исторической лексикологии необходимо назвать работы автора подготавливаемого этимологического словаря турецкого языка профессора Анкарского университета Хасана Эрена, опубликованного в последние годы ряд тюркских этимологий²⁵.

Объем печатной продукции в области тюркологии в Анкарском и Стамбульском университетах за прошедшие годы в общем достаточно внушительен, тем более, если принять во внимание большое число студенческих дипломных работ и диссертаций, выполненных на тюркологических

¹² Zeuner Korkmaz, Güney-Batı Anadolu ağızları. Ses bilgisi (Fonetik), Ankara, 1956; e e же, Nevşehir ve Yöresi ağızları. I. Ses bilgisi, Ankara, 1963; e e же, Bartın ve Yöresi ağızları üzerine, «Türkoloji dergisi», I, 1; e e же, Bartın ve Yöresi ağızlarındaki lehçe tabakalaşması, там же, II, 1965.

¹³ Hasan Eren, Kıbrıs'ta Türkler ve Türk dili, «Türkoloji dergisi», I, 1.

¹⁴ Mecdut Mansuroğlu, Sultan Veled'in Türkçe manzumeleri, İstanbul, 1958; e o же, Anadolu türkçesi (XIII. asır). Dehşani ve manzumeleri, İstanbul, 1947 («İstanbul üniversitesi edebiyat fakültesi Türk dili ve edebiyat mezunları cemiyeti yayını», 2).

¹⁵ Sadettin Buluç, Eski bir Türk dili yadigâri Behcetü'l-hadâ'ik fi mev'izeti'l-halâ'ik, TDDE, IV, İstanbul, 1955; e o же, Behcetü'l-hadâ'ik fi mev'izeti'l-halâ'ik'den örnekler, там же, VII, 1—2, 1956; e o же, Bir eserin iki yazma nüshası, TM, XIV, 1964; e o же, Behcet'ü'l-Hadâ'ik fi Mev'izet-i'l-Halâ'ik'ten derlenmiş koşuklar, TDAY, Ankara, 1964.

¹⁶ Halide Cemil Dolu, «Yusuף hikâyesi» hakkında birkaç söz vebazı türkçe nüshalar, TDDE, IV, 4, 1952.

¹⁷ Saadet Çağatay, Türk lehçeleri örnekleri. VIII. yüzyıldan XVIII. yüzyıla kadar yazı dili, 2. baskı, Ankara, 1963.

¹⁸ Şinasi Tekin, Kuanşi im Pular, Erzurum, 1960.

¹⁹ Saadet Çağatay, Eski Osmanlıca'da fiil müstakları, AÜDTCF dergisi, V, 4, 5, 1947.

²⁰ Muharrem Ergin, Kadı Burhaneddin Divanı üzerine bir gramer denemesi, TDDE, IV, 1951.

²¹ M. Necmettin Hacıeminoglu, Sa'lebi'nin Kısasu'l-Enbiya'sının tercümesi üzerinde bir gramer denemesi, TDDE, III (1964), 1965.

²² M. Ergin, Osmanlıca dersleri, İstanbul, 1958.

²³ M. Ergin, Osmanlıca dersleri, İstanbul, 1962.

²⁴ Faruk K. Timurtaş, Osmanlıca. I. Eski yazı—Gramer—Metinler, İstanbul, 1962; e o же, Osmanlıca grameri, İstanbul, 1964.

²⁵ Hasan Eren, Etimoloji araştırmaları, TM, IX, 1951; e o же, Türk yer adları hakkında araştırmalar, «Türk dili ve tarihi hakkında araştırmalar», I, İstanbul, 1953; e o же, Türkçe istabur kelimesi üzerine, TDAY, 1956.

кафедрах и хранящихся в научных фондах обоих университетов²⁶.

*

Другим центром тюркологической работы в Турции является «Турецкое лингвистическое общество». В 30-х годах на первом этапе бурной деятельности главные усилия объединяемых «Обществом» тогда еще немногочисленных тюркологических кадров Турции сосредоточились на двух крупных участках лингвистической работы: 1) выяснение места турецкого языка среди других языковых семей и 2) выяснение источников его словарного обогащения.

Первое направление научной деятельности «Общества» не дало фундаментальных трудов — за исключением отдельных монографий²⁷; разыскания в данной области ограничались, в основном, статьями, посвященными вопросам историко-генетических связей турецкого языка с индоевропейскими, семитскими, урало-алтайскими и некоторыми другими языками²⁸. Сложившаяся в связи с этими поисками «солнечная теория языка» («güneş dil teorisi») в дальнейшем не нашла широкого применения в тюркологической работе научно-исследовательского или прикладного характера.

²⁶ Сведения об этих работах см.: O l c a y Ö n e r t o y, D. T. C. F. Türk dili ve edebiyat bölümü çalışmaları, «Türkoloji dergisi», I, 1, Ankara 1964; M u h a r r e m E r g i n, Türkoloji bölümü çalışmaları, TD, IX, Kasım 1959, X, 1960. Сведения о турецкой лингвистической литературе к 1957 г. см. в нашей статье «Турецкое языковедение к VIII съезду турецких лингвистов» («Сов. востоковедение», 1958, 3).

²⁷ A. C. E m r e, Türkçede isim temelleri, İstanbul, 1943.

²⁸ S a i m A l i D i l e m r e, Les affixes indo-européens, étudiés dans leurs rapports avec le turc, İstanbul, 1936; A. C. E m r e, Türkçenin Hint-Avrupa dilyle mukayesesi, TD, 11, 1935; H â m i t K o ş a y, Türkçenin dünya dillerindeki mevki, «Türk tarih kurumu. Belleten», III, Ankara, 1939; е г о ж е, Munda dillerindeki Türkçe unsurları, там же. Р. Кошай продолжал и позже заниматься вопросом отношений турецкого языка к другим генеалогическим семьям. См., например: H. K o ş a y, Bask dili ile Türkçe arasındaki münasebetlere dâir yeni deliller, «Türk tarih kurumu. Belleten», XXIII, 92, Ankara, 1959.

Другие работы по этой тематике: N a i m H â z i m Ö n a t, Türk dilinin samî dillerle münasebeti, TD, 14, 1935; T a h s i n Ö m e r, Meksikada müstamel Maya dilindeki Türkçe kelimeler hakkında izahat, TD, 12, 1935; Y u s u f Z i y a Ö z e r, Uralo-Altay dilleriyle Türkçenin

После известного периода теоретических исканий научная работа «Турецкого лингвистического общества» вошла в русло традиционных методов тюркологии на современном ее этапе. О теоретических взглядах «Общества» в их современном состоянии известно представление читатель может в суммарном виде получить из книги старейшего деятеля «Общества» А. Дилячара²⁹, представляющей собой обширное введение в тюркологию.

Весьма плодотворным оказалось второе направление работы «Общества» — изучение путей обогащения турецкого словаря. Особая актуальность и злободневность этого направления целиком вытекала из задачи перестройки турецкого языка, поставленной во главу угла деятельности «Общества». Поскольку в перестройке языка «Общество» основной упор делало на современный словарь³⁰, то его главная деятельность сосредоточилась на изыскании источников замены в нем нетюркских слов турецкими и вообще тюркскими по происхождению словами. Поэтому лингвистическая и филологическая работа «Турецкого лингвистического общества» начала 30-х годов и почти до наших дней развивалась главным образом в области лексикологии — диалектной и исторической — и филологии (чтения и издания памятников).

В области диалектной лексикологии научная работа началась в двух аспектах: 1) исследование отдельных диалектов и их монографическое описание и 2) фронтальный сбор диалектной лексики.

Первый аспект в дальнейшем не получил внутри «Общества» устойчивого развития, хотя можно назвать ряд капитальных работ, имевших существенное значение в деле выявления диалектных богатств турецкого языка, и в числе их, например, описание диалекта Газиянтеба³¹.

Несравненно результативней оказалась сбор диалектной лексики на местах. Ясно различаются два этапа данной работы. На первом этапе «Общество» занялось своим первым опытом смешанного диалектного и исторического словаря — подготовкой «Osmanlıcadan Türkçeye söz karşılık-

münasebeti, там же; S a i m, Türk-Kelt dil karşılaştırmaları, TD, 15, 1936.

²⁹ A. D i l â ç a r, Türk diline genel bir bakış, Ankara, 1964.

³⁰ Арабо-персидские грамматические конструкции (например, «персидский изафет» вместе со сложными оборотами, построенными на его основе, композиты с *gayri-* и другими элементами), занимавшие заметное место в турецком синтаксисе еще в 30-х годах, довольно быстро исчезли почти из всех жанров турецкого письменно-литературного и разговорного языка.

³¹ Ö m e r A s i m A k s o y, Gaziantep ağzi, İstanbul, I, II—1945, III — 1946.

ları tarama dergisi», первый том которого выпущен в 1934 г. Словарь составлен на основе 90000 карточек исторической и 35000 карточек диалектной лексики, извлеченных из 150 печатных и рукописных источников. Словарь состоит из 8000 заглавных слов (так называемых османизмов), расположенных по алфавиту. В качестве соответствий к ним приведено 25 000 слов с указанием источников. Второй том словаря³² — обратный, он состоит из 25 000 слов турецкого корня, против каждого из которых приведены соответствующие им османизмы.

Одновременно с работой над этим словарем, составление которого заняло полтора года, «Общество» приступило к началу 1933 г. к систематическому сбору диалектной лексики на всей территории Турции. При содействии специальных «комиссий по сбору (слов)» (Derleme heyeti), созданных особым правительственным решением (21 XI 1932) при губернаторах, и аналогичных органов, созданных при каймаках (Derleme subesi) и школах (Derleme ocağı), «Общество» создало большую сеть корреспондентских пунктов, в которых сборщики из местного населения — служащие административных учреждений, учителя, учащиеся старших классов, активисты общественных организаций и т. д. — приступили к сбору местной лексики на основе несложной анкеты, разосланной «Обществом» на места и ставящей перед сборщиками одну задачу: выяснить, какие слова употребляются местным населением взамен названных в анкете слов литературного языка, заимствованных из арабского или персидского языков.

Вся работа по сбору слов была проведена в 1933—34 гг., в ней приняло участие несколько тысяч человек, благодаря чему в распоряжение «Общества» поступило 153500 карточек. Специально созданный отдел «Общества» (до 1950 г. Derleme kolu, затем Derleme-tarama kolu, а с 1963 г. Derleme ve tarama kolu) под руководством Наима Оната и с участием Саима Назыма Улькюташыра подготовил на основе собранных материалов вместе с материалами первого диалектного словаря, составленного Хамидом Зюбейром (Кошаем) и Исаком Рефетом (Ышытманом) при участии Орхана Айдына³³, новый большой диалектологический словарь в 25—30 тысяч слов и издал его в течение 1939—1957 гг. (четыре основных тома в 1939—1951 гг., индекс — 1952, том фольклорной лексики — 1957 г.).

³² «Osmanlıcadan Türkçeye söz karşı-lıkları tarama dergisi», 2, İstanbul.

³³ H. Z ü b e y r, İ. R e f e t, Anadilden derlemeler, [б. м.], 1932; H â m i t K o ş a y, O r h a n A y d ı n, Anadilden derlemeler, II, Ankara, 1952.

Второй этап работы над диалектологическим словарем начался в 1952 г. Сбор диалектной лексики был организован на строго добровольных началах, без систематического участия административных органов. За период с 1952 по 1959 гг. силами 917 сборщиков-добровольцев на основе новой инструкции был собран обширный материал в 450 000 карточек, охватывающих до 20 000 диалектизмов (не считая вариантных форм слов). На основе двух картотек — новой и старой — под руководством Омера Асыма Аксюа началась подготовка нового турецкого диалектологического словаря, рассчитанного на тринадцать томов.

Издание словаря потребует длительного времени. Первые два тома нового словаря уже вышли³⁴. По своему лексическому богатству и научному уровню новый словарь, насколько позволяют судить об этом вышедшие тома, значительно превосходит первое издание. По полноте и разнообразию своего материала вышедшие тома могут выдержать сравнение с якутско-русским словарем Э. К. Пекарского или чувашско-русским словарем Н. И. Ашмарина.

Историческое направление в лексико-логической работе «Общества» возникло немного позднее диалектологического³⁵. Исследования в этой области проводились под руководством того же отдела «Общества», что и работа по диалектологическому словарю. Для быстреего издания исторического словаря тома выпускали по мере накопления и обработки материала, не дожидаясь окончания выборки всей старой лексики из отобранных источников. Поэтому каждый из четырех томов первого исторического словаря начинается на букву А и кончается буквой Z³⁶. Словарь построен на материале 160 памятников, однако в каждом томе привлечен свой круг памятников: в первых двух томах использовано по 50 памятников, в двух последних томах — по 30 па-

³⁴ «Türkiyede halk ağzından derleme sözlüğü», I — A, Ankara, 1963; II — B, 1965.

³⁵ Если не считать при этом небольшого сравнительно-исторического словаря турецкого языка XIV в., изданного в 1940—1942 гг. Ахмедом Джевадом Эмре, бывшим в ту пору руководителем Отдела грамматики и синтаксиса «Общества»: A. C. E m r e, Ondördüncü asır türkçesinin karşılaştırmalı kısa sözlüğü, «TD. Türkçe-Fransızca belleten», Seri II, 1—2, 3—4, 5—6, 1940; 7—8, 1941; 13—14—15, 16—17, 1942.

³⁶ «XIII asırdan günümüze kadar kitaplardan toplanmış tanımlarıyla tarama sözlüğü», I, İstanbul, 1942; II, İstanbul—Ankara, 1943—1953; III, Ankara, 1954; IV, Ankara, 1957.

мятников. Таким образом, нужное слово приходится искать по всем четырем томам.

Почти сразу же после издания первого исторического словаря «Турецкое лингвистическое общество» приступило к подготовке нового многотомного исторического словаря.

Новый словарь составляется на основе показаний более чем 227 памятников, начиная с XIII в. (три памятника) и XIV в. (тридцать два памятника) и кончая некоторыми памятниками XIX в. Весь этот огромный материал, охватывающий примерно 19 000 слов (не считая многочисленных фонетических вариантов), расписан на карточки более чем пятьюдесятью специалистами, среди которых много видных турецких лингвистов и филологов — Ö. A. Аксой, Мухаррем Эргин, Дехри Дильчин и др. Львиная доля в этой работе принадлежит старейшему издателю ценнейших памятников тюркских языков Килисли Рифату Бильге. Первые два тома словаря, подготовленные под руководством Ö. A. Аксоя и Д. Дильчина, вышли в свет³⁷. Весь словарь рассчитан на восемь томов. Примечательно, что новые диалектологический и исторический словари позволяют выявить целый ряд совпадений в лексике старейших памятников турецкого языка и его диалектов. Значение этого обстоятельства для исторической лексикологии турецкого языка очевидно.

О продуктивной деятельности «Турецкого лингвистического общества» в деле издания ценнейших памятников тюркских языков нам уже приходилось писать³⁸. К большому списку изданий этой серии в последующие годы присоединился капитальный труд М. Эргина о «Книге моего деда Коркута», первая часть которого (сводный текст и факсимиле дрезденского и ватиканского списков) вышла еще в 1958 г.³⁹

Особый раздел лексикологической работы «Общества» составляет разработка толкового словаря. В нем, как в фокусе, концентрируются практические результаты установок, которая выражается термином «özleşme». Работа над толковым словарем продолжалась пять лет (с 1939 по 1944 г.) и велась в основном покойным Мехмедом Али Агакаем; в 1944 г.

вышло первое издание его толкового словаря, в 1966 г. — четвертое издание⁴⁰. За прошедшие два с лишним десятилетия между первым и последним изданиями словарь неоднократно дополнялся и по своему составу частично менялся.

В силу специфических задач толкового словаря его составители сначала отказались от подтвержденных цитат при значениях заглавных слов. Однако с 1962 г. для нового толкового словаря начата выборка из произведений наиболее известных современных писателей новых слов, вводившихся в турецкий литературный язык за последние десятилетия, — всего из 298 художественных произведений, четырнадцати газет и журналов. В картотеке «Общества» уже 17 000 карточек.

По полноте семасиологической разработки словарных статей, фразеологическому богатству и лексикографической технике «Türkçe sözlük» выгодно отличается от других словарей турецкого языка. В дополнение к толковому словарю М. А. Агакай составил еще два словаря: краткий фразеологический словарь⁴¹ и краткий синонимический словарь турецкого языка⁴². Тем же автором был издан французско-турецкий словарь⁴³.

Наряду с большим толковым словарем «Общество» выпустило краткий словарь наиболее распространенных арабо-турецких и персидско-турецких соответствий в литературном языке⁴⁴.

Ценным дополнением к толковому словарю можно считать большой и хорошо скомпонованный сборник поговорок и пословиц, составленный Ö. A. Аксом⁴⁵; надо отметить, что с 1958 г. «Общество» приступило к систематическому сборанию произведений турецкого фольклора; в его фондах уже накоплены записи 6260 сказок, легенд, дастанов, песен, частушек, двустийши и др.

В настоящее время подготовлен к новому изданию англо-турецкий словарь

⁴⁰ M e h m e t A l i A ğ a k a y, Türkçe sözlük, Ankara, 1944; его же, Türkçe sözlük, 4. baskı, Ankara, 1966.

⁴¹ M. A. A ğ a k a y, Türkçede mecazlar sözlüğü, Ankara, 1949.

⁴² M. A. A ğ a k a y, Türkçede yakın anlamlı kelimeler sözlüğü, Ankara, 1956.

⁴³ M. A. A ğ a k a y, Fransızca-Türkçe sözlük, Ankara, 1962.

⁴⁴ «Sade Türkçe kılavuzu», Ankara, 1953. См. его второе, дополненное издание: «Sade Türkçe kılavuzu», Ankara, 1960. В Турции издаются словари и помимо «Турецкого лингвистического общества». Из последних словарей, выпущенных помимо «Общества», укажем на следующие: M. N. Ö z ö n, Okullar için Türkçe ser sözlüğü, İstanbul, 1963; A. S. u, Türkçe okul sözlüğü, İstanbul, 1963.

⁴⁵ Ö m e r A s ı m A k s o y, Atasözleri ve deyimler, 1965. Рецензии на этот сборник см.: TD, XV, 173 и 175, 1966.

³⁷ «XIII. yüzyıldan beri Türkiye Türkçesiyle yazılmış kitaplardan toplanan tamlıklariyle tarama sözlüğü», I. A — B, Ankara, 1963; II. C — D, Ankara, 1965.

³⁸ Э. В. Севортьян, Турецкое языковедение к VIII съезду турецких лингвистов, стр. 135—136.

³⁹ M u h a r r e m E r g i n, Dede Korukut kitabı. I — Giriş — Metin — Faksimile, Ankara, 1958; II — İndeks — Gramer, Ankara, 1963.

проф. Фахира Иза. Намечено составление немецко-турецкого, арабско- и персидско-турецкого словарей.

Уже с первых шагов своей деятельности «Турецкое лингвистическое общество» уделяло большое внимание терминологической работе, для чего был создан Отдел словарей и терминов (Lügat-İstilah kolu — 1932), а после второго съезда в 1934 г. — специальный Терминологический отдел (Terim kolu). За прошедшие тридцать с лишним лет «Общество» выпустило в свет восемь общих и более тридцать отраслевых терминологических словарей, большая часть которых была предназначена для школы.

С 1960 г. изменилась как ориентация, так и сама организация разработки терминологических словарей. Если до этого времени терминологические словари готовились в самом «Обществе» с привлечением специалистов по различным отраслям знания, то с 1960 г. подготовка словарей поручается специалистам на стороне, «Общество» же оставляет за собой контроль и последующую проверку составленных словарей.

Изменилась также тематика терминологических словарей. Теперь их готовят не только для школьного применения, но и для различных отраслей деятельности. Так, в самые последние годы появились: большой сводный терминологический справочник на 10 000 терминов по разным областям науки для средних школ⁴⁶, состоящий из раздела «турецких терминов» и «индекса», который содержит индексы османизмов, французских слов, латинских и греческих слов, немецких и английских слов.

Назовем также словари юридических терминов, кинематографических терминов на 1274 слова, словарь театральные терминов на 1415 слов; большой словарь зоологических терминов⁴⁷.

Составлен терминологический словарь по физике. Находятся в процессе подготовки еще десять словарей (по литературе, философии, обществоведению, астрономии, биологии, химии, математике и др.)⁴⁸.

⁴⁶ «Orta öğretim terimler kılavuzu», Ankara, 1963.

⁴⁷ İsmet Sungurbey, Medenî hukuk terimleri sözlüğü, Ankara, 1966; Nijat Özön, Sinema terimleri sözlüğü, Ankara, 1963; Haldun Tanner, Metin And, Özdemir Nutku, Tiyatro terimleri sözlüğü, Ankara, 1966; «Zooloji terimleri», Ankara, 1963. Из специализированных словарей назовем: Ali Rıza Önder, Yasa dili sözlüğü, Ankara, 1966; Cahit Öztelli, Resmî yazışmalar sözlüğü, Ankara, 1964.

⁴⁸ Сообщаемые здесь сведения о деятельности «Турецкого лингвистического общества» в ряде случаев почерпнуты из

В сравнении с лексикологией и лексикографией грамматические штудии заняли в деятельности «Турецкого лингвистического общества» более скромное место. Впрочем и грамматические занятия «Общества» в заметной степени принимали лексикологическую направленность, о чем свидетельствуют исследования в области словообразования, издававшиеся «Обществом», например ценные работы Бесима Аталая, М. А. Агакая, словарь аффиксов⁴⁹ и некоторые другие. Эта же тема продолжала занимать тюркологов, тесно связанных с деятельностью «Общества». Из новейших работ следует назвать исследование проф. В. Хагибоглу об аналитическом словообразовании имени и глагола, Хикмета Дыздароглу о путях словообразования в турецком языке⁵⁰ и некоторые другие.

Что касается грамматики, то после трудов Ибраима Неджми Дильмена и Ахмета Джевада Эмре⁵¹ крупных работ до начала 60-х годов не выходило.

В области фонетики турецкого языка до начала 60-х годов в активе «Общества» была одна работа — фонетика турецкого языка проф. Тахсина Бангуоглу⁵², автора грамматики турецкого языка⁵³. Обширная фонетика А. Дж. Эмре была посвящена сравнительному описанию ряда фонетических явлений в тюркских языках, начиная с древнейших⁵⁴; вследствие этого многочисленные вопросы фонетики современного турецкого языка в книге А. Дж. Эмре освещения не получили.

Тюркское языкознание, как оно представлено в «Турецком лингвистическом обществе» и турецких университетах, составляет одно целое, части которого в некоторых отношениях дополняют друг

«XI. dil kurultayına sunulan Türk dil kurumu çalışmaları (1932—1966)», [Ankara], 1966.

⁴⁹ Besim Atalay, Türkçemizde Men—Man, İstanbul, 1940; его же, Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme, İstanbul, 1941; его же, Türkçe'de kelime yapma yolları, İstanbul, 1946; M. A. Ağakaya, Bazı kelime yapma yolları, İstanbul, 1943; «Ekler lügatçesi», İstanbul, 1943.

⁵⁰ Vecihe Hatiboğlu, Kelime grupları ve kuralları, TDAY, (1963), Ankara, 1964; Hikmet Dizdaroğlu, Türkçede sözcük yapma yolları, Ankara, 1962.

⁵¹ См.: İbrahim Necmi Dilmelen, Türk dilbilgisi dersleri. I—II, İstanbul, 1936; Ahmet Cevat Emre, Türk dilbilgisi, İstanbul, 1945.

⁵² Tahsin Banguoğlu, Türk grameri. I — Sesbilgisi, Ankara, 1959.

⁵³ Tahsin Banguoğlu, Ana hatlarıyla Türk grameri, İstanbul, 1940.

⁵⁴ Ahmet Cevat Emre, Türk lehçelerinin mukayeseli grameri. 1 — Fonetik, İstanbul, 1949.

друга: университетская тюркология, например, проявляла больший интерес к описательной и исторической грамматике турецкого языка, тогда как «Общество» до последних лет было занято лексикологией — лексикографией и изданием памятников турецкого и других тюркских языков. Если же сравнить тюркологическую работу «Общества» и университетов с точки зрения фундаментальности, размаха, плановости, целеустремленности и систематичности научно-исследовательской работы, то неизбежен вывод о том, что все наиболее фундаментальные и обширные научные начинания зонального и общетюркологического значения, требующие длительной концентрации усилий, были предприняты и осуществлены в «Турецком лингвистическом обществе»⁵⁵.

В последние годы наметился к тому же перелом и в области грамматических занятий «Общества». В результате активизации деятельности «Комиссии по основам грамматики турецкого (точнее: тюркского) языка» (Türk dili ana grameri komisyonu) в 1963 г. появилась первая в Турции описательная синхроническая фонетика турецкого языка по кинематографическим данным, полученным Музаффером Тансу в лабораториях фонетического института при Парижском университете⁵⁶ («Общество» и тюркологические отделения Анкарского и Стамбульского университетов еще не имеют своих фонолабораторий). М. Тансу ограничивается рассмотрением качественных и отчасти количественных характеристик гласных и согласных и их классификацией; в приложении к книге описаны модификации анлаутного б. Другое приложение,

⁵⁵ Не лишним будет заметить, что обширная научная, организационная, общественная и издательская работа, ведущаяся «Турецким лингвистическим обществом», строится на прочной материальной базе, основу которой составляют средства, завещанные «Обществу» его создателем — первым президентом Турецкой республики Кемалем Ататюрком. «Общество» ведет большую издательскую деятельность. Все называвшиеся выше труды, создававшиеся в «Турецком лингвистическом обществе», а также большое число других изданы «Обществом» на свои средства. К настоящему времени «Общество» насчитывает свыше 250 собственных публикаций, большая часть которых — капитальные работы.

⁵⁶ M u z a f f e r T a n s u, Durgun genel ses bilgisi ve Türkçe, Ankara, 1963. Еще раньше автор выступил с экспериментальным этюдом об интонации в турецком языке: M u z a f f e r T a n s u, Türk dilinin entonasyonu — Tecrübi etüd, «Ankara üniversitesi dil ve tarih-coğrafya fakültesi Türk dili ve edebiyati enstitüsü neşriyatı», 1 (a), 1941.

трактующее вопросы слога, тона, интонации и ударения, написано А. Диялчаром.

С деятельностью Комиссии по основам турецкой грамматики связана также грамматика турецкого языка Тахира Нежата Генджана⁵⁷. Несмотря на некоторые недочеты (например, отсутствие четкой границы между морфологией и синтаксисом, недостаточную ясность дифференциальных признаков частей речи и некоторые другие моменты), «Грамматика» Т. Н. Генджана является реальным шагом на пути создания фундаментальной, академического типа грамматики турецкого языка, к чему стремится «Турецкое лингвистическое общество».

Параллельно с подготовкой новейших трудов по фонетике и грамматике турецкого языка «Общество» вновь обратилось к уже проверенной практике широкого ознакомления турецких тюркологов с наиболее апробированными современными работами по грамматике тюркских языков путем их перевода. Уже подготовлены переводы трех грамматик, в том числе «Грамматики современного турецкого литературного языка» А. Н. Кононова, сделанный Орханом Шамхалом и проверенный автором⁵⁸. В Турции не впервые переводят работы советских и русских тюркологов. Помимо словарей якутского языка К. Э. Пекарского и киргизского языка К. К. Юдахина⁵⁹, равно как и статей Е. Э. Бертельса, А. К. Боровкова и А. Н. Болдырева, можно упомянуть еще турецкие переводы статей А. Н. Самойловича о тюркских языках и о литературном языке Золотой Орды⁶⁰, А. А. Ромаскевича о чагатайско-персидском словаре⁶¹, В. М. Жирмунского по проблемам фольклористики⁶², автора данной статьи о VIII съезде турецких языковедов⁶³ и др.

Об интересе турецких тюркологов к тюркскому языкознанию в нашей стране свидетельствует и то внимание и серьезность, с которыми встречают советские тюркологические издания в Турции⁶⁴.

⁵⁷ T a h i r N e j a t G e n c a n, Dilbilgisi, İstanbul, 1966.

⁵⁸ См. об этом: «Türk dil kurumu çalışmaları (1932—1966)», стр. 28 [Ankara].

⁵⁹ К. Е. П е к а р с к и й, Yakut dili sözlüğü, I (A—M), İstanbul, 1945; К. К. Ю д а х и н, Kirgiz sözlüğü, Ankara — İstanbul, I — 1945, II — 1948.

⁶⁰ «TD. Belleten», Seri III, 6—7, 1946; TD, 12, 1935.

⁶¹ TM, IV, 1934.

⁶² «Türk tarih kurumu. Belleten», 1961, XXV, 99, 100.

⁶³ TDAY, 1958.

⁶⁴ И все же нельзя не отметить, что в массе своей турецкие тюркологи пока еще слабо осведомлены о громадной тюркологической научной литературе, вы-

Во время последнего пребывания в Турции мне пришлось просмотреть научную периодику последних лет, выпускаемую «Турецким лингвистическим обществом», Анкарским и Стамбульским университетами. Почти во всех выпусках названных изданий помещалась информация о наших тюркологических работах, дошедших до Турции, и в подавляющем большинстве случаев эти отзывы были положительными.

Можно в этой связи назвать также библиографические обзоры советской литературы по турецкому языку, выходявшие в самые последние годы⁶⁵. Об искреннем интересе турецких тюркологов к тюркологической работе в нашей стране свидетельствовали и личные контакты тюркологов этих двух стран во время XI съезда «Турецкого лингвистического общества».

В стенах «Общества» работает значительное число видных специалистов турецкого языка и литературы. Среди научных сотрудников — много молодежи, окончившей отделение турецкого языка и литературы Анкарского университета.

«Общество» располагает библиотекой, насчитывающей много тысяч томов. В библиотеке представлена вся важнейшая мировая периодика по языковедению, в том числе ряд периодических изданий прошлого, работы крупнейших языковедов прошлого и настоящего, книги по самым различным языкам мира.

Каждые три года в начале июля «Общество» проводит свои съезды, на которых заслушиваются отчеты правления и других выборных органов. Параллельно работает секция научных сообщений, где зачитываются и обсуждаются сообщения по многообразным темам турецкого и тюркского языковедения и литературоведения. На свои съезды «Общество» широко приглашает ученых из разных стран, которые выступают на заседаниях секции с научными сообщениями. Советские тюркологи принимали участие в двух съездах «Общества» — на VIII юбилейном съезде в 1957 г., когда отмечалось двадцатипятилетие «Общества» (1932—1957), и во второй раз на XI съезде в 1966 г., когда в работе съезда участвовал целый ряд советских тюркологов Москвы, Ленинграда, а также Алма-Аты, Ташкента и Баку.

«Общество» имеет свой ежемесячный печатный орган «Türk dili» («Турецкий язык»), выходящий с апреля 1933 г. До

ходящей у нас, так как мало знакомы с русским языком, а некоторые даже испытывают затруднения в пользовании современными алфавитами тюркских народов СССР.

⁶⁵ İsmail Eren, Türkiye Türkçesine dair Rusça neşriyat (1776—1963) üzerinde bibliyografya denemesi, TM, XIV, 1964.

1951 г. журнал публиковал как статьи научного, так и литературного и общественного характера. С 1953 г. начал регулярно выходить специальный научный ежегодник «Türk dili araştırmaları yillığı. Belleten», в связи с чем изменился характер журнала «Türk dili», ставшего популярным органом «Общества» по актуальным вопросам языкового строительства, литературы, искусства и критики.

В Турции ныне постепенно создается база будущей Академии наук. Об этом говорит как расширение масштабов и объема планомерной научно-исследовательской работы различных обществ (лингвистического, исторического, сравнительно недавно созданного «Турецкого общества научных и технических исследований» и некоторых других), так и все большее сосредоточение усилий этих обществ на научных вопросах. В «Турецком лингвистическом обществе» указанные процессы получили особенное развитие за последние годы.

Деятельность «Турецкого лингвистического общества» проходит в довольно сложных условиях. В различных турецких общественных кругах пока не было недостатка в критике как «слева», так и особенно «справа». Так, в прошлом году в Стамбуле, где диссиденты «Общества» встречаются, кажется, чаще, чем в других центрах страны, возникла организация под названием Türk dilini koruma ve geliştirme cemiyeti («Общество защиты и развития турецкого языка»), выступившее в печати со своей декларацией⁶⁶.

Деятельность «Турецкого лингвистического общества» по выявлению и внедрению собственно турецких (или тюркских) слов, а также неологизмов встречают возражения среди некоторых университетских работников, которые в своих публикациях стремятся обходиться без этих новых слов, предпочитая им прежние эквиваленты. Порой раздаются голоса, относительно «недостаточной научности», а то и просто «ненаучности» методов работы «Общества».

Известно, между тем, что в состав правления «Турецкого лингвистического общества» уже давно и регулярно входит все большее число профессоров Анкарского и Стамбульского университетов, деятелей научных учреждений. В новом правлении «Общества», избранном на XI съезде, — семнадцать профессоров университетов. Нынешний председатель «Общества» — видный турецкий литературовед профессор Анкарского университета Гюндюз Акындыкы. Руководитель отдела грамматики — профессор того же универ-

⁶⁶ H. E d i s k u n, «Türk dilini Koruma ve Geliştirme Cemiyeti», TD, XV, 180, 1966. См. также: S. H. E s a t o ğ l u, Yeni bir «Cemiyet», там же, стр. 1153; Ö. A. A., Türk dilini Koruma ve Geliştirme Cemiyeti, там же, XVI, 181, 1966.

ситета В. Хатибоглу; другие руководящие деятели «Общества» — опытные и компетентные специалисты в области турецкого языкознания, например, бессменный генсекр «Общества» Ö. A. Аксой.

Критика деятельности «Турецкого лингвистического общества», спор о его курсе и установках — внутреннее дело турецкой общественности. Не вдаваясь в обсуждение этих вопросов, можно отметить только как объективный факт то обстоятельство, что именно «Общество» оказалось в состоянии осуществлять целеустремленно и планомерно фундаментальные научные предприятия, рассчитанные на длительные сроки.

Современной турецкой тюркологии свойственна известная неоднородность представленных в ней школ. Для тюркологов, получивших западноевропейскую тюркологическую подготовку или тяготеющих к европейской тюркологии (проф. Х. Эрен, проф. С. Чагатай, проф. З. Коркмаз — Анкарский университет; покойные проф. М. Мансуроглу и проф. Р. Р. Арат — Стамбульский университет), характерно внимание к фонетической стороне изучаемых ими явлений, строгость и точность научных выкладок, принятие и применение без существенных оговорок теоретического опыта и установок западноевропейской тюркологии. Другая же часть турецких тюркологов, не отказываясь от опыта западноевропейской тюркологии, стремится идти собственными путями, продолжая, например, поиски построения грамматики (морфологии и синтаксиса) турецкого языка, начатые И. Н. Дильменом, продолженные в трудах А. Дж. Эмре и других, — построения, которое соответствовало бы, по выражению некоторых турецких авторов, природе «чистого (или: собственно) тюркского» языка (проф. В. Хатибоглу, доц. М. Эргин, Т. Н. Генджан и др.). Для этих тюркологов типичен сформулированный Т. Н. Генджаном в предисловии к его грамматике замысел: «Вывести турецкую грамматику из индивидуальности самого турецкого языка, не подпадая под какое бы то ни было влияние»⁶⁷.

Признавая вместе с тем необходимость изучения функционирования других языков, автор ориентируется на «Граматику Ларусса XX века» («Grammaire Larousse du XXe siècle») и приходит к характерному признанию необходимости сохранения традиционного подхода к грамматике при учете новых взглядов на отношения между грамматикой и общим языкознанием; выдвигая на передний план словосочетания.

⁶⁷ T. N. G e n c a n, указ. соч., стр. XIII. Те же идеи, сформулированные в других словах, находим, в частности, у М. Эргина, см.: M. E r g i n, Türk dil bilgisi, İstanbul, 1962.

Замысел такого построения грамматики, которое отразило бы все структурные особенности турецкого языка в рамках общей теории грамматики, отличается как от грамматических разработок 30—40-х годов с их недостаточным вниманием к общей теории грамматики, так и от грамматических штудий, ведущихся за рубежом с их недостаточным учетом индивидуальных особенностей тюркских языков на их современной ступени развития.

Неуклонное углубление в изучение турецкого языка вместе с ростом объема сведений о нем вызвали среди турецких тюркологов такой же процесс специализации, как и у нас. В настоящее время турецкое языкознание располагает кадрами высококвалифицированных грамматистов (проф. З. Коркмаз, проф. В. Хатибоглу, проф. Т. Бангуоглу, доц. М. Эргин, Х. Эдискун, Т. Н. Генджан, доц. С. Олджай, Х. Диздароглу и др.), фонетистов (проф. Т. Бангуоглу, М. Тансу, А. Диличар), лексикологов и лексикографов (Ö. A. Аксой, проф. Х. Эрен, Ф. Девеллиоглу, Дж. Öзтели, Н. Öзён), диалектологов (Ö. A. Аксой, проф. З. Коркмаз, Х. З. Кошай, Ф. Девеллиоглу). Общей чертой всех турецких тюркологов является их постоянный интерес к исторической тюркологии. Можно сказать, что почти все турецкие тюркологи являются немногими историками, помимо профессиональных тюркологов-историков (проф. Х. Эрен, проф. З. Коркмаз, проф. С. Булуч, проф. С. Чагатай, доц. М. Эргин, Ф. Тимурташ и др.).

В общем сфера научных интересов тюркологов Турции обширна и с разной степенью полноты и глубины охватывает все основные направления тюркологической работы. Но как и всегда бывает в научной работе, сделать предстоит больше, чем уже совершено на сегодняшний день. Вряд ли имеется необходимость в данном случае перечислять те направления и проблемы, по которым можно ожидать развертывания научных исследований в предстоящие годы, привлечения к ним внимания тюркологов, подготовки новых кадров и всемерного привлечения наличных сил тюркологов. Заметим попутно, что кое-кто из последних предпочитает заниматься наукой за океаном, включаясь в «экспорт мозгов», который не обошел и Турцию.

Внимание огромного же большинства турецких тюркологов поглощено большой научной и преподавательской работой у себя в стране — работой, поднявшей еще выше престиж турецкого языкознания и филологии. Едва ли можно сомневаться в том, что ближайшие годы принесут доказательства подъема турецкой тюркологии на новые рубежи науки.

РЕЦЕНЗИИ

A. Kővesi M. A permi nyelvek ősi képzői.— Budapest, Akadémiai Kiadó, 1965. 432 стр.

Пермские языки, как и многие другие агглютинативные языки, имеют очень богатую систему словообразования и словоизменения. Покойный коми филолог А. С. Сидоров, например, насчитал «3500 производных слов», образованных от коми глагола *vai-* «принести»¹. Правда, как правильно отметил Фокош-Давид, не все эти формы реальны², но возможны, и даже искусственно образованные формы понятны говорящим. Многие из этих форм не поддаются переводу на флективные языки, поэтому в двуязычных словарях вместо перевода ограничиваются разъяснениями (или же дают описательный перевод, вроде: *гижыштдм* — имя действия к глаголу *гижыштны* «писать», *гижддм* — имя действия к *гиждны* «дать писать кому-нибудь», *гижлм* — имя действия к *гижлыны* «писать во время (затем обратно ликвидировать написанное)» и т. д. Перечисленные и многие другие формы можно образовать почти от любого глагола.

В описательных грамматиках пермских языков все это разнообразие форм отражено лишь отчасти³. Далеко не все формы освещены в историческом плане. В монографиях, появившихся в последние годы, рассматриваются лишь некоторые проблемы морфологии пермских языков⁴, или же делается краткий обзор морфологических явлений без всесторон-

него анализа их⁵. В старых работах по сравнительной морфологии финно-угорских языков⁶, где данные по пермским языкам фигурируют лишь в качестве иллюстративного материала, делается упор в основном на историю формативов (их звукового оформления), не ставится задача выявления истории формирования морфологических функций их, выявления того вопроса, как и когда определенный суффикс получил ту или иную грамматическую нагрузку, что лежит в основе аффиксов современных языков, как протекало становление столь богатых грамматических категорий пермских языков. Этими весьма трудными вопросами мало кто занимался. Данный пробел в нашей науке восполняется рецензируемой работой А. Кёвеши М.

Труд М. Кёвеши посвящен, как гласит его название, исследованию древних словообразовательных суффиксов пермских языков; здесь не рассматриваются подробно аффиксы, развившиеся из самостоятельных слов в обособленной жизни пермян, а равно и аффиксы, заимствованные из других языков. Эти две категории аффиксов, до сих пор не подвергавшиеся монографической разработке, представляют большой научный интерес и должны быть предметом специального изучения.

Самыми многочисленными являются словообразовательные суффиксы, восходящие к финно-угорскому или уральскому праязыку. Исследованию этих суффиксов и посвящена работа М. Кёвеши. В ней рассматриваются следующие 16 суффиксов (приводим только коми-зырянские формы): *-а, -б, -д, -г, -й, -к, -л, -м, -н, -п, -р, -с, -с', -ш, -т, -э' (-э)*. Анализ каждого из этих суффиксов производится в следующем плане: звуковой облик суффикса,

¹ См.: А. Сидоров, Морфологическая структура коми языка, в кн.: Н. А. Шахов, Коми-русский словарь, Устьысьольск, 1924, стр. 74.

² Fokos D., Etimológiai, jelentés- és szintaktikai adalékok, «Nyelvtudomány közlemények», LVII, 1956, стр. 245.

³ «Современный коми язык», под ред. В. И. Лыткина, Сыктывкар, 1955; «Грамматика современного удмуртского языка», под ред. П. П. Перевощикова и др., Ижевск, 1962; «Коми-пермяцкий язык», под ред. В. И. Лыткина, Кудымкар, 1962.

⁴ W. Schlachter, Studien zum Possessivsuffixe des Syrjänischen, Berlin, 1960; G. Stipa, Funktionen der Nominalformen des Verbs in permischen Sprachen, Helsinki, 1960.

⁵ Б. А. Серебrenников, Историческая морфология пермских языков, М., 1963.

⁶ B u d e n z J., Az ugor nyelvek összehasonlító alakтана, Budapest, 1884; S z i n n y e i J., Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin, 1922; J. G y ö r k e, Die Wortbildungslehre des Uralischen, Tartu, 1934.

отыменные суффиксы имен, отглагольные суффиксы имен, отглагольные суффиксы глагола, происхождение и соотношение в родственных языках, объяснение особых функций и сводная таблица суффиксов. Исходным пунктом при расположении огромного материала по словообразованию является звуковой облик суффиксов, а не их функции. Такой порядок рассмотрения суффиксов вполне целесообразен уже потому, что очень часто один и тот же формант несет самую разнообразную грамматическую нагрузку; кроме того, при распределении суффиксов по их функциям появилась бы излишняя рубрикация.

Исследование М. Кёвеша проведено на высоком научном уровне: обнаруживается большая эрудированность в специальной литературе и хорошее знание фактов пермских языков; автор оперирует богатым фактическим материалом не только по пермским, но и по другим финно-угорским языкам. Появление такой работы, где подводятся итоги прежних исследований, а также проводится дальнейшая разработка данной проблемы, нужно всемерно приветствовать. Не останавливаясь на перечислении всех достижений М. Кёвеша в области исследования словообразовательных суффиксов пермских языков, ограничимся некоторыми критическими замечаниями по частным вопросам, затронутым в рецензируемой работе.

Прежде всего, у нас нет полного совпадения с автором рецензируемой работы в вопросе о классификации суффиксов. Мы делим все суффиксы на: 1) словоизменяемые, при помощи которых устанавливается синтаксическая связь между словами (склонение — падеж, число и притяжательность, спряжение — лицо, число, время, наклонение, инфинитив), 2) формообразовательные (уменьшительные, увеличительные, степени сравнения, порядковые и совмещенные числительные, вид, залог и т. д.) и 3) словообразовательные (отыменные именные, отглагольные именные, отыменные глагольные и т. п.). Венгерская грамматика две последние группы объединяет в одну группу *képző*, что представляется не совсем целесообразным. Ведь между словами *bosztym* «берущий», *bosztóm* «взятие» (не говоря уже о словах типа *petas* «всходы» от *petny* «всходить, выходить») — с одной стороны, и *bosztymitny* «взять немножко», *bosztómny* «брат на время» — с другой, существует большое различие: в первом случае (*bosztym*, *bosztóm*) меняется лексическое значение слова, а во втором (*bosztymit-*, *bosztóm-*) происходит лишь изменение одного и того же действия. Кроме того, к первой категории (*rag*) мы относим, например, суффиксы множественного числа и инфинитива, служащие средством синтаксической связи. М. Кёвеша, по-видимому, их относит к категории *képző*.

Рецензируемая работа проведена в сравнительно-историческом плане, поэтому исследованием охвачены не только словообразовательные и формообразовательные элементы (*képzők*), но и некоторые словоизменяемые суффиксы (*rag*), например: суффикс падежей терминатива (*-őde*), каритива (*-mbe*), 2-го прошедшего времени (*-őma*) и т. д. Это вполне понятно, так как в одних финно-угорских языках эти суффиксы являются словообразовательными или формообразовательными (*képző*), а в других — словоизменяемыми (*rag*). При анализе древних финно-угорских суффиксов-*képzők* нельзя не затронуть те суффиксы, которые в современных пермских языках являются словоизменяемыми, или одновременно выступают как в роли *képző*, так и *rag* (ср. *gijōma* «он написал, оказывается», *gijōm* «писание»).

Суффиксы множественного числа *ias* и *ian*, возможно, происходят не от самостоятельного слова (как мы раньше думали), а представляет собой сочетание суффиксов (*ia-n*, *ia-s*), в которых первый компонент означает коллективность, собирательность, как это достаточно убедительно доказала М. Кёвеша (см. стр. 141—152). Но не исключена возможность, что на окончательное оформление суффикса множественного числа *ias-ios* оказало известное влияние самостоятельное слово *idz* «люди, народ», и этот суффикс *ias* имел некоторую самостоятельность: в древнепермском языке он обычно пишется отдельно и несет на себе ударение. Впрочем, вопрос о происхождении *ias-ios* до сих пор не получил окончательного решения⁷.

Не совсем ясен также вопрос о происхождении суффикса *-ian* в формах типа *batēian* «отец и другие члены семьи, находящиеся с ним». Эти формы встречаются в тех коми-зырянских диалектах, где имеется большое количество карело-вепеских лексических заимствований. Поэтому не исключена возможность возникновения данных форм под влиянием прибалтийско-финских языков, как это считает М. Кёвеша. Но допустимо и другое объяснение: *-an* (*-ian*) в этих формах является тем же суффиксом, который встречается в слове *piian* (*piian*) «дети; сыновья» (*pi* «сын; детеныш»); в этом слове, распространенном на всей территории коми языка, *-ian* является суффиксом с собирательной семантикой⁸.

На стр. 138—139 М. Кёвеша коми *ōksy* фолькл. «князь» и удм. *ōksōy* «царь»

⁷ Ср.: R é d e i K., A zürjén-jas stb. és a votják-jos többesjel eredetéhez, «Nyelvtudományi közlemények», LXV, 2, 1963, стр. 374.

⁸ См.: K. R é d e i, Beiträge zur Formenlehre der permischen Sprachen «Zweiter Internationaler Fennougristenkongress», Helsinki, 1965, стр. 105.

считает производными от глагола *õksyny* «господствовать» при помощи финно-угорского отглагольного именного суффикса *-й. Нам кажется, что приведенные существительные целиком в таком виде заимствованы из иранских языков — в иранском оригинале слово имело форму **õks-* или **õksvi*⁹. Коми глагол *õksyny* «hertschen», встречающийся только в зырянско-немецком словаре Видемана, по-видимому, является производным от существительного *õksy* «князь». Этот глагол в современных диалектах нигде не сохранился и, вероятно, был искусственным образованием, употребляемым в книжном языке.

На стр. 359 автор рецензируемой работы видит две разновидности коми глагольного суффикса уменьшительного вида: *-шт-* и *-ш-*. Между тем здесь представлен единый общекоми суффикс *-шт-*. В некоторых диалектах второй компонент звуко сочетания *-шт-* в конце слова и в положении перед согласным выпадает, сохраняясь перед гласным звуком, например: коми (сысольский диалект) *муньши*, коми-перм. *муньши*, коми-язв. *муньш* «подвинулся», но *муньшита* (*мун-ышт-а*) «подвинусь».

О происхождении коми словообразовательного суффикса на *-а* (удм. *-о*), который в коми грамматиках называется суффиксом полного обладания, существуют разные теории. Как и автору рецензируемой работы (стр. 39—64), нам кажется более правдоподобным выведение его из финно-угорского **p*, который исчез через промежуточную стадию **ʒ*; функция суффикса перешла к конечному гласному основы *a*, тому гласному, который чаще всего сохраняется при отпадении конечных гласных (финно-угорск. **ʒp* > прапермск. **ʒβ* > **ʒ* > *a*)¹⁰. В данном случае сохранение конечного *a* (> удм. *о*) объясняется еще и тем, что этот гласный стал нести грамматическую функцию. Весьма убедительно подтверждаются звуковые изменения, происшедшие в рассматриваемом суффиксе, фонетическим процессом, наблюдаемым в самостоятельных словах: допермск. **коре* > прапермск. **gðpe* > *gɛ* «волна»; допермск. **ʒðpa* > прапермск. *ʒðpa* > **ʒp* > коми *žo* «калина».

К этому разделу труда М. Кёвеша (а также попутно и к разделу о суффиксе *-й* — стр. 122—161) сделаем следующие замечания.

Перед суффиксом *-а* появляется *й* после согласного в определенных словах и притом не только перед суффиксом полного обладания (*-а*), но и перед глас-

ным звуком падежных суффиксов (*из-й-а* «каменистый», *из-й-өн* «камнем», *из-й-ысь* «из камня» и т. д.), он входит в состав прежней основы. Представляется, что здесь *й* сам по себе не несет смысловой нагрузки, а является лишь остатком *e*-овой основы финно-угорского праязыка: не случайно он встречается главным образом в тех словах, которые восходят к *e*-овой основе (*гыжй-* «ноготь», *козй-* «ель», *корй-* «кожура» и т. д.)¹¹.

Рассмотрению суффикса *-й* в работе М. Кёвеша посвящен целый раздел; здесь, однако, не принимается в расчет то, что *й* может быть остатком конечного гласного финно-угорских *e*-овых основ. Разумеется, трудно разграничить, где *й* является суффиксом (утратившим свое грамматическое значение), и где этот звук представляет собой рефлекс конечного гласного *e*-овых основ. Все же, по всей вероятности, в следующих словах мы имеем дело не с суффиксами, как думает М. Кёвеша (см. стр. 125—138), а с остатком конечного гласного финно-угорской *e*-овой основы: *кол'л'* < **кол'й-* «пшилка», *лымй-* «снег», *одй-* «жар», *дул'л'* < **дул'й-* «слюва», *чал'л'* < **чал'й-* «мизинец», *гыжй-* «ноготь», *гумй-* «стебель», *былькй-* «пятно на лбу», *дод'д'* < **дод'й-* «сани», *лолй-* «душа», *гбнй-* «пух» и др. Можно предположить, что финно-угорское *-e* сохранилось в виде *й* в целом ряде других существительных, встречающихся в коми-зырянских диалектах: *бад'д'* < **бад'й-* «ива», *чбры-* «голень», *чукй-* «возвышенность», *колькй-* «яйцо», *понй-* «собака», *гырй-* «ступа», *кылй-* «язык», *льбмй-* «черемуха», *сылй-* «сажень», *кбвй-* «веревка» и т. д.

В коми-пермяцких и коми-язвнских диалектах *-а* выступает и теперь в роли уменьшительного суффикса, но лишь в отдельных словах: *айа* «папа», *д'гда* «дедушка». В таких же словах, как *пона* «кусок (холста, материи и т. д.)» — *пона* «конец», налицо отыменный словообразовательный суффикс, а не уменьшительный суффикс, как считает М. Кёвеша. У многих финно-угорских лингвистов (Буденц, Синнеи, Дьёрке и др.) замечалось стремление возводить без достаточного основания многие словообразовательные суффиксы к уменьшительным; этой традиции следует Кёвеша и в других разделах рецензируемой работы. Нам кажется правильным мнение К. Е. Майтинской о том, что «первоначально древнеуральские словообразовательные суффиксы имели широкое значение, выражая лишь отношение, связь между понятиями, обозначенными производящим и производным словом. Функцию выражения значения уменьшительности... нельзя считать первоначальной, поскольку из

⁹ См.: В. И. Лыткин, О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках, ИАН ОЛЯ, 1951, 4, стр. 390—391.

¹⁰ Под *ʒ* понимается гласный звук вообще, под *ɛ* — гласный звук заднего ряда и под *ʒ* — гласный звук переднего ряда.

¹¹ См.: В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, М., 1964, стр. 241—243.

подобного частного значения нельзя объяснить развития всех разнообразных значений и функций¹².

Что касается конечного гласного *-a* в таких словах, как *гал'а* «галька», *двол'а* «маленький» и т. д., где неизвестно имя, от которого они образованы, то здесь скорее — как отмечает сама М. Кёвеши (стр. 40) — это остаток конечного гласного основы слова. Слово *пода* (удм. *пудо*) «скот» вряд ли образовано на пермской почве от *под* «нога»; оно, вероятно, заимствовано из иранских языков¹³.

В таких словах, как *чери* < **чериэ* «рыба», *дуди* < **дудик* «голубь», *тури* < **турик* «журавль», суффиксом был согласный звук, а гласный звук относился к основе слова.

М. Кёвеши, ссылаясь на нас, предполагает существование в древнем коми языке редуцированного гласного (в первом слоге) (см. стр. 181). Мы действительно одно время признавали весьма возможным, «что когда-то в древних диалектах коми существовал этот редуцированный гласный, который в процессе своего исчезновения был замещен разными звуками»¹⁴ *o*, *a*, *e*, *ö*, *u*, *y*, *ы*. Однако впоследствии мы отказались от мысли о существовании редуцированных гласных как в первом слоге, так и в последующих слогах пракоми, прапермского и прафинноугорского языка, ибо новые данные не подтвердили наше предположение¹⁵. Появление разных гласных в первом слоге в различных диалектах современного коми языка (ср. *курёг*, *курес*, *курог* «курица») объясняется историческими изменениями системы гласных, протекавшими неравномерно по диалектам, в частности исчезновением фонемы *e*, употребление которой было широко распространено в первом слоге, *e* и теперь употребляется в первом слоге (правда, не как самостоятельная фонема, а как вариант фонемы *e*) в удмуртском языке, а также в верхневыхгодском и ижемском диалектах коми языка (*гуре*, «шьет», *гуртес* «ножны»). В других диалектах *e* в процессе своего исчезновения была замещена акустически близкими гласными, возникшими вследствие делябиализации некоторых звуков, а именно: гласным *ö* (= *e*) (< **ö*) и гласным *o* (< **i*). В удмуртском языке и в верхневыхгодском и ижемском диалектах коми языка такой замены *e* в первом слоге не произошло,

так как во время утраты фонемы *e* там еще не произошло делябиализации **ö*, *i*, т. е. еще не было тех гласных, которые могли бы заменить в первом слоге исчезающую *e* (лябиализованными она не могла быть заменена, поскольку такие в первом слоге не употреблялись). Лябиализованные гласные (*ö*, *i*) в первом слоге существуют и сейчас в вишерском и восточновыхгодском говорах верхневыхгодского диалекта коми языка, а *ö* — также в коми-язвинском диалекте.

Автор рецензируемой работы возводит к допермской эпохе только одно *л* и одно *н* (см. стр. 181 и 240). Вопрос о том, были ли суффиксы с мягким *л'* и *н'* еще в допермский период, требует специального исследования.

Пермские языки чрезвычайно богаты *с'*-овыми суффиксами. Эти суффиксы выполняют самые разнообразные функции: показывают возвратность, взаимность, длительность, начинательность, пассивность и т. д. действия, образуют множественное число предикативных слов, являются суффиксом частичного обладания (*вир* «кровь», *вирёс* «кровавый»), участвуют в ряде падежных суффиксов и т. п., образуют причастие, входят в состав производных слов с непродуктивным суффиксом (*жорёс*, «веник», *пельсь* «рябина»). Это разнообразие функций мы находим во всех современных пермских языках. М. Кёвеши проделала большую работу по выяснению функций этих суффиксов. Кстати, глагольные формы с этим суффиксом в описательных грамматиках разбираются совершенно недостаточно, а классификация их запутана, как правильно отмечает М. Кёвеши (стр. 324), говоря о соответствующем разделе книги «Современный коми язык». В грамматиках современных пермских языков вообще многие функции суффикса *с'* (с его разновидностями *а'*, *ч*, *да*) пока не установлены, недостаточно изучено также звуковое варьирование этого суффикса; нет, например, достаточной ясности в вопросе о начинательном виде и о звуковом варьировании суффикса этой грамматической формы. Между тем, здесь имеются три разновидности суффикса: а) *а'* — после гласных, сонорных и звонких (кроме *д*) согласных: *пуа'ыны* «закипеть», *пуны* «кипеть», *гыа'ыны* «заволноваться», *гыны* «кишеть», *вёра'ыны* «двинуться», *вёрыны* «двигаться»; *лаба'ыны* «взлететь», *лабны* «лететь»; *пова'ыны* «испугаться», *повны* «бояться»; б) *да* (*з'*) после *д*: *бёрдагыны* «заплакать», *бёрдны* «плакать»; *луддыны* «зачесать», *лудны* «испытывать зуд»; в) *с'* — после глухих согласных: *пукс'ыны* «сесть», т. е. «начать сидеть», *пукны* «сидеть». В других формах с элементом *с'* наблюдаются совершенно другие законы варьирования звуков, ср. *гурс'ыны* «заниматься шитьем», *гурны* «шить»; *пус'ыны* «варить»; заниматься варкой пищи, *пуны* «варить; кипеть»

¹² К. Е. Майтинская, К вопросу о закономерностях развития древнеуральских словообразующих суффиксов, «Acta linguistica Hung.», XVI, 1966, стр. 93.

¹³ В. И. Лыткин, О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках, стр. 387.

¹⁴ В. И. Лыткин, Древнепермский язык, М., 1952, стр. 93.

¹⁵ В. И. Лыткин, Исторический вокализм..., стр. 187, 236.

(здесь, в форме длительного вида, нет озвончения согласного *c'*, хотя он и стоит после гласного и сонорного согласного). Пока неясно, чем это можно объяснить: или эти суффиксы двух видовых форм (начинательного и длительного видов) исторически восходят к двум разным суффиксам, или определенные звуковые разновидности суффикса закрепились за определенными грамматическими формами пермских языков.

На стр. 86 рецензируемой работы приводится отрывок из древнепермской надписи в нашем чтении — *бдгбт с'бдбдн* — и в чтении Г. С. Лыткина — *бдгот*; таким образом, не учтено сделанное А. С. Сидоровым уточнение: *лоиньыс бьдбн идбг бт с'бдбдн* «были все апостолы единодушны»¹⁶.

¹⁶ См. об этом: А. С. Сидоров, Новые памятники древнепермской письменности, «Вопросы финно-угорского языкознания», М.—Л., 1962, стр. 188, примеч. 18.

Отметим ряд опечаток, в особенности в русских написаниях: *нога*, *ногнѣ*, вместо *n'oga*, *n'ornj* (стр. 55), *пѣбѣыс* вместо *petbnyс* (стр. 85), *лонныс* вместо *loinyс* (стр. 86), *кега* вместо *koa* (стр. 93), *вен'* вместо *ven'* (стр. 94), *создавать* вместо *создаватъ* (стр. 97), *бек* вместо *век* (стр. 110), *лонныс* вместо *лоиньыс* (стр. 112), *вѣжа* вместо *вѣжа* (стр. 123), *топори* вместо *топоры* (стр. 146), *kolas* вместо *kol'as* (стр. 294), *vil's* вместо *vil'is'* (стр. 332), *зареветь* вместо *реветь* (стр. 332), *чутыс'* вместо *чужтыс'* (стр. 340).

В заключение следует отметить, что весьма содержательный труд М. Кёвечи представляет собой серьезную монографию, в которой в сравнительно-историческом плане исследованы все основные древние словообразовательные суффиксы пермских языков и затронут целый ряд проблем словообразования пермских и финно-угорских языков.

В. И. Лыткин

L. Zgusta. Kleinasiatische Personennamen.— Prag, 1964.
700 стр. + 2 карты.

Подавляющее большинство собственных имен негреческих народностей Малой Азии I тысячелетия до новой эры дошло до нас в греческих передачах. Нет нужды говорить, сколь важны исследования в области этих имен для филологии и истории (вспомним хотя бы недавнее исследование Ф. Хоуинка тен Кате, блестяще доказавшего путем анализа ликаонских, исаврских, киликийских и других собственных имен тезис о хетто-лувийском характере соответствующих языков¹).

На протяжении ряда десятилетий ученые-азиансты, анализируя малоазийские собственные имена названной эпохи, опирались почти исключительно на материалы И. Сундвала, опубликованные более полувека тому назад². К сожалению, в них имеется множество неточностей (многие греческие имена были интерпретированы Сундвалем как туземные; были допущены ошибки в цитации

и локализации ряда форм; многие опубликованные имена остались вне поля зрения Сундвала).³ По мере того как обнаруживались новые имена, уточнялись старые редакции, исключались несуществующие формы и формы, не являющиеся туземными, ценность компендия Сундвала медленно, но неуклонно снижалась⁴. Становилась очевидной необходимость нового компендия, свободного от ошибок Сундвала и дополненного новым материалом.

Монография известного чешского филолога Л. Згусты призвана заменить справочник Сундвала в части, касающейся имен лиц. Автор не ставил целью дать анализ имен богов и имен мифических героев. Не анализируются и названия местностей, рек и т. п. Остается лишь по-

³ Ср. в этой связи обширную рецензию: O. Danielsson, «Göttingische gelehrte Anzeigen», Göttingen, 1916, стр. 490—532.

⁴ См. критические замечания крупнейшего грециста-эпиграфиста Л. Робера: L. Robert, Etudes épigraphiques et philologiques, Paris, 1938, гл. III, стр. 150—184; ср.: его же, Noms indigènes dans l'Asie-Mineure gréco-romaine, I, Paris, 1963, гл. I «Un recueil de noms asiatiques „Kleinasiatische Nachträge“» (стр. 5—206: детальный анализ имен, содержащихся в дополнительных материалах Сундвала, опубликованных в 1950 г.).

¹ Ph. Houwink ten Cate, The Luwian population groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic period, Leiden, 1961 (далее: Houwink); ср. мою рецензию в сб. «Этимология», М., 1965, стр. 365—367.

² J. Sundwall, Die einheimischen Namen der Lykien nebst einem Verzeichnisse kleinasiatischer Namenstämme, «Klio», XI. Beiheft, Leipzig, 1913; см. также небольшое дополнение: J. Sundwall, Kleinasiatische Nachträge, Helsinki, 1950.

желать, чтобы в ближайшем будущем Згуста прозвел и этот недостающий анализ, ибо едва ли кто-либо другой в состоянии сейчас проделать столь кропотливую и специфическую работу.

Рецензируемая монография состоит из предисловия (стр. 5—7), введения (стр. 9—41), списка имен (стр. 43—538), списка интергloss (стр. 539—558 и карта 2), заключения (стр. 559—562), списка литературы и сокращений (стр. 563—576), указателей (стр. 577—676) и дополнений (стр. 677—700); дополнения (и исправления) составлены, в основном, по материалам монографии Робера «Noms indigènes».

Во введении Згуста определяет задачи своей работы: обнаружение малоазийских⁵ имен и лиц и критический эпиграфический анализ их написаний; аналогичный анализ ранее опубликованных имен и отсев несуществующих и нетуземных имен⁶; уточнение локализации имен и их группировка по языковым районам⁷.

Основной раздел — «Имена» — состоит из 1708 параграфов, каждый из которых включает от одного до нескольких десятков имен. В раздел включены малоазийские имена в греческой и латинской передаче, а также ликийские, лидийские и некоторые другие имена из надписей на туземных языках. В один и тот же параграф входят имена, явно образованные от одной и той же основы (например, лид. *Alus* и *Αλυαττης* § 56), а также имена, различающиеся лишь графическим обликом (например, кил. *Αινυολας*, *Εγγολις*,

Εγγολις и др., § 23). Всюду даются точные указания на источники.

Следует отметить, что многие имена, явно связанные между собой или даже фонетически тождественные, у Згусты не объединены: так, в разные рубрики помещены имена на *Οβρ(α)-* (§ 1069) и *Οπρα-*, *Οπρα-* (§ 1099), хотя автор сам констатирует их единство (стр. 379). Очевидно, автор стремился придерживаться по возможности алфавитного порядка подачи материала. Видимо, по тем же соображениям имена-композиции типа *A + C* и *B + C* даны в разных рубриках; в отдельной рубрике приводятся и связанные с предыдущими имена типа *C* и *C + D*. Надо сказать, что подобные распылчатые принципы подачи материала таят в себе опасность противоречий, которые мы и обнаруживаем в ряде пунктов классификации Згусты. Особенно отчетлива эта противоречивость там, где к анализу удается привлечь лексико-грамматический материал туземных надписей (прежде всего, ликийских). Так, именная основа *Meri-*, *Meri-* (*≪meri*), наличествующая в ряде ликийских имен-композиций (§ 902), отделена от имени *Merehi* (§ 901), но ведь по происхождению *Merehi* — не что иное, как адъектив-«посессив» от *meri* «воин» (?).

Под разными рубриками даются имена псид.-ликаон. *Κβαδης* (§ 560) и кэр. *Κβαδης* (§ 567—1), хотя различие здесь состоит лишь в графическом облике греческих передач: обе формы передают имя **Kbadi* < анат. *Hapati-* (ср. лик. *В kbadi*-«вассал» < хет.-лув. *hapati-* «слуга») ⁸. В то же время имена *Κβαδης* и *Κβαλλας* даются под одной рубрикой, и это оправдано, ибо второе имя (и псид. *Κβαλλις*?) восходит к прилагательному **hapalli-*, связанному с той же основой (ср. еще глаголы лик. *В kba(de)*, *ki-kba(ti)* < хет.-лув. *hap(a)-* «подчиняться» и др.)⁹. Однако возникает вопрос: почему остались в стороне имена лик. *Κβα-μοας* (§ 563) < анат. **Hapa-muwa* (ср. анат. *Hapa-ziti*), исавр.-кил. *Κβιας* (§ 565; ср. хет. *hapija-* «младший жрец» и имя *Hapija-hsu*), лик. *Κβαιμιος* (§ 568; идентичное ему псид. *Γβαιμιος* < **kbaimi* § 205) и некоторые другие. Методически неверен и отрыв от *Κβαδης*, *Κβαδης* имен кил. *Κβεδιασις* и псид. *Κβηδασις*¹⁰ (§ 564, 1 и 2), представляющих по происхождению посессивы от исходного имени (т. е. **kbadiasi* и **kbadasi*: ср. лик. *В kbadasi*). Перечисленные сближения основаны, в частности, на характерных особенностях графики и фонетики: передаче позднихет-

⁵ Под малоазийскими именами имеются в виду имена из Малой Азии. В данном случае термин «малоазийские» шире, чем в сочетании «малоазийские языки» (т. е., хетто-лувийские языки Малой Азии).

⁶ Если такие имена и включены в книгу, то именно с целью указать на ошибочность прежних трактовок.

⁷ Насколько важен этот анализ, видно хотя бы из сравнения материала Згусты с материалом Хоуинка тен Кате в монографии, появившейся всего за три года до выхода в свет работы Згусты. Возьмем лишь один пример — имена от основы **wahsa* (об этой основе см. ниже): псидийско-ликаонское имя *Οπρωξη* (*Zgusta*, § 1099—8) Хоуинк трактует как ликаонско-исаврское (стр. 171 его монографии; приводимая им форма *Οπρωξης* менее вероятна: ср. *Zgusta* стр. 378, примеч. 53). Цитируемого Хоуинком имени *Ναυαουαξα*, видимо, не существует: есть *Ναυα* генетив имени деда — и следующее непосредственно за ним *Ουαξα* — датив имени дочери (*Zgusta*, стр. 392, примеч. 127), причем имена эти — исаврские. Хоуинк приводит в качестве киликийско-памфильского имени форму *Ιρδαουεξος* (стр. 170 его книги); в действительности же мы имеем дело с киликийским именем *Ιρδαουεξας* (*Zgusta*, § 482—2).

⁸ Очевидно, и кил. *Χεβεδις* (§ 1638) восходит к *hapati-* (ср. в этой связи и лик. *Kebe...-h*, посессив, § 568).

⁹ Возможно, к основе *hapa-* восходит и лик. *В kaba*.

¹⁰ Членение *Κβη-δασις* (*Zgusta*, стр. 549, примеч. 86) мало вероятно.

толувийского *a* посредством α и ω в греческих надписях, варьировании *a* : *e* в туземных надписях и, соответственно, в греческих версиях и т. п.

Основываясь на чисто формальных критериях, Згуста дает под одной рубрикой все имена на Ρωνδ- (§ 1330) и под другой — все имена на Ρωνδ- (§.1339), отрывая кил. Ρωνδας от идентичного ему кил. Ρωνδας и, наоборот, объединяя с простым именем Ρωνδας (< анат. *Runda*) композит Ρων-δαβης (в отношении второго компонента ср. исавр. Таβης; соответственно среди «имен на Ρωνδ-», наряду с Ρωνδας и Ρωνδ-ναβης (< **Rundi-nazi*) находим имена типа Ρων-δερρεμης (< **Ru(n)-tarpmi*).

В списках Згусты полностью отсутствуют карийские имена из туземных надписей, но это, как отмечает сам Згуста (стр. 560), объясняется тем, что он не успел воспользоваться материалами рецензента. Ниже перечисляются некоторые карийские имена в транскрипции рецензента¹¹: *akvlelea*, *ative*, *avkañs*, *bskove*, *buvse*, *buvsealp*, *daù*, *deulaðe*, *dov*, *dprov*, *dügmea*, *easou* (?), *eəpv*, *ervhoz*, *esov*, *evasa* (?), *evavse*, *|| veh*, *ñdeai*, (*||*), *π* — оставленные без специального обозначений буквы группы «e — i»), *ñdiave*, *ñkùei*, *ñosuv*, *ñpñai*, *gle(ps)*, *hetul*, *hEva-mae*(?), *hñfo*, *χsb*, (консонантная запись), *iaθonta* (?), *idraa*, *ieavñai* (возможно, имя, образованное от этнонима *ieavñā* < анат. **Ija-wana*), *iulaða*, *ilü*, *invse*, *ioçulv*, *itəve*, *iüvü* (?), *iveto*, *iznaðe*, *kav-he* (?), *kaπ-* (?) *kavea*, *kñða* (?), *kikui*, *kmvāχsbü* (консонантная запись), *kmvos* (?), *kovkove*, *lekt* (?), *leñllmü* (?), *leñdüb-sa*, *ləiar* (?), *lər* (?), *lülk*, *lülöz*, *li* (?) *luxze*, *luke* (этноним?), *lvulo*, *mads*, *makiñ* (вариант: *mkiñi* < **makuni*), *mava-ñEn*, *mavəget*, *mavhodou*, *mavn/va* (этноним?), *mervüllü*, *meseve*, *mesnal*, *mesnar* (= *msnr*: консонантная запись), *mesfoenta* (топоним?), *meunəv*, *mgion*, *mgikü*, *mgou*, *mgula*, *mguliði*, *mikrū*, *msəraeketon*, *msuloz*, *mzai*, *nad*, *navav*, *nehltuñ*. *se* (resp. *neh*; *tuñ*. *se*), *nətuləp*, *nkk-* (консонантная запись), *nko*, *ntalp*, *onhñül*, *osuv* (?), *pdiv*, *pñon*, *rouon* (?), *pñulomeðe*, *pvas*, *pnob-ulos*, *phaezonta* (?), *rabo*, *raəget*, *ravpñai*, *ravkñ*. *ratmi*(λ), *ravpleon*, *ravuloz*, *rave*, *sad* (?), *savke* (?), *səaa*, *sentä* (?), *slara*, *stñiave*, *stnko*, *sraəgzo*, *sřes*, *sürzme*, *svio-k*, *tavse*, *tñsa* (?), *tovl*, *toñon* (οΩ < [uwa]), *tuiñü* (?), *tukko*, *tabou*, *taka*, *ukove*, *uloz*, *upsbu*, *urvlü* (?), *vnon*, *ñugiula*, *ñaxto* (?), *vinemañ*. (Карийские имена и в дальнейшем цитируются со строчной буквы).

Далеко не полностью представлены у Згусты ликийские имена. Нет оснований сомневаться, как это делает Згуста, что

лик. *Punamive* — имя лица (§ 1288—2; надпись 35); кстати в той же надписи находим имя лица *Hrñmive*, отсутствующее у Згусты. Непонятно, почему Згуста сомневается в том, что *Keziga* — имя лица (примеч. 191 к § 702, но ср. генеалогию в 44 а 31!); то же можно сказать в отношении *Prisei* (§ 1306). Отсутствуют у Згусты имена лиц *Tuhes* (надписи 29 и 113; это женское имя, значащее буквально «племянница»; видимо, Згуста принял это имя за апеллятив, однако структура названных надписей с несомненностью свидетельствует о том, что Згуста ошибся), *Epi-pē*[t]ēe (надпись 18; ср. концовку имени *Uhaçe*; шестая буква, передающая в данном случае звук [b], восстанавливается по *Win-bēte*, *-ppe-bēnti* — надп. 26 и лид. *Bētovs*: имя лица), *Mrb-banada* и *Mrbēne-* (надписи 28 и 44), *Aruwaza* (26), *Mñpusama* (ср. *Mñnuhe*) и *Prijama* (идентичное имени Приама) (55), *Mpara* (104), *Pddēne-* (106), *Nteriwa* (119); *Badunimi*¹², *Puvēi* (ср. посевив *Puvēeh* при *Badunimi* и др.), *Uwadraki*, *Zagaba* (ср. *Zakababe*), *Zēmtija*, *Tiluma* (= *T-λουμας*), *Mēseve* (ср. кар. *mesewe*), *Wakssepddimi* (буквально «сопровождаемый славой») (44). Приводимые Згустой на стр. 528 имена *· peseh* (генитив) и *· ppe*ли следует, очевидно, восстановить в виде [S]peseh и [S]ppe- (ср. кар. *sřes*, *sřa-egzo*, где *-egzo* = *Eğz-* и др.). Отсутствует у Згусты имя *Zabrka* (граффито из Ксанфа: ср. *Houwink*, стр. XII, примеч. 3). Цитируя лик. *Pikre* (§ 1255—6; надпись 55), Згуста утверждает, что эта форма идентифицируется как имя лица лишь благодаря сопоставлению с лик. *Πύρρις*, ибо «контекст совершенно неясен» (стр. 429, примеч. 172). Это не так: начало надписи 55 в структурном отношении весьма прозрачно (ср. особенно прориси Э. Калинки), и именно форма *Pikre*, стоящая сразу после глагола, должна трактоваться как субъект первого предложения, т. е. как имя лица — «хозяина» надписи. Цитируя имя *Asawāzala* из надписи 3, Згуста упускает из виду интересную надпись 83, где содержится такое же имя. Имя *Teððiveibi* встречается не только на монете, но и в надписи (44 в 61). Существование ликийского имени *Sebēla* (§ 1346—3) весьма сомнительно: скорее всего мы имеем здесь *s(e)-Ebēla*, где *se* — союз «и».

Второй важный раздел работы Згусты — «Географический анализ» — состоит из так называемых интерглосс. Каждая интерглосса — это список имен, идентичных друг другу или связанных общей основой, встречающихся в двух или более географических районах¹³, причем в осо-

¹² Возможно, это имя заимствовано из мийского (лик. *A Wadunimi*).

¹³ Под географическими районами подразумеваются, во-первых, основные языковые территории — Лидия, Кария, Исав-

¹¹ См. словарь в приложениях к книге: В. В. Ш е в о р о ш к и н, Исследования по дешифровке карийских надписей, М., 1965, стр. 322—339.

бве рубрики выделены имена, встречающиеся лишь в данном районе и не находящиеся параллелей в именах других районов.

Надо сказать, что анализ Згусты вуждается в существенных уточнениях.

Так, в списке изолированных карийских, лидийских и ликийских имен (интергlossы 20, 55 и 90) Згуста включает соответственно *Αβραμως*, *Αβραβ* и *Αβερδαρατα*, между тем как эти имена содержат общую основу **abra* (ср. лик. В *abrata* и др.). В лидийском имени эта основа распространена суффиксом *-la* (причем лидийская форма имеет характерный редуцированный вид: ср. лид. *αρδλα-*, от **arsa-*); ликийское имя может быть реконструировано в виде **Abrda-* (*arsata*) (членение Згусты — *Αβερδαρατα* инт. 122 — мало вероятно по двум причинам: во-первых, в именах-композиатах в греческих передачах раздел крайне редко проходит между двумя согласными; во-вторых, основа *Αβερδαρα-* не находит аналогий в ономастике, основа же **abgd-* может быть сопоставлена в отношении структуры с *Αρμα-δα*, *Αρσα-δα*, *Κοα-δα* и т. п.). Ср. впрочем лик. *trb~ta-drazata*.

Згуста не идентифицирует основы **adla* в лик. *Αδλα-σι-ς*, *Σινς-αδλα*, *Δλι-κίλλως*, ср. анат. *Antaradli*¹⁴.

В интергlossу 192 Згуста относит писид., исавр. *Αχτης*, замечая при этом, что сюда может относиться и кар. *Αχτα* (первый компонент ряда имен, см. инт. 20). Видимо, есть и другие имена, образованные от той же основы: лик. *Ερμαχτα* (ср. лид. *акта*?). Кстати отметим, что варианта **kta* от этой основы не существует: соответственно имеем не *Τεδκτα-*, а *Τεδ(ι)-κτα-* (ср. лик. *Ικτα=Ikitta*).

Благодаря идентификации первых компонентов в именах писид. *Θαρ-ωξίς* (инт. 192b: сопоставление с исавр.

рия, Киликия, — во-вторых, переходные (пограничные) территории (южнофригийско-ликийская, ликаоно-исаврская и др.), на которых засвидетельствованы имена, характерные как для одной, так и для другой основной территории. Надо сказать, что такая группировка имен в определенном отношении неудобна: так, в южнофригийско-ликийскую, южнофригийско-писидийскую и восточнофригийско-писидийскую интергlossы оказались включенными как фригийские, так и неродственные им позднелувийские (ликийские и писидийские) имена. Явно хетто-лувийскими были «восточнофригийские» имена.

¹⁴ Неясно, какое отношение имеет *adla* к имени богини *Ada* (*Αδα*, *Αδας*; ср. кар. *Ωδα-σιτας* (<анат. **Ada-zitai*), буквально «человек Ады»), лик. *Ada-tmmla* (при *Μπιηη*, *Μπιηυσατα* и др.).

*Θαρ(ι)ς*¹⁵ и писид.-ликаон. *Μοτ-ωξίς* (инт. 116: сопоставление с кил. *Μοτας* и т. п.)¹⁶ Згуста фактически выделил компонент *-ωξίς*¹⁷, однако интергlossы для него Згуста не дает, видимо, полагая, что это — суффикс. Но ведь имя *Θαρωξίς* находит четкую аналогию в анат. *Taruhsu* < **Tarawahsu* (ср. имя бога анат. *Tarawas* и имя лица лув. *Pijama-tarawas*). Это имя стоит в одном ряду с *Haruwahsu*, *Niwahsu*, *Hestahsu*, *Harijahsu* и т. п. Все это — анатолийские имена, как правило, имеющие четкую индоевропейскую этимологию. Вопрос, однако, в том, как сопоставить основу *-(a)hsu*, выделяемую во вто-

¹⁵ В эту же интергlossу можно было бы включить и лид. *Ταραβους*, и кар. *Ταρω*, лик. *Ταρων*, писид. *Ταρασις*, кил. *Ταρανως* и др. Возникает, однако, вопрос, действительно ли формы с двумя *-pp-* (кроме исавр. *Θαρρις*, ср. еще лид. *Ταρρα*) родственны формам с одним *-p-*. Дело в том, что среди элементов хетто-лувийской лексики, к которым могли бы восходить наши имена, выделяются две основы, различающиеся именно количеством *-r-*; лув. *tarawi-* «бить, поражать» и хет. *tarrawāi-* «обогащать», *tarra-* «обеспечивать» (наличие других возможных лексических соответствий, разумеется, еще более осложняет ситуацию).

¹⁶ В эту интергlossу следовало бы отнести и кил. *Μοτας-Μοτας* < анат. *Mutta*; [с этим именем, возможно, связан через основу *Mw* (а не *Μωτα*, как думает Згуста; см. инт. 19) каппад. *Μοταλις* = лид. *Μοταλις* (=лик. В *mutala* < хет.-лув. *muwa-itallali* «сильный, мощный»; ср. лик. А *mutli*, *mutl̄i*, лик. В [m]utla (?); ср. редуцированный вариант суффикса в лик. В *cuprtle*: хет. *kupija-talla* «заговорщик»; суффикс в полном виде представлен в лик. В *nei-talā* буквально «ведущий» — определение к *tuwi*]. В отношении анат. *Muwatta*-ср. *Μωαττης* (но ср. *Zgusta*, § 992). Основа *muwa-* «мощь, сила» представлена и в ряде других имен (ср. инт. 63 в книге Згусты; сюда же, видимо, следует отнести и кар. *Μοις*, кил. *Μο-ορις*, *Μοι-μασις*; в лик. В находим еще именную форму *muwila* и глагол *muwa-* «осилить; наделить силой»).

¹⁷ Этот же компонент наличествует в писид. *Σλα-ουρ-αξα* *Γα-ουρ-αξα* (выделяется основа **Uruhsa*; в отношении *Σλα-* ср. писид. *Μαγα-αλβ-ις*; в отношении *Γα-* ср. анат. *Har(p)*), едва ли, однако, в писид.-ликаон. *Πωλωξος* (наиболее вероятно членение *Πω-λωξος*, где *Πω-* < **puwa*; в отношении второго компонента ср. лид. *Σλα-λωξος* при кар. *σφε-*, *σφα-* и *λυχζε-* *Λυξης*: собственные имена). Отметим, кстати, что Згуста не проводит необходимых различий в записи писидийских имен из собственно писидийских и из греческих надписей (в своих надписях писидийцы использовали обычное греческое письмо).

ром компоненте подавляющего большинства этих имен, с широко распространенной в позднелувийском языковом ареале основой лувийского типа **wahsa* «доблесть» или нечто подобное¹⁸, которая широко распространена в поздней ономастике. Связь между обеими основами налицо: в имени кар. Εξα-μωης выделяется компонент **egza* (ср. кар. *sfa-egzo*)¹⁹, восходящий к **ahsa*²⁰, тогда как в сходном имени исавр.-кил. Οα-ξα-μωας мы находим **wahsa*, ср. кил. Ιρδα-ουεξας (при Ιρδα-σιτας и писид.-ликаон. Ομπρα-οεης). С этим последним структурно сходны и рассмотренные выше имена на -ο/ωξ-: мы, очевидно, имеем здесь дело с вариантом основы **uhsa* < **wahsa* (ср. имя с Хиоса Οαξολας и кил. Οξολλας, из **wahsalli* «доблестный» или нечто подобное). Но ведь имена на -ωξ-, как мы видели выше, явно связаны с именами на *ahsu*. Наиболее вероятное объяснение этой взаимосвязи, нам кажется, таково: первоначально включавшие основу -*hsu* (< *has*-?) имена стали восприниматься как включающие основу -*ahsu* (первый компонент композитов кончался на -а) и -*wahsu* (результат переразложения основы типа *Tarawa* : *Tarawa-hsu* > *Tara-wahsu*), благо основа **wahs*- в языке имела. Затем стали образовываться имена уже непосредственно от **ahs*- и **wahs*-. Как бы то ни было, значительное количество имен на -*wahsu*, которые должны быть интерпретированы как имена на -(а)*hsu* с *wa*-основой в качестве первого компонента, примечательно²¹. Отметим нако-

¹⁸ Ср. хет. *wahessar* «Schwingen»? В ономастике находим *Wakssere*, *Wekssese* (и *Wakssse-pddimi*). [В отношении *Wekssese* ср. лик. *Wiksaba-la* (имя лица?), варьирование *i*: *a*, как в *pidri* : *padri* : *padre*, *pasba* : *pisba*-, *ziwi* : *zawa*, *qidri* : хет. *hatrai*-].

¹⁹ В отношении первого компонента (кар. *sfa*-, *sfaes*, исавр.-кил. Παρισπας, лик. [s]ppesali, [s]ppeli-, лид. Σφα-, кар. Σφαρε-) ср. хет. *ispa-i* «насыщаться», русск. *спеть*, *успех*, лат. *spēs* «надежда» и др.

²⁰ Ср. еще писид. Αξα-βωας, Εξα-βωας (едва ли здесь второй компонент тот же, что и в лик. Βωας, писид. Βωαλιανος, памф. Βωα, лид. Βωοας, кар. Βωωαδης, Βωωμωας, *buvse* (-), фриг. Βωωα-; Βωωστος, ср. лик. *prija-buhāma*, *bisa-wiñn*-). Заметим, что основа **ahsa* в конечной позиции, возможно, представлена в кил. Χηραξης, писид. Μαμ-αξος.

²¹ Нет ни одного раннеанатолийского имени, в котором с уверенностью можно было бы вычленить основу -*wahsu*. Так, в *Наривahsu*, возможно, представлена не основа *Нар*-[*hab*], а основа *Нар*(*p*)*u*(*wa*)-[*abuwa*]: ср. анат. *Нарривassu*: кил. *Арривassu*: лик. *Ариваза*: писид. *Αποασις*, кар. *Αφοασις* при памф. *Εποας*, лик. *Εποατιανος*. Если эти сближения верны,

то *Хоуинк* склоняется к трактовке основы -*wahsu* как лувийского варианта хеттской основы -*ahsu* (Houwink, стр. 170): ср. лув. *wassu*: хет. *assu* «добро».

Из сказанного следует, что Згуста неправ в своем стремлении отделить имена на Ο(υ)αξ- (инт. 209 и примеч. 140) от имен на Οξ- (лик. Οξαλιος²², писид. Οξσας²³, кил. Οξα-λιβις²⁴ и др.: инт. 115): идентичность этих основ подтверждается не только ономастическими параллелями, но и фонетическими закономерностями хетто-лувийских языков, в которых ο/υ часто восходит к *wa*²⁵.

Имена от основы *Evγoli-* (кил. *Evγολιος*, исавр.-кил. *Αινγολις* и др.: инт. 17а) находят точные соответствия в анат. *Angulli* и кар. *nküll* (ср. кар. *nko-l sl-nko-l*, хет. *anku*; но ср. и основу кар. *nkka-*, лид. *ñka-*); видимо, эта же основа с первичными суффиксами представлена в лик. *ñkra-jānkr-*, (Iδ) *αηρης* (Iδ) *ākre*.

Основа *Az-*, но не *Azar-* (инт. 191) выделяется в кил. *Azarβολλας*; соответственно в писид. *Μιορβολλας* находим основу *Μι-*²⁶, а не *Μιορ*; галат. *Βαρβολλας* членится *Βαρβ-ολλας* (форма с суффиксом, а не *Βαρβ-ολλας*). Таким образом, интергlossы 191 не существует. Компонент -*ορβολλας* (и -*αρβολλας*?) восходит к хет.-лув *warpalli-* «сильный, мощный».

Згуста никак не связывает лик. *Erñkuka*²⁷ (буквально «спрадед»: из хет.-лув. *appa* «вслед, за» и *huhha-* «дед») с компонентом *Еπi*, *Απ*(ι)- в ряде имен [ср. хет.-лув. *appa* = *appa*]; лик. В *ere-qzzi*, (e)*ppe-qzzi* «правнук, потомство» (типологически сопоставимо с др.-инд. *prajā*), при *qzze* (дат. пад. мн. ч.)

то кил. *Εποαξα* должно рассматриваться как точное соответствие анат. *Наривahsu*.

²² В отношении второго компонента (-αλι-) ср. лик. *Αλβανεις*, писид. *Οπν-αλβειβις*, лид. *Κο-αλβ-υος* (?) (Згуста эту основу не идентифицирует). Ср. также в ликийском В: *albā* = *albm* = = (a)l[b]ñ «обет» (?), (a)l-bāma, (a)lbijē, (a)lbbeweli, *albrāna* и глагол *alba-*.

²³ В отношении следования -ξς- [kss] ср. характерное удвоение согласного в лик. *wakssa*.

²⁴ В отношении второго компонента ср. писид. *Λιβα-ορτας* (Згуста эту основу не идентифицирует).

²⁵ См., в частности: В. В. Ш е в о р о ш к и н [рец. на кн.:] R. Gusmani, *Lydisches Wörterbuch*, ВЯ, 1965, 2, стр. 113; е г о ж е, *Исследования...*, стр. 172 и сл.

²⁶ Ср. кил. *Μιωτας*, лик. *Μιον*, *Μεις*, кар. *mi-* и др. (от хет. *māi-/mija-* «возрастать, процветать, рождаться»); ср. *Μισχ*-?

²⁷ Ср. в отношении первого компонента лик. *Erñtibaza*, *Arññātama*.

«потомство» = хет. *hassa* (< *has*-«рожда-
дать») ²⁸; ср. еще $\text{O}\pi\nu$ (α)-< *appa*?

Не существует интергlossы лик. *Oras* (**ura*): писид. *Opamβλης* (101 k): последнее имя соотносится с лик. *B* (*a*)*rāpla*, *eṛēpli*.

Основа *Ero-* идентифицируется Згустой в инт. 3; на самом деле во всех или в большинстве случаев мы имеем дело с основой *Er-*: не *Er-πλαση*, а *Er-πλαση* (лик.); ср. лик. *B* *uplesi*; не *Er-μνος*, а *Er-μνος* (с суффиксом анат. -*umna*). Основа *Er-* родственна основам *Eri-* и *Ar* (α/ι) ²⁹. Членению *Erπi-γρης* явно следует предпочесть членение *Er-πiγρης* ³⁰. Особую интергlossу следует констатировать для имен, содержащих основу **arab-*, видимо, отличную от *arawa-* (ср. кар. *rabo*, *Μασσ-αραβις*, *Σεβασκου-ραβις*; капнад. *Τιαραβης*; в последнем имени представлена основа **tija-*, как и в писид. *Ti-οβας*, не связанном с лид. *Tivdas*).

²⁸ Ср. от той же основы лик. *geṛtmi* и имя *Κασσεμι* — буквально «рождающий» или «рожденный» (ср. точное соответствие в иер. лув. *hasmi*).

²⁹ Следует отметить, что каждая из перечисленных основ может представлять, по крайней мере, две лексемы: 1) наречная основа хет.-лув. *arhāi-*; 2) основа хет.-лув. *ara-* (см.: В. Ш е в о р о ш к и н, Исследования..., стр. 218 и сл.) и результаты ее дальнейшего переосмысления (например, имя бога *Ara*, по-видимому, наличествующее в лик. *Αρα-πελας*, ср. «вторичное» использование в названии карийского острова *Αρα-φεια*; в карийских надписях основа **aga-* и ее производное **arawa-* «свободный» использованы — в виде графического варианта *ra-*, *rav-* — в качестве первого компонента в целом ряде имен лиц). Основа **ara-* содержится, видимо, и в именах на *Pa-* (лик. *Pa-γας* < **ara-kuwa*), кил. *Ραχας* < **ar(a)-asha*; что касается лик. **Pi-μαρας*, то оно передает лик. **hri-mara* (ср. *Οαμαρα* < **uwamara*).

³⁰ Между обоими вариантами колеблется Згуста (ср. 543 примеч. 45), приводя в пользу второго параллель *Ida-γρης*; однако, как мы видели выше, это имя членится *Id(α)-αγρης*: ср. *Id(a)-ākre*, с основой *ākr-[abr]*. Имейм, таким образом: *Er-πiγρης* (ср. *Πiγρης*), *Ar-πiγρασ* (ср. *Πiγρασ*), *Er-πιδαση* (ср. *Πιδασης*), *Er-πιδενηνις* (ср. *Πιδενηνις*). Это не значит, что основы *Erπi* = *hrppi* не существует: ср. имя *Erπιας* (или это **Ar-(a)-pija*?); ср. *Hrppi-duba*. Не исключено, что имена на *Eri-/Ar-* возникают благодаря переразложению основ: скажем, первоначальное **hrppi-dezi* (буквально «очень сильный») стало восприниматься как *Er-πιδαση* благодаря существованию имени *Πιδασης* (ср. лик. *Erμασας* и лид. *Ar-māv* при **Māv* «Мава»; лик. *Erμοας* при хет.-лув. *tiwa-* «сила» и др.).

Основа **arli-* (ср. possessiv лид. *arli-li-* «собственный») идентифицируется в кар. *Αρλι-σ(σ)ις*, *Αρλι-αμος* (к сожалению, Згуста никак не идентифицирует основ, встречающихся в именах лиц лишь одного района).

К интергlossе 83 (основа анат. *Arma* «бог луны») следует присоединить не только все имена на *Erπ-* из § 355, но и лик. *Erπuv-arma* (**Ernn-arma*), ср. лик. *B* *erme-dele-*: хет. *arma(n)tala-*, кил. *Κω-αρμις*. Что же касается имени лик. *Armpa*, включаемого Згустой в интергlossу 83, то оно, возможно, соотносится с хет. *arimpa* (какой-то ритуальный предмет; ср. лик. *Αρμπα-σις* < **armpa-si*; кстати, вся интергlossа 117 иллюзорна: см. ниже ο *Oυβα-σι-*, *Τουλ-ουβασι-*, *Ουανγ-διβασσι-*, *Λωγβα-σι*).

Згуста не идентифицирует основу **arna*, входящую в состав имен писид. *Αρνα-μι*, *Νι-αρνη*, капнад. *Τιχ-ερνος* (ср. еще малоазийские топонимы *Υπ-αρνα*, *Προ-αρνα*), кил. *Ορνε-πεμμις*, *Ορνειδασα*; анат. *Arn-ili*.

В инт. 101a (лик. *Αρσα-σι-ς*, *Αρσαδα-πεμμις* ³¹ — не *Αρσα-δαπεμμις!* — и др.) следует включить и лик. *Erze-si* + *nubi* (не *Erze-sinubē*), *Tedi-αρσαςις* (ср. *Erze-si*), *Αβερδ-αρσατα*, кар. *Λατ-αρσις* (ср. лик. *Αρσις*), *Ανδ-αρσας* (из **anda* ³² + *Αρσαδα-*), писид. *Ακ-αρσαμης*, лид. *arsna-va* (ср. хет.-лув. *ars-* и *arz-*).

От основы **ard-* (едва ли *a/erd- -erz-*) (инт. 82, кроме *Ar-δουβρις*, и имена кил. *Σαμ-ερδς*, лид. *Sak-arda-*), видимо, следует отличать основу **art-* (инт. 61 и имена кар. *Αρτσσις*, *Αρτ/θ-ασσις*, *Α/Ορ-τη-υμος*, лик. *Ertelijesi*, *Ertillēni*), причем не всегда ясно, из-за особенностей клинописи, какую из двух основ включают анатолийские имена на *Art-* (ср. из апеллативов хет. *artattar* «достижение», иер. лув. *artalli(a)* = лик. *Erteli*).

Основа **asha* (ср. лик. *Ahqqadi* < **Ashadi*, анат. *Asha-pala*), возможно, связана с основой **washa/usha* (ср. варианты имени анат. *Ashuba*, *Washuba*, *Ushuba* и параллелизм основ *asha/washa/usha*); связь между **washa* и **isha* несомненна (ср. лув. *washa-*, хет. *isha-* «господин»); ср. в анатолийской онимастике *Alawashi*, *Ishara* и др. В греческих передачах находим ряд форм, содержащих эти основы: писид. *Ισχαλος*

³¹ Ср. членение *A/Erμαδα-πεμμις*, *Κοαδα-πεμμις* (от *Arma*, *Kuwa*).

³² Хет. *anda* «в, на» в карийском соотносится с *nā-*, *nda-* (ср. лик. *nā-*); так, кар. *nā-kū eksno* значило «написал надпись» (ср. *eksn-s-o-s* «написал»; *kū* соответствует лув. *kui-*, иер. лув. *hwāi-* «выцарапывать, гравировать»: ср. нем. *hauen*, русск. *ковать*). Не исключена и иная трактовка: *nā-kū* «надпись», а **eksn-o-t* «написал»: ср. лид. *kasn-o-d*).

(ср. анат. *Ashella*?), кар. Арз-ισχος, Δουισχολ, лик. Στουβ-ισχος (ср. лид. *istubel*., анат. *Astupala*-), кар. Αραισχος, Παρασχος, ³³, псид. ликаон. Διρησχα. Глагол *askka* (императив 3-го лица ед. ч.) ³⁴, *ashkati* (индикатив 2-го лица ед. ч. наст. вр.) имеется в ликийском В (исходная основа **as(a)h-*), но его значение неясно.

В целях экономии места дальнейшие добавления и уточнения к изоглоссам Згусты приводятся ниже кратко, в виде соответствий ³⁵.

Лид. Βερτης, кар. Βερδας, м.-аз. Βαρτ/δας: лик.-*parta*. — Псид. Βδευασας: лик. **pdde-wazi*. — Кар. Βρασσις: лид. *brvā* «год». — Кар. *bskove*: анат. *Paskuwa*. — Лик. *Crehēnube*: *crese* (?): кар. КРЕΣΗ: исавр.-кил. Κρεσα(-), Κρισα- (ср. еще лид. *Ali-kre*., исавр. Κου-χρι-?) ³⁶. — Лик. *Dda-kita*: *Ddapssma*: *Dda-qasa*: *Dde-newele*: *Dde-(e)pr̄newa* и др. ³⁷. — Лик. Ερμα-δαννας:

³³ Кар. Σωσχος, Σεσχος, лик. *Zisqqa* очевидно связаны с хет. *sešhā* «указывать, определять», а эта основа в свою очередь, возможно, генетически родственна хет. *isha*.

³⁴ Значение формы определяется по тексту 44а 23—27: ...*cere skkaija cuti pssati zajala me te ne mrskkati urtuwāz marāz* «... во владениях (*cere*: лид. *qira* и т. п.?) [если] стену (хет. *kut-*) осквернению (*sah*) подвергнет (*pssa-*, *pzzi*: хет. *pissa-*, *pessija-* „verwerfen, пренебрегать“ и др.) преступник (*zajala*: хет. *zāi-* „преступать“), вот там [он] нарушит (*mrskka*: хет. *marsahh-* „verfälschen“) уругские предписания (*mar-* „приказывать“)» (далее следует три предписания, содержащие императивы *askka*, *slata* и *kurdi*).

³⁵ Ср. также: В. В. Ш е в о р о ш к и н, Исследования..., стр. 252—264.

³⁶ Лик. *s* восходит к **k¹*, **k^w*; лик. *k* и *q* восходят, как правило, к «ларингалам» (хет. *n*): ср. лик. В *cize qle* «тем (дат. пад. мн. ч. от *ci* «этот»: хет., кар. *k-*; *ze* соответствует лув. *-nza*) храмам (хет. *hila*); *kzzāt*: хет. *hassant* «сын»; *kezān*, *qezāmi*: иер. лув. *hasmi* «(на)род»; *qajā wesānteli* «антифелосское святилище» (ср. иер. лув. *hajani* «святилище» и хет. *hā-«верить»*); *qeleli*: лув. *halali* «чистый» *k/qrb̄b-l-*: хет. *harpa* «алтарь»; *tīne qā[n]ā* «платить (буквально «класть») штраф»: хет. *hanpa* «судить», лув. *hanhannija* «порячать»; *qātili*: лув. *hantili* «шервный»; *qāza*: хет. *hansa-tar* «семья»; лик. А *kawā*: хет.-лув. *hawī* «овца» (это слово стоит после *šm̄masāta*, как и слово *wawā*, ср. иер. лув. *wawa* < и.-е. *g^wou* «корова»); ср. еще лик. *wawadra* и *ka-wales*). Установление этих и других звуковых соответствий чрезвычайно важно при идентификации имен.

³⁷ Возможно, лик. *dd-* в некоторых случаях передавало **t* (ср. *ddedi*, *tedi*

исавр. Κάδα-δανις и т. п. — Кар. Πξω-δαρος: лик. *Ml̄ete-deri* (или *Ml̄etederi*?): Οωα-δαρος: Δερεμις: псид. Δερι-μοας: Δαρων: Οαρνος: кил. Σαρι-δερας и др. — Лик. -δασις и т. п.: лик. В *dezi* ³⁸. — Лик. Δευ-χτωβελις (не Δευχτω-βελις!) лик. В *dewi-* (см. ниже). — Кар. *dovl*: лид. *↑uvelli-* (посессивы от основы, соответствующей лик. *tuwe-* «класть, освещать» < и.-е. **dne-* — Кар. *dūgnea*: «вост.-фриг.» Δο-υγμηος (большинство восточнофригийских имен несомненно являются хетто-лувийскими). — Кил. Δορτις: лик. *θurita*, *huritu*, *urta* (Ορτα-) ³⁹. — Псид. Δο/ωτ-: ликаон. Δουθ-. — Кил. Τβιος: Ρων-δβις: псид. ликаон. Ποδα-δβιου (< **Pdda-tbi*?: кар. Κωα-τβης и псид. Τβημης?): лик. *cbi*, *tbi* < **dwi* (?). — Лик. *ahāma*: лид. *ašēmi* от **asi-* «любить»; — Лик. *Ešēmi* = *Ehetēmi*: *Esete*, *eseti*, *esetesi* (лик. В). Исавр.

«отец»; менее отчетлива параллель лик. В *ddelupe-li*: *taluppi* «Tonfetzen» и др.), однако в *dde-ze-du* «пустить доложить» основа глагола соответствует лид. *da-ja*, где *da* < и.-е. **do* (как и русск. *до*).

³⁸ Ср. хет. *dassu* «сильный» и др. Здесь лик. *z* передает **s* перед гласным переднего ряда (ср. *pzzi*., но *pssa*: примеч. 33); *z* < **s* регулярно также перед сонантами: *zrqq*., *zriqg*- при хет. *sarh* — «нападать», *rbb̄lā* «рисунок, изображение (на камне)» при лид. *ēn-sarb* «впарывать». Лик. *z*, как и лид. *↑*, может восходить к **d* (*ziwi* дат. пад. ед. ч. при дат. мн. ч. *zawa* и прилагат. *ziwalā*: *↑iv* (*i*) «бог»; *zi(-)*: *↑(i-* «день») или **dh* (*ze-* — но и *ta-*, *da-*: лид. *↑e-*, *↑a-*, *↑uve-*, в карийском, однако, *de-*, *dov-*). Наконец, лик. *z* может соответствовать хет.-лув. *z* (лик. В *ziti*: хет.-лув. *ziti* «мужчина»).

³⁹ Как показал А. А. Королев, ликийские слова *θr̄t̄ma* и *hr̄t̄ma*, встречаясь в сходных контекстах, идентичны в семантическом отношении; соответствующая основа представлена, возможно, и в лик. *r̄t̄ma* (*zata*). Очевидно, звонкий спирант *θ*-([d]) мог исчезать в ликийском, проходя через ступень *h* (легкое «звонкое» придыхание). Не исключено, что об аналогичном явлении свидетельствуют и основы *θurti*-*hurit*-*jurit*., а также параллель *Ερμαδортаς*: *Ερμανδортаς*. Г. Нойман в своей рецензии на книгу Згусты (см. «Göttingische gelehrte Anzeigen». 1966, стр. 311 и сл.) выделяет основу *ermanda/i-* в *Ερμανδортаς*, *Ερμαδортаς*, *Ερμανδαννας*, *Ερμανδουβερτις*, однако едва ли это верно: видимо следует членить *Ερμανδαννας* (см. выше), *Ερμανδουβερτις* [ср. *Περπευ-δουβερτις*, *Αρ-δουβερτις*, *Ξαν-δουβερτις*; основа *-δουβερτι* соответствует лик. *tuburi* (этноним) кар. Τοβωρ(ορος), ср. название города Τοβερτισσος]: ср. *Ερμα-τοβωρτις*. Ясно, что постулированной интерглоссы 1016 не существует.

Γιος: кар. Γαλις, *gialv*: Γεις. — Кар. *ieavna*: малоазийск. догреч. Ιαβον (лик. *iāna* < **ijawāna*). — Кар. *ilū* (< **ilūwa*): исавр. Ιλου-, Ιλλος, Ιλως. Лик. Γνεσσωμος (и псид. Γνωα?): кар. *invse* (ср. ликийские имена на *-euse*). Лик. *Ipresida*: *ipre-hi*: лид. *ifr-li*: хет. *hippara* (член определенной социальной группы; заметим, что хет.-лув. *h* довольно часто исчезало в лидийском и редко в ликийском). — Лик. Ισσα-кар. Ισσα-, Ισε- и т. п.: лид. *isa-* (?) (ср. хет. *issa* «создавать» и др. ?). кар. *iūla* (θε)⁴⁰: лув. *ajawala-* (от *aja-*, хет. *ija* «делать»). — Лик. *Klrra*(si): кар. Καλβα: «южнофриг.»-лик.-κίλπος: анат. *Halra-*. — Псид. Καλλ[α]: лид. *kan-lajela* (название месяца). — Лик. *kāta*: (*Dda*)*kāta*: Кевд: Кινδ и др.: хет. *handant* «истинный, верный» и др. — Исавр. *Κανζως*: лик. *qāza* (см. выше). — Ликаон. Κινθιλανος: лик. *qātili* resp. *Kātila* (ср. также примеч. 39). — Кар. Καφενη: хет. *happinant* «богатый» и др. — Лик. *Qarānaka*: псид. Οα-καρνιος, Кернас: топоним кар. Αλι-καρνασσος: хет.-лув. *harn-* (возможны омонимы). Лик. (*Dda*) *qasa*, Ερβι-γεσις, Τορλον-γασος: кар. *Κασησις* и т. п.: хет.-лув. *has-* «рождать» (возможно, сюда относятся и некоторые имена на *Καζ-*: ср. лик. *-gez-/kzz-* < **has-*). — Кар. *Κασβαλλις*, *Κασβαλλι-* (< **kasbal*, ср. *χsb*): анат. **hasballi-* (возможны два значения). — Лик. Δευ-κτιβελις⁴¹: Ερμα-κτιβιλος (не Ερμακτι-βιλος!): *Hri-kttibi*: кар. *Κυτβελημις* = лик. *getbeleimi* (!): кар. *Κτουβολδος* (< **katbal* < **hatballi-*): лик. *ktiba* «вредить» [глагол образован от существительного на *-b*, восходящего в свою очередь к глаголу *ktta-*, ср. лик. *V qttide* «выбил» при хет. *hattāi* «бить» и др. В хетто-лувийских текстах встречается много имен с «негативным» значением образующих основ; интерпретация таких имен не сложна: это «поражающий (врага)», «воин (такого-то бога)» и т. п.]. «Вост.-фриг.» *Κιδρα-μουης*, псид. *Κιδρολλας* (лик. *qidrala!*): лик. *qidridi* (глагол): хет. *hatrai* «щисать» и др. (обычно хеттские глаголы на *-āi* соответствуют в ликийском глаголам на *-i-*: ср. *qtti-* выше и др.). — Псид. *Κιλλρας*: топоним кар. *Κιλδαρα* (λλ, λδ передают особый звук, восходящий к

**l'* < **li*: ср. суффикс *-ωλδ-* < **al'* < **alli-*; ср. параллели кар. *mesnal*: лув. *masnalli-*, кар. *Κοστωλλις*: хет. *Hastali-*, кар. *dovl*: лид. ↑ *uvelli-* и т. п.). — Лик. *Kluwānimi*: *Κλοινι-*: *Ιδα-κλοα*: хет. *halluwāi-* „streiten“ (ср. лик. *V klusā*, кар. *γλους* — Исавр. *Αρι-κησος*: кил. *Θαα-κμις*: лик. *ōmī* — «Капад.» *Κοβδης*: лик. *kupdi-*. Псид. *Λωγβα-σι-ς* (не *Λωγ-βασις*!): хет. *lahba-* «слоновая кость». — К исавр. *Λεμας*, кил. *Λεμις* не имеют никакого отношения имена кар. *Κυτβελημις* (см. выше), *Σιδ-υλημις*, лик. *Ναλημις* и др. — Исавр.-кил. *Λεις*: лик. *lijei*; кар. *lāia-*: кил. *Λεαλις*: псид. *Λης* и др. (ср. глаголы лик. *V li-de*, *li-ka*, *laja-ta*, *lā-te*⁴²; все к хет. *lā-*, *lilāi* «освобождать (от грехов)» и т. п.; ср. далее кар. *lo-s* «изготовил», буквально «высвободил (статуэтку из гипсовой формы)»; *lile-s* в сочетании *mukawar lile-s*: хет. *mukawar lilas* «ритуал очистки»). — Исавр. *Λιγγης*, лик. *-Λινγης* и др.: хет. *lingāi-* «клятва». — Исавр.-кил. *Λιπεις*: хет. *lirpāi-* «раздавить» (о «негативных» значениях основ имен см. выше). — Кар. *Λυξης* = *λυξε*. — Кар. *λυ-ке*: малоазийск. *Λυκα-* (и лид. *Siluka*?). — Кил. *Λουνηος*: кар. *λῆνοῖ* (идентификация М. Попко). — Лик. *Λοσατιος*: *lusasi* (ср. *Τρεβε-λουσις*??). — Кар. *λυλο*: кил. *Λουλος* пис.-ликаон. *Λουλος* (ср. лув. *luwili* (: кил. *Λους*: кар. *Λουνας*: пис. *Ουτα-λουος*). — Лик. *Medemudi*: хет. *mutamuti-* (название птицы). — Лик. *Μετμυι*: *mētre-*, *māmre* (обозначение лип; редупликация **me/ar-*?). — Лик. *Μεριταβα* *Μεριν-δαση* и др.: *meri* «копье; воин». — Лик. *Mān*: *Mana-ki*: *Mava*: *Mavēis*: *Οτο-μενης* (*Οτο*: *Sem-uta*: *Ute-wē*): кил. *Τρογο-μωνης* и т. п. — Памф. *Κενδε-μαρας*: псид.-ликаон. *Μαρα-μοας* и др.: лик. *mara* «установление, предначертание». — Лик. *Mrbb-*, *mrbbe*: *mrβzas* «словá» (лик. *V*: *mrβzas uwei* «пишет слова»: ср. лид. *uve-* («пред)писать»). — Псид. *Μασκος*: лик. *mas-kkēt* (ср. иер. лув. *mashan-* «fördern»). — Кар. *mavāEp*: «вост.-фриг.» *Μαουενη*: кар. *mav/vna*: псид. *Μαυενα*: лик. *ma-wa* (имя богини: ср. кар. *Μαυσαλλος* и др.). — Малоазийск. *Α/Ε/Ιμμι-*: лик. *mīmi* (обозначение лица). — Исавр. *Μιδω-τας*: лид. *midata-* (где *-τα-* < и.е. **tjo*). — Лик. *Μιον*, *Μεις* и т. п.: хет. *māi-/mija-* «расти, процветать». — Исавр. *Μινδης*: лик. *mīnti* «совет» (ср. имена от *tuli* «совет»). — Кил. *Μισος*: псид. *Μισαις*: кар. *mzai*: *Μισσα-υαδς* (ср. «вост.-фриг.» *Ουαδς*, исавр. *Wadημις* — не *Wa-δημις*! — и т. п.). — Лик. *Μογης* и др.: хет. *mugāi-* «молить» (?). — Лик. *Mula* и др.: *mulēni* (лик. *V*). — Лик. *Μονις*: кил. *Μονεμις*: лик. *muni* и др. (ср. хет. *munnāi-* «verhüllen?»). — «Вост.-фриг.» *Ναβα*: кар. *Ναδος*: *nad*. — Исавр. *Ναλη-*

⁴⁰ Ср. имена собственные кар. *deulaθε* и лик. *Γενδουλατις*, образованные при помощи двух суффиксов от глагольных основ *de-* и **kāt-* или **genz-* (хет. *handāi-* «zurüsten» и др. — или хет. *genzuwāi-* «freundlich behandeln», откуда *genzu-wala-* и «freundlich»: ср. *ajawala-*).

⁴¹ Если ориентироваться на значение второй основы, можно предположить «негативное» значение и для первой (ср. лик. *V devī(s)* — определение к *zrētēni* «отщепенец»). В любом случае, однако, вся интергlossa 186 иллюзорна.

⁴² Этот глагол управляет аккузативом и не имеет значения «умирать».

μς (как явствует из предыдущего, интергlossa 28, куда Згуста включил это имя, иллюзорна): псид. ликаон. Ναλαγλας (ср. лик. *Kliwa-* и др.): ликаон. Νελωμανος (к лик. *nele?*).— Лик. Ναρς, -варς, -neri (ср. *naferi*, лид. *nār-* и т. п.): кил. Οπενας [ср. лик., кар., хет. *up-* «(подниматься) вверх»], Σουμανης (**Zuṁma-neri*) и др.— Лик. *Dde-newele* (и *Dee-(a) pñ-newe?*): псид. Ναως; кар. *nava-* (очевидно, к хет. *newa-* «новый», иер. лув. *nawa* «сын» и т. п.).— Малоазийск. Νει-: лид. Νια: кар. *nā-* (из **nija-*) и др.: лик. *nijāi-, neitalā, nēnija-* (глагол) и др.: хет. *nāi-, ne-* «направлять, вести» (сюда и лик. *nat-ri*: псид. Νετρς; др.-линд. *netar* «вождь»).— Кил. Νους; ликаон. Ελυους; лик. Οσανος; кар. *nā(ta)* и др. (основа **nuwa*).— Лик. *Padrāma* и др.: *padre-* (лик. В глагольная основа; ср. еще имя деятеля *pidritēni*).— Лик. Πιντη; кил. Βινθη-μ (это имя никак не связано с Тархонθ-μ.ι.)— Лик. *Pajawa*: хет.-лув. *pāi-/pija-* «давать» (сюда и лик. В *pise?*).— Кил. Проус; лик. В *pruwa* (ср. Прову-: лик. В *prukhs*).— Кар. Πλους; лик. Πλασας; Πλου: *u-pluwi*.— Лик. Ποττεις; *Putinezi*.— Лид. Σαγωιης; лик. *Zagaha* и др.— Лик. *Sltmewe*; *Hitmi-dewe*; Ποσελιμος; псид. Σαμας; лик. В *slāmāti* «изображать, запечатлевать» (объект *zrbllā* «рисунок» и т. п.): кар. *slmado* (императив без объекта). Эта основа не связана с *Hla*, лик. В *sla-*, лув. *sasla-*.— Лик. Σαβαλας; лик. В *saba*.— Много имен включает в основу **sam-* (представленную в лик. В *sīmēte*— дат. пад. мн. ч.— и др.).— Лик. Σύμβρας, Σουβρας; *zṁpra* (ср. глагол *zṁp-de*).— кар. Σαγγωδος; хет. *sanh-* «стремиться».— Кар. Σαρ-: лик. Σαρητος (ср. лид. *sarēta-?*): Σερ-: *H/hri-*; хет. *sēr, sarā* «вверх(у)». Лик. Σερποις = *Zrppudei-ne*; *Zrppedu* (Сарпедон).— Исвар. Σουλλις и др.: лид. *ḡulos* «сын» (хет. *sulla-*).— Лик. *Stemaha-*: хет. *istamasa-* «слышать» и др.— Лик Тохолια: хет. *taggalija-* «обнимать» (но ср. кил. Τουκολεις).— Лик. Ταλι-: *Tele*: лик. В *tali* (ср. хет. *tallija-* «вызывать к богам»).— Лик. *Tṁpeimi*; *Tettṁpe*: *iḡre*; *tṁperi*; *tṁpewēti* (последняя форма — не аблатив, а чистая основа на *-ēti* < **-anti-*). Исвар. Θεουρας; лик. В *teure* (эпитет к слову со значением «бог»). Лик. (*Epn*)*tibaza*: ликаон. Οσανγ-δισσσι-: псид. Τιβαλος (**tibali*) и др.— Кар. Τρωλις (< **troula*): Τρωσης (ср. топоним лик. *Trus*): Τρουσαδας; исвар.-кил. Τροτονος; лик. *truse*⁴³ и др. (очевидно, эта этнонимическая основа восходит к и.-е. **treu(s)-* «продветать»; она

представлена в названии Троп, которую в гомеровскую эпоху населяли хетто-лувийцы, и, возможно, в названии этрусков. Эта основа имеется в самоназвании миллийцев, как это следует из фразы *sebe nte laβra trujeli zazati nbb* «я на камнях (ср. лид. λαβρος и т. п.; к лув. *lawar-* „ломать“ [он] по-миллийски (=по-трусски) пишет так)».— «Южнофриг». -лик. Ουβαςις; Τουλ-ουβαςις (не Τουλου-βαςις!); как и в целом ряде других имен здесь налицо основа **uba*.— Лик. Οβρα-ογελις (Οβρα-: лик. В *ubre-*): Ογωλλις и др.— Лик. *Unuwēmi* («украшенный»); кар. *Unuwala* (ср. лув. *aja-wala*, кар. *iula* и т. п.).— Лик. Οσετης; *Uhetēi* и др.— Ликаон. Ουαχα = кар. Ουωκης (одно из многочисленных имен от основы **uw*⁴⁴).— Псид. Ουαμελι- (и кил. Ουομυος?): лид. *Si-vām-* (ср. лид. *-vāmi-* и хет. *wemija-* «находить, встречать»).— Лик. Ουλος; кар. - *ūluḡ*.— Οαρωλλος (локализация неизвестна; явно восходит к **warralli-*, ср. кил. Οαρς и лик. В *wirasaja-, warasije-*, хет. *warressa-* «помогать»).— Лик. Οα(ο)α в точности соответствует лик. и иер. лув. *wawa* «бык, корова» (название несомненно очень почитаемого животного).

Идентифицировав в своих интергlossах ряд основ, Згуста оставил без внимания аффиксы, а их систематизация многое дает при изучении малоазийской ономастики.

В именах выделяется ряд префиксов индоевропейского (хетто-лувийского) происхождения: **para-*, **sara-*, **anta-*, **appa(n)-*, **da-* и др.

Особенно большую группу среди аффиксов образуют суффиксы:

-b-: лик. *Qñiba* (ср. *qñbe/kñtaba* «наставление», от **hanta-* «определять»), кар. *ḡsb* (ср. лик. *Kzsb-*), кил. *Kilaβos*;

-d-: лик. *Kulida, Tuwada*, Αρμαδα-, Αρσαδα-, Μουταδης;

-k- (< **-h-*): лик. *Kñnaka, Termaχας*, кар. *Iδακος, Ουωκης*, псид. Αρακχι, Οριακης, Εναρακης, ликаон. *Ivδακος*, лид. *Σανδωκης*;

-l-: < **-(l)li-*: лид. *Kunli-*, лик. Тоаллиς (лид. *↑uvelli*, кар. *douli*), кар. *mesnal* (ср. possessивы имен *luχzeḡ, tavaseḡ, esouḡ, nadḡ* и т. п.), Κοστωλλις, Μαυσσωλλος, кил. Οξολλας, Μαρολλας, Λεαλις; -*m(i)-*: лик. *Κασσιμιος, Αλαμις, Γελλεμις*, кил. *Iγγαμις*; четко выделяются также *-n-*, *-nd-*, *-nz/s-*, *-r-*, *-st-*, *-t-*, *-s-*, *-z-*, *-w-*, причем эти элементы подчас входят в более сложные суффиксы.

По большей части аффиксация предстает перед нами как живое явление, имеющее четкие аналогии в системах основообразования соответствующих поздних языков.

В заключение укажу на некоторые неточности технического порядка, имеющиеся в рецензируемой работе.

В состав изолированных имен Згуста часто включает композиты, один из компонентов которых представлен в обычных изогlossах (ср. изолир. лик. 90 Μερν-δαστ, но это же имя и в 95;

⁴³ Ср. эту основу в этнониме и имени лица лид. Τρωγ(ι)λος (ср. лик. *gla* < хет. *hila*, карийский топоним Σαγγελα < **suwahila* и др.). Ср. лик. Γελλεμις при хет. *hilammi-* «Pfortner».

изолир. кар. 20 *Oba-ssitas*, но оно же в 50 — и т. д.); в списках изолированных имен следовало бы «неизолированный» компонент брать в скобки.

Во многих случаях Згуста допускает неточности в цитации имен. Так, поскольку в надписях засвидетельствованы лишь адъективы на *-eh* имени *Ertelijesi*, Згуста цитирует две теоретически возможные формы номинатива *Ertelijesa-ji* (§ 359—1 и индекс; для чего здесь и в других подобных случаях Згуста ставит дефис после номинатива с нулевым окончанием — неясно⁴⁴), причем в инт. 90 цитируется лишь вариант *Ertelijesa*. Ясно, однако, что существовала лишь форма *Ertelijesi*: ведь это имя представляет собой по происхождению посессив от **erteli*, а посессивы имели исход номинатива на *-i* (ср. *Pure-si*, *Mulesi*, *Mullije-si*, resp. *Mulli-jesi*, *Klppa-si*). Соответственно вместо *Purihimrbbesa-ji* (§ 1292—7), *Purihimrbbesa-* (индекс), *Prihimrbbesa* (инт. 90) следует восстановить *Purihimrbbesi*; вместо *Crupssa-ji* — *Crupssi* (ср. *θρυψς* в греческой версии). Вместо *Epplēma-ji* (§ 343 и индекс); *Epplēma* (инт. 90) следует дать *Epplēmi* (ср. имена на *-mi* от различных основ: *Ehetē-mi*, *Io(j)uwe-mi*, *Trbbēni-mi*); кстати, существует ведь композит *Esed-epplēmi/Sed-epplēmi*; соответственно вместо *Kezrima-ji* (§ 592 и индекс), *Kezrima* (инт. 90) следует восстановить *Kezrimi*; очевидно, следует давать *Tutinimi* (ср. § 1584 — 2 *-ma-ji*, индекс *-ma*).

Судя по *Pinteusi*, имена на *-eus* имели номинатив на *-i* (Згуста же восстанавливает, на основе посессива, номинативы *Ŋtarijeusa-*, *Edrijeusa-ji*).

В ряде случаев, особенно цитируя формы на *-ai* в разделе «Имена», Згуста приводит лишь формы на *-a* в инт. 90 (*Kzzubeza*, *Mānuceida*, *Pizibida*, *Qāiba*, *Sāneta* и др.), инт. 110 (*Turl-(l)a-*):

⁴⁴ Дефис при основе оправдан лишь в том случае, когда форма номинатива точно не известна и когда имя цитируется как часть зафиксированной в текстах формы адъектива или косвенного падежа, которая остается после отсеечения суффикса или окончания: *Plezzijehe* (при вероятном номинативе *Plezzijehe*) — ср. датив *Plezzijeheje*. Сказанное верно и в отношении апеллативов.

аналогичное в индексе (ср. здесь еще и *Kzzbāsa-*: *i*-основа?).

В § 272 Згуста дает имя *Ddepñewa-ji*, в инт. 90 *Ddepñewa-* и в индексе *Ddepñewa*. На самом деле мы, очевидно, имеем дело с именем *Ddepñewe* (в любом случае этот наиболее вероятный вариант, обусловленный характерной гармонией гласных и внутренней формой — см. выше, — следовало бы привести в первую очередь).

В § 1273 Згуста приводит имя и датив *Plezzijehe*, восстанавливая на его основе номинатив *Plezzihā* (ср. также инт. 90 и индекс). На самом деле в 138 надписи мы находим датив *Plezzijeheje*, на основе которого можно восстановить номинатив *Plezzijehe* или *Plezzijehi*.

На стр. 55 приведена старая транслитерация *Aluš Mretlizul* вместо новой *Aluš Mretlis* (*u-l* — глагол «написал»), принятой Згустой же (стр. 336). Стр. 312: *Μεσσυλλος*, но стр. 617 *Μεσυλλος*. Стр. 541: *θουσαλλος* oder *θουσαλλος* вместо *θουσαλλος* oder *ουσσαλλος*. Стр. 542, примеч. 37: ссылка на инт. 26k вместо 26i. Стр. 543, примеч. 45: ссылка на § 451—4 вместо 451—3. Стр. 547: *Esðēmi* вместо *Esðemi*. Стр. 548: *Ttijēzezi* вместо *Trijēzezi*. Стр. 549, примеч. 86: ссылка на инт. 26 s вместо 26 h (в инт. 26 h вместо ссылки на примеч. 36a имеется неверная ссылка на примеч. 36). Стр. 556: отсутствует обозначение интергlossы 196 с. Стр. 652 (и § 116 на стр. 104) *Asawazala* вместо *Asawāzala*. Стр. 653: *Erbbima* вместо *Erbbina*. Стр. 655: *Temuseta* вместо *Temusemuta*. Стр. 656: *Wazrija* вместо *Wazrije*. В индексе при именах *Ratapata* и *Watapdata* указан § 1321—1, тогда как в действительности они рассматриваются в § 1322—1.

Все сделанные в настоящей рецензии замечания не умаляют исключительного значения монографии Згусты. Следует лишь учесть, что общая картина распределения интергloss — и соответственно схема локализации позднететтолувийских диалектных особенностей — должна несколько отличаться от той, которую нарисовал Згуста. Более точную карту изогloss можно будет создать в результате «лингвономастических» исследований, стимулировать которые призвана рецензируемая монография.

В. В. Шеворошкин

«Russisches geographisches Namenbuch». I, Lf. 1—3 unter Mitwirkung von I. Coper, I. Doerfer, J. Prinz, R. Siegman, hrsg. von M. Vasmer; II, Lf. 1—M. Vasmer und H. Bräuer; II, Lf. 2—H. Bräuer.—Otto Harrasowitz Verlag, Wiesbaden, 1962—1965. 1000 стр.

Академией наук и литературы в Майнце (ФРГ) начиная с 1962 г. издается многотомный «Словарь русских географических названий». К настоящему времени вышло уже пять выпусков словаря, содержащих названия населенных пунктов от *Абабакова* до *Горки Большие*, всего около 80 тысяч названий.

Основателем словаря и редактором его первых выпусков является М. Фасмер (1886—1962). Еще в самом начале 30-х годов у М. Фасмера возник план создания возможно более полного перечня всех географических названий Европейской части России. По первоначальному замыслу такое собрание названий должно было содержать все формы всех названий, зафиксированных всеми источниками, начиная от первых письменных памятников и кончая самыми современными данными, приводить сведения, необходимые для локализации этих названий, а также содержать их этимологии или во всяком случае подготавливать материал для этимологизации. Такой словарь, позволяющий выявить структурные типы русских географических названий и области их распространения, совершенно справедливо представлялся ему полезным для различных областей знания и особенно для славянского языкознания и ранней истории славян, исследования их этногенеза и миграций.

Реализуя мысль о создании полного этимологического словаря русской топонимики, Прусская Академия наук создала в 1933 г. группу, начавшую под руководством М. Фасмера сбор географических названий. Работа продвигалась довольно успешно и собрание насыщалось уже около 300 тысяч названий, когда в начале 1945 г. оно было утрачено. Возобновить эту работу М. Фасмеру удалось лишь в 1950 г. На этот раз она велась в рамках Академии наук и литературы в Майнце.

В ходе работы выяснилось, что первоначальный широкий замысел создания этимологического словаря оказался невыполнимым. Пришлось отказаться от наиболее сложной в научном отношении части работы — этимологической интерпретации топонимов, а также от выявления форм, зафиксированных в памятниках письменности, и ограничиться лишь составлением инвентаря названий на определенную дату. Безусловно, что осуществление и этой задачи было делом весьма нелегким, но здесь трудности лежали уже главным образом в области организационной работы: сбора, систематизации и идентификации материала.

Результатом деятельности возглавляемой М. Фасмером группы явилось начало

издания параллельно двух топонимических сводов: по гидронимам (с 1960 г.) и по названиям населенных пунктов (с 1962 г.). Если учесть, что оронимия для Европейской части СССР вследствие преобладания равнинных пространств не имеет существенного значения, а микротопонимия настолько необъятна и не изучена, что об ее сплошной систематизации не может быть и речи, то можно считать, что указанные издания в основном охватят топонимию рассматриваемой территории.

Из «Словаря русских речных названий»¹ к настоящему времени вышло восемь выпусков, содержащих названия рек до *Олукстница*. Этот словарь уже рецензировался в нашей печати². Ниже мы ограничимся рассмотрением словаря названий населенных пунктов.

По своему содержанию словарь представляет собой инвентарный перечень названий населенных пунктов. Информация, сообщаемая по каждому из названий, минимальна и включает следующие сведения: название, его старое или параллельные формы, характер и административная принадлежность поселения, к которому оно относится, и источники, по которым установлены приводимые данные. Представление о содержании словарной статьи могут дать следующие примеры: «*Ваньково (Иваньково)* деревня на р. Боровская Рось, 3-я волость, Старорусский уезд, Новгородская губерния (Список населенных мест Новгородской губернии)». Иногда справка имеет несколько иное содержание: «*Вапеница* (литов. *Vapenica*, польск. *Wopienica*), деревня, Мейшагольская волость, Виленский уезд» (и далее источники). Варианты названий включены в алфавит словаря, но сопровождаются более краткой информацией, чем основные названия. Например: «*Бесово Устье* см. *Бесоновская* 1-я волость, Пудожский уезд, Олонецкая губерния (Список населенных мест Олонецкой губернии, № 3819)», т. е. отсутствует указание на характер объекта и географическая привязка.

Названия, образованные словосочетаниями, приводятся в словаре дважды, на первое и на второе слово, например: *Корпи-Вара* и *Вара, Корпи*; *Голодная Барака* и *Варака, Голодная*. Основным считается написание с обычным поряд-

¹ M. Vasmer, Wörterbuch der russischen Gewässernamen, Berlin—Wiesbaden, 1960 —

² В. А. Никонов, [рец. на кн.:] M. Vasmer, Wörterbuch der russischen Gewässernamen, сб. «Этимология», М., 1963.

ком слов, куда дается ссылка от перевернутого написания и которое сопровождается полными пояснениями. Перевернутое написание сопровождается краткими пояснениями по схеме, принятой для вариантов названий.

Названия, установленные по источникам на русском языке, приведены в современной орфографии, но для заимствованных из источников на других языках сохранена орфография подлинника: *Bepir Bezegievskij, Berih Voukic, Brzeg Kutu* и т. д.

Объем словаря довольно значительный: по завершении он будет состоять из десяти томов по три выпуска в каждом, общим объемом около 500 тысяч названий населенных пунктов. Объем каждого отдельного выпуска стандартен: 240 страниц, содержащих около 16—17 тысяч названий.

В словарь включен топонимический инвентарь всех губерний Европейской части России в границах 1880 г., без Финляндии, Прибалтики и Польши. Исключения сделаны лишь для отдельных районов этих территорий, выделенных или по признаку преобладания восточнославянского населения, или по наличию в источниках восточнославянских форм для названий населенных пунктов. Так, включены названия всех восточнославянских поселений в Буковине, русских поселений около Нарвы. В Галиции учтены все поселения восточнее р. Сан независимо от языковой принадлежности населения, а из поселений к западу от Сана те, для которых источники указывают или значительное восточнославянское население, или закрепившиеся восточнославянские формы названий. В Закарпатской Украине отбор произведен по словарю географических названий Чехословакии Б. Хромца³. Из Ковенской губернии в словарь вошли Ново-Александровский уезд полностью и из Вилькомирского уезда — вся пограничная полоса.

В словарь вошла топонимия и ряда польских уездов. Полностью включены названия уездов, имевших значительную долю восточнославянского населения. К их числу отнесены: в Люблинской губернии уезды Билгорайский, Хелмский, Томашувский, Хрубешувский; в Седлицкой губернии уезды Бяльский и Влодавский; в Сувалкской — уезды Августовский, Сейнский, Сувалкский. Из остальных уездов Люблинской и Седлицкой губерний отобраны лишь такие названия, в которых чувствовалось восточнославянское влияние, или те, для которых какие-либо источники содержат указания о имевшейся там значительной доле восточнославянского населения.

Но если принятая граница позволила выделить область распространения вос-

точнославянской топонимии по состоянию на 1880 г. (дата важна, так как ныне границы этой области иные), то внутри области этно-лингвистический принцип выдержан не был. Для такой многонациональной страны, как Россия, даже ограничение материала рамками европейских губерний неизбежно повлекло включение, кроме восточнославянских названий, также и финно-угорских и тюркских в Поволжье, карельских названий на Севере, тюркских в Крыму и т. д. Особенно обращают на себя внимание включенные в словарь названия уже давно исчезнувших немецких колоний: *Альт-Веймар, Альт-Данциг, Грос-Вердер, Клейн-Вердер, семь Блюменталей, девять Блюменфельдов, Блюменгоф, Блюмендорф, Блюменорт* и т. д., и т. п.

Для оценки словаря первостепенное значение имеет выяснение использованных источников. Из 109 работ, приведенных в списке источников, 49 издано в XIX в., 25 — в России до 1917 г., 26 — после 1917 г., но вне СССР и всего лишь 9 работ, изданных в Советском Союзе после 1917 г. Главное место среди использованных источников занимают списки населенных мест Российской империи, издававшиеся по губерниям во второй половине XIX в. Эти списки положены в основу словаря, а остальные материалы использовались главным образом в качестве дополнительных для выявления вариантов названий. Из словарей привлечены: «Географическо-статистический словарь России» П. П. Семенова, латвийский топонимический словарь акад. Я. Эндзелина и 15-томный географический словарь Польши⁴. Использован ряд монографических исследований, например, «Материалы для географии и статистики России» (СПб., 1863); В. К. Гульдман «Подольская губерния. Опыт географо-статистического описания» (Каменец-Подольский, 1889) и ряд других. Картографические материалы при составлении словаря использованы слабо: «Большой всемирный атлас» (изд. Ф. Маркса, СПб., 1905), «Атлас мира» (М., 1954) и «Генеральная карта Средней Европы» масштаба 1 : 200 000 (без указания места и года издания) исчерпывают их список.

Из советских источников использованы справочники административно-территориального деления СССР за 1960 и 1962 гг., ведомости Верховных Советов СССР и РСФСР за 1959 г., списки населенных мест Минской губернии (1924 г.) и Орловской губернии (1927 г.), справочник административно-территориального деления Литовской ССР за 1959 г. и «Русско-белорусский словарь» (М., 1953), а также упоминавшийся выше «Атлас мира».

³ В. С h r o m e c, *Mistopisny slovník Československé Republiky*, Praha, 1935.

⁴ «Słownik geograficzny Królestwa Polskiego», Warszawa, 1880—1902.

Использование даже этого небольшого числа советских источников позволило все же составителям словаря включить в него ряд новых названий, появившихся в результате переименований или наименований возникших за годы советской власти населенных пунктов. Однако во всех случаях переименования включены лишь для того, чтобы отослать читателя от них к старым названиям. Например, от *Белогорска* дается ссылка к *Карасубазару*, от *Белинского* к *Чембару*, от *Артемовска* к *Вахмуту* и т. д. Этого же правила придерживаются и в тех случаях, когда национальные названия были изменены в целях уточнения их транскрипции. Так, от современного *Вильнюс* читатель отсылается к старому неправильному *Вильна*. Некоторые названия новых населенных пунктов, возникших после 1917 г., также включены в словарь, например, *Апатиты* (Мурманская обл.)

В ходе составления словаря были сделаны некоторые интересные наблюдения над топонимией России. Прежде всего отмечается, что из названий, имеющих одновременно в нескольких различных источниках, примерно только пятая часть дается всеми ими в одинаковой форме. Отмечается также упорядочение названий населенных пунктов в советское время, что связывается с улучшением почтовой связи и ликвидацией неграмотности. В частности, замечено восстановление национальных названий в областях с нерусским населением, стабилизация и сокращение звуковых форм, а также уменьшение количества вариантов названий одного и того же места. В связи с публикацией в Советском Союзе за последнее время большого числа списков названий населенных пунктов отдельных областей в будущем предполагается их дополнительная обработка.

На основании сказанного выше достаточно отчетливо выявляются недостатки рассматриваемого словаря. Основной недостаток словаря — его несвоевременность. Представляя собой сводку списков населенных мест, дополненную по некоторым другим материалам, он дает топонимическую картину России конца XIX в. Включение некоторых новых названий и переименований, нарушая логичность содержания, не делает словарь более современным. Определение местоположения населенных пунктов по административному делению конца XIX в. крайне затрудняет его использование в наше время. Территориальный охват словаря также крайне несвоевременен.

Конечно, и эта, хотя и далекая от совершенства, сводка может найти иногда применение в некоторых областях языкознания и географии. В частности, в топонимических исследованиях словарь может помочь хотя бы приближенному выявлению ареалов топооснов, прилагательных, префиксов, употребительных в названиях населенных пунктов, с последующим уточнением полученных данных по современным отечественным изданиям. Удобен словарь и для разнообразных статистических подсчетов: продуктивности топоформантов, тополексем, местных географических терминов. Например, в словаре находим на 291 *Андреевка* лишь 25 *Андреево*, 232 *Васильевка* и 55 *Васильево*, 202 названия *Борок*, 224 — *Бор*, 126 — *Барсуки*, 103 — *Бутырки*, 54 — *Белое* и т. д.

Каждому, кто когда-либо занимался сбором и систематизацией географических названий, легко представить, каких значительных затрат человеческого труда потребовало составление этого словаря. Выписка около полумиллиона названий из более чем ста источников, их идентификация, выявление вариантов и форм, сопоставление административной принадлежности [с учетом многократного изменения административно-территориального деления и, наконец, подготовка этого материала к изданию — все это весьма и весьма трудоемкие процессы. Можно только пожалеть, что такой огромный объем работы дал столь скромные в научном отношении результаты.

Потребность в современном своде топонимов Советского Союза ощущается самым настоятельным образом. Как минимум, он должен содержать все известные формы приводимых названий. Эта задача вполне выполнима и требует лишь серьезной организации. Подобный словарь с приведением всех известных вариантов послужил бы основанием для создания полного этимологического словаря русской топонимики. Организация и осуществление этой работы — дело чести Академии наук СССР.

Е. М. Поспелов

А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. — М.—Л., изд-во «Наука», 1966. Кн. 1, стр. 1—712; кн. 2, стр. 713—1344.

В русской лексикографии давно ощущался пробел. Мы не имели словаря иноязычных слов и выражений, употребляемых в русском языке без перевода. Та-

кой словарь необходим и специалистам-языковедам, и широким кругам читателей. Поэтому выход в свет словаря А. М. Бабкина и В. В. Шендецова был

встречен с большим удовлетворением. Опираясь на картотеку, включающую более ста тысяч выписок из произведений русской художественной, научной и общественно-политической литературы XIX—XX вв., авторы зарегистрировали в словаре огромное количество выражений и слов, понимание которых без перевода не должно затруднять культурного читателя. Авторы снабдили словарные статьи переводом и толкованием слов и выражений и, по возможности, указали их источники. Уже один обширный репертуар слов и выражений, внесенных в словарь, представляет несомненно исключительную ценность.

Р. А. Будагов в рецензии на словарь пришел к выводу, что «авторы проделали большую и кропотливую работу и в целом успешно справились с нею»¹. Рецензент поднимает некоторые теоретические вопросы, связанные с требованиями, которым должны удовлетворять словари этого типа. Возвращаться к ним здесь нецелесообразно. Читатели, которых заинтересует эта лексикографическая проблематика, несомненно обратятся к содержательной статье Р. А. Будагова.

Мое намерение значительно скромнее. Напомню, что словарь, как указывают его авторы, призван «служить пособием культурно-образовательного значения» (стр. 4—5)². К тем его сторонам, которые мешают успешному выполнению этой задачи, мне и хотелось бы привлечь внимание. Ведь недалек день, когда встанет вопрос о перепздании этого остро необходимого справочника, что неизбежно повлечет за собой исправление его ошибок и недочетов. При этом собранные здесь наблюдения, возможно, окажутся полезными.

Прежде всего следует коснуться вопроса, насколько авторам удалось осуществить выдвинутое ими положение: «Заголовочные формы слов и выражений даются, как правило, в современной орфографии, в цитатах же обычно сохраняются орфография источника, исправляются лишь явные ошибки» (стр. 6).

Оставляя в стороне эти несколько странные для словаря «как правило» и «обычно», допускающие немотивированные уклонения от установленного принципа, обратимся к разноязычным текстам справочника.

Словарь включает иноязычные тексты, используя десять языков-источников заимствования. При такой языковой пестроте различна и подача текстов. Наиболее тщательно отредактированы латинские слова и выражения. Приводимые в сло-

варе выражения *advokati diaboli* (стр. 39), *Retro, sanatal* (стр. 1127), очевидно, являются опечатками. Греческие тексты переданы латиницей. Что же касается немецких и французских текстов, то орфография их не может не вызвать серьезных замечаний.

В немецких текстах унификация правописания не достигнута. В них, прежде всего, мирно уживаются *ß* (*sz*) и *ss*. Этим удвоенным *s*, как известно, обычно заменяется *ß* в случае отсутствия в типографском приффе этой литеры. Здесь она имеется. Между тем в одних случаях мы читаем: *Genußjahre* (стр. 557), *Judaskuß* (стр. 704), *gewiß* (стр. 1332), *Kannegießer* (стр. 713), *laß* (стр. 752), *weiß* (стр. 1155), *zweckmäßig* (стр. 1343) и т. д., в других: *aussen* (стр. 873), *bewusst* (стр. 71), *dass* (стр. 359), *Grossvater* (стр. 573), *Gruss* (стр. 167), *lass* (стр. 752), *muss* (стр. 1334) и т. д.

Кроме того, в современной орфографию то и дело проникают элементы орфографии упрямленной: *Armuth* (стр. 950), *Conversation* (стр. 295), *Disciplin* (стр. 968), *gethan* (стр. 358), *Gemüth* (стр. 807), *Konversationslexicon* (стр. 719), *Königsthron* (стр. 841), *Lebensfluthen* (стр. 661), *Rothwelsch* (стр. 1137), *That* (стр. 1316) и т. п.

Наконец, очень велико в заголовках и в тексте статей количество грубых орфографических ошибок: *die Künst* (стр. 18), *fiel* вместо *viel* (стр. 71), *Ausflüg* (стр. 133), *benunzt den Augenblick* (стр. 167), *best Gruss* (стр. 167), *bürgerliche Drama* (стр. 195), *der blinder Passagier* (стр. 357), *einsam Geist* (стр. 418), *Fakelzug* (стр. 512), *Frage ist erledigt* (стр. 537), *gross Unbekannte* (стр. 573), *Hoch Schule* (стр. 594), *in das idealen Reich* (стр. 649), *Lebensfroch* (стр. 759), *nach Vogel singt* (стр. 911), *sich wichtig zu machen* (стр. 1170), *wehmüttig* (стр. 1327) и т. п.

В равной мере не отредактированы и французские тексты, что привело ко множеству ошибок типа: *à bâton rompus* (стр. 8), *au courant des toutes les choses* (стр. 123), *avoir l'oreille de peuple* (стр. 143), *bal d'adolescent* (стр. 149), *chevalier san peur et san reproche* (стр. 254 и стр. 761), *complication sentimental* (стр. 281), *coq galois* (стр. 295), *donner dernier coup de serviette* (стр. 396), *elle gagne à être connu* (стр. 492), *farce est jouée* (стр. 514), *grande faiseuse des drames* (стр. 567), *grande mère* (стр. 567), *le mariage est tombeau de l'amour* (стр. 1773), *l'ennui est l'ennemie de l'utile* (стр. 775), *le secret du polichinelle* (стр. 784), *les va et viens* (стр. 792), *l'infâme sera écrasé* (стр. 809), *n'hâtez jamais* (стр. 924), *petite drame* (стр. 1014), *petit merveille* (стр. 1015), *pièce à grande spectacle* (стр. 1021), *pour condolier* (стр. 1046), *que femme veut* (стр. 1086), *sauce piquant* (стр. 1150), *sens dessus dessous* (стр. 1164),

¹ Р. А. Будагов, Культурно-историческое значение «Словаря иноязычных выражений и слов», ИАН ОЛЯ, 1967, 1, стр. 84.

² Здесь и далее в скобках указываются страницы рецензируемого словаря.

toujours fidèle (стр. 1249) и т. п. Не привожу примеров произвольной расстановки орфографических знаков (accents). Привести их пришлось бы очень много.

Особенно досадны ошибки в заголовках, когда в оправдательных цитатах их нет. Такие случаи нередки.

Иногда составители словаря имели, очевидно, дело с искаженным текстом. Независимо от того, на каком этапе это искажение произошло — в оригинале ли автора цитаты, в печатном ли его тексте или при записи цитаты на карточку, но неисправленная ошибка дошла до рецензируемого словаря, не остановив внимания составителей. Так возникла фантастическая статья *Rensche Göttin* (стр. 1117). Это не более как испорченное выражение *Keusche Göttin*. В словаре же *Rensche Göttin* значится дважды — и в алфавите и в статье *Casta diva*. Искажено и выражение *Sur le pavé du bon dieu*, которое дается в лишенной смысла форме *Sur le payé du bon dieu* (стр. 1213).

Немало ошибок в толковании слов и выражений. Так, слово *attache* «запястье», которое произвольно акцентировано не подобающим ему accent aigu, попало в качестве третьего значения в статью *attaché* «должностное лицо». И это, несмотря на то, что в оправдательной цитате идет речь о полных, красивых руках с тонкими *attaches* балерины Цукки (стр. 121).

Ошибочны толкования слов *beau-frère*: 1 — «муж дочери» (стр. 157), *belle-fille* 2 — «жена брата» (стр. 163).

В словаре есть статья *chien sans pareil* (стр. 255). Выражение это переведено «беспримечная собака». Стилистическая характеристика — ругательство. В оправдательной же цитате говорится о женщине *d'un chien sans pareil*. Следовало бы дать две статьи — *avoir du chien*, что значит «обладать „изюминкой“ в сочетании с шиком», и *sans pareil* «несравненный». А в словаре комплиментарная оценка превращена в ругательство!

Слово *cochonnerie* (стр. 266) толкуется как «литературное произведение сильного характера». Допустим, что здесь опечатка, и следует читать «сального». Толкование основано на цитате Салтыкова-Щедрина: «Милые *cochonneries*, изящно разыгрываемые на сцене Михайловского театра...». Здесь *cochonneries* — «сальности», но нельзя же все-таки это обобщать как наименование литературного жанра, толковать чуть ли не как термин для обозначения фривольного водевиля.

Обобщенно воспринято и индивидуальное ироническое выражение Добролюбова *mania leontiana* (стр. 839). Указана даже терминологическая приуроченность этого выражения: мед., т. е. меди-

цина, и дано толкование: «мания величия. Ср. *mania grandiosa*». А это всего лишь путка с намеком на Леонтьева.

Train de grande vitesse (стр. 1257), т. е. скорый поезд, толкуется «во весь карьер, во всю мочь» на том основании, что А. Н. Серов шутливо отозвался так о виртуозном исполнении Николаем Рубинштейном пьесы в сверхбыстром темпе.

Вызывают возражения многие переводы. Известный корнелевский стих «*Soyons amis, Cinna, c'est moi qui t'en souvie*» (стр. 1191), т. е. «будем друзьями, Цинна, к этому призываю тебя я», переведен: «Будем друзьями, Цинна, — это мне так же выгодно, как и тебе».

Цитата из стихотворения Виктора Гюго «*Oh, n'insultez jamais une femme qui tombe*» (стр. 956) переведена «О, не подталкивайте никогда женщину, которая оступилась». Не следовало ли предпочесть перевод: «О, не клеймите падшее создание»? Кстати, в этой статье указан источник: «Цитата из стихотворения В. Гюго... „Сумеречные песни“, XIV». «Сумеречные песни» — сборник, а не стихотворение. Немецкое выражение *Los mit dem Krieg!* (стр. 816) переведено «Долой войну!». Между тем оно означает «Давай войну!» Таким образом, милитаристский призыв к развязыванию войны превращен в пацифистский лозунг.

Сведения об источниках в ряде случаев требуют уточнения. Статья *Les travailleurs de la mer* (стр. 791) сопровождается указанием: «Источник выражения — название одного из произведений В. Гюго (1802—1885)». Почему бы не сказать точно: название романа В. Гюго 1866 г.?

В статье *C'est la faute de Rousseau, c'est la faute de Voltaire* (стр. 232) в качестве источника указана песенка Беранже, между тем как он заимствовал эти слова из рефрена ходовой песенки времен реставрации, осмеивавшей поборников старого режима за то, что они приписывали все беды философам XVIII в. Песенка имела много вариантов. Автором мятежской *Madame de Kourdukoff* (стр. 823) указан Д. Д. Минаев.

Следовало бы дополнить словарь статьями: *beau-fils*, *esprit de contradiction*, *Rossica*, *virtuti militari*. Эти слова и выражения нередко встречаются в русских контекстах без перевода.

А. М. Бабкин и В. В. Шендеров, не имевшие предшественников в создании словаря, вложили в него много труда. Можно не сомневаться в том, что дальнейшая работа над словарем устранил его недостатки, и он станет действительно ценным пособием культурно-образовательного значения.

М. Г. Ашукина

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

В 1967 г. на Украине в Киеве начал выходить новый лингвистический журнал «Мовознавство». Судя по двум первым номерам, журнал станет основным органом, освещающим вопросы украинского языкознания на широком фоне общеславянских и общелингвистических проблем. Отрадно отметить, что стремясь к простоте и ясности изложения материала, «Мовознавство» не пошло по пути публикации популярно-развлекательных статей; оно преследует прежде всего научные цели, ставит научные задачи и во многих случаях успешно их разрешает.

Нынешнее состояние и перспективы развития украинской лингвистики изложены в статье И. К. Белодеда и А. С. Мельничука «Актуальные задачи современного языкознания» (№ 1) и в обстоятельном общем обзоре И. К. Белодеда «Развитие славяноведения в УССР» (№ 2).

Журнал поместил также статьи широкого профиля, характеризующие разработку отдельных кардинальных проблем украинистики — грамматики, диалектологии, этимологии, исторической и современной лексикологии: В. М. Русановского «Методы исследования грамматического материала и теория грамматики» (№ 1), И. А. Дзендзелевского «Проблемы современной украинской диалектологии» (№ 2), А. С. Мельничука «Принципы составления этимологического словаря украинского языка» (№ 2), Л. С. Паламарчука «Основные достижения и первоочередные задачи украинской лексикографии» (№ 1), Л. Л. Гумецкой «Исторический словарь украинского языка (некоторые вопросы теории и практики составления словаря)» (№ 1).

Читатель с интересом прочтет статью М. Кочергана об украинских народных названиях месяцев (№ 1), где представлен новый материал и показана специфика украинских календарных терминов на широком общеславянском фоне. Привлекают внимание также статья Т. В. Назаровой об украинских диалектах на Дальнем Востоке (№ 2), в которой впервые, после фрагментарных записей А. П. Георгиевского, мы находим четко, хотя и кратко изложенную характеристику основных типов переселенческих украинских диалектов, и статья А. П. Коваль «Украинцы в Югославии» (№ 2), дающая общее представление о малоизвестном славянском литературном языке — «русинском» (или «бачванско-русской беседе»), возникшем в Воеводине в Югославии на основе одного из западноукраинских, карпатских диалектов.

Отрадно, что журнал уделяет серьезное внимание истории языкознания, проблемам культуры устной и письменной украинской речи. Следует особо отметить высокий научный уровень рецензий, помещенных в первых двух номерах.

«Мовознавство» — орган Отделения литературы, языка и искусствоведения АН Украинской ССР. Главный редактор журнала И. К. Белодед. Периодичность издания — шесть номеров в год.

*

К числу таких авторитетных немецких и австрийских журналов, как «Zeitschrift für slavische Philologie», «Zeitschrift für Slawistik», «Die Welt der Slaven», «Wiener slavistisches Jahrbuch», прибавилось новое издание — «Anzeiger für slavische Philologie» («Вестник славянской филологии»). В конце 1966 г. вышел первый том, посвященный в основном проблемам славянского языкознания.

Характер статей первого тома свидетельствует о том, что журнал намерен в первую очередь уделять внимание вопросам исторического и сравнительно-исторического характера.

Журнал открывается обширной статьей К. Геблера, посвященной древнерусскому числительному *девяносто*, которое оказывается возможным сблизить с готским *niuntehund*. В. Манча рассматривает вопрос о стяжении гласных в славянских языках, выделяя 11 основных типов форм, в которых наблюдается это явление.

Л. Садник посвящает свое краткое исследование случаям замены фориста и имперфекта описательными формами на *-l*, в частности в русском языке. Действительные причастия настоящего времени совершенного вида в старославянском языке рассматриваются в статье К. Троста. Словообразованию сербскохорватских наречий на *-ice*, *-ce*, *-ke* посвящена заметка Л. Хадровича.

Несомненный интерес представляет ответ Р. Айдегмюллера на критическую оценку издания «Шестопьева», данную Л. Мюллером (см. «Zeitschrift für slavische Philologie», XXXII, 2, 1965, стр. 354—370). Р. Айдегмюллер затрагивает важные текстологические проблемы установления протографа и истории списков.

Почти четверть журнала занимает обширный и солидный раздел критики и библиографии, в котором В. Будих дает подробный обзор литературы, посвященной древнерусской глагольной системе; Л. Садник рецензирует работу Шелесникова о развитии славянской падежной системы. Три рецензии посвящены изданиям памятников — Изборника 1076 г., сербскохорватского Лейпцигского кириллического миссала и Библии королевы Софии.

В заключение дается краткая рецензия на первые три выпуска «Этимологического словаря украинского языка» Я. Б. Рудницкого.

Редакторы-издатели журнала Р. Айдегмюллер и Л. Садник.

Журнал выходит не периодически.

Н. И. Толстой

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОНОМАСТИКИ КАК НАУКИ

IX Международный конгресс ономастических наук (Лондон, июль 1966 г.) был посвящен с т р а т и г р а ф и и (хронологизации) собственных имен, в особенности топонимов.

В своем докладе на первом пленарном заседании президент Английского топонимического общества и председатель Оргкомитета IX Ономастического конгресса проф. А. Х. С м и т изложил основные проблемы, которые стоят перед топонимистами современности. Это — выяснение этимологии топонимических элементов, выявление фонетических закономерностей, изучение диалектных влияний и взаимоотношения вариантов, вопросы языковой принадлежности названий, географическое распределение тех или иных типов наименований.

Методы исследования топонимии определяются, прежде всего, особенностями топонимического материала как части данного языка. Современное топонимическое исследование основано на изучении особенностей и последовательности исторического развития названий при ра с м о т р е н и и всей топонимической массы, а не изолированного, единичного явления.

Большинство д и а х р о н и ч е с к и х исследований, представленных на конгрессе, было посвящено изучению топонимических пластов различного языкового и исторического происхождения. Доклады строились на исследовании словообразовательных моделей топонимов с последующим анализом их семантики, рассматривалось происхождение названий и смена продуктивных топонимических типов в процессе эволюции языка. Было показано, что один из наиболее точных методов определения стратиграфических пластов различного языкового происхождения и топонимических датировок — это соотношение топонимических показателей с данными истории, когда имеется возможность точно определить время обитания на данной территории различных народов.

Могут ли определенные структурные типы топонимов, элементы, суффиксы, морфемы явиться точным указателем принадлежности к той или иной исторической

эпохе, — этот вопрос ставился во многих докладах. Для некоторых территорий, как указывает в своем докладе «Структура и хронология славянских топонимических типов» Э. Э й х л е р (ГДР), при достаточном количестве материала он может быть решен положительно. Вместе с тем, напоминает А. Х. С м и т, рассматривая развитие топонимических моделей, принадлежащих различным хронологическим пластам, нельзя забывать, что далеко не все имена могут быть точно датированы. Вопрос топонимической стратиграфии остается до настоящего времени одной из наиболее сложных и нерешенных проблем топонимии.

Исследователей особо интересует топонимия тех территорий, где наименования складывались в борьбе различных языковых влияний. Это — смешение кельтских и романских элементов в топонимии ряда районов Франции (Ф. Ф а л ь к ю н, Франция), англосаксонских и скандинавских в Шотландии (В. Н и к о л а й с е н, Англия). Рассмотрение семантики элементов различного языкового происхождения в районах, где смешение языков особенно ошутимо, способствует решению ряда проблем стратиграфии (А. Г р и е р а, Испания).

В докладе В. Ф л а й ш е р а (ГДР) рассматривалось взаимоотношение апеллатива и имени собственного в разных планах: связь топонима с другими словами языка-источника, эволюция значения апеллатива в процессе становления имени собственного, причины изменения лексического состава наименований и дальнейшая дифференциация значений имени собственного и апеллатива.

Вопросы связи имени собственного и апеллатива приводят исследователей к проблеме омонимии, которая может возникнуть в результате ряда причин (О. Л е й с, Бельгия): как следствие непосредственного использования местного географического термина, названия растения или животного в качестве топонима или как результат вторичного сближения имени собственного с известным нарицательным, ложного этимологизирования и привнесения какого-то нового значения в старое на-

звание. Омонимия первого типа может быть раскрыта при диахроническом анализе, второе же требует синхронического исследования. Вопросы топонимической омонимии были весьма оригинально решены Д. С. Райаном (Австралия) на материале топонимов Австралии.

Проблема топонимической омонимии тесно связана с вопросами вариативности названий, в частности с синхроническими, сосуществующими вариантами. Последнее было рассмотрено М. Бронсом (Испания) на примере «дублетов» *Жиронда* и *Гаронна*. Наиболее сложным является доказательство того, что варианты восходят к одной первоначальной форме: спорной в данном случае может оказаться выработка критериев достоверности. Ф. Л. Атли (США) в докладе «Обзор американской топонимии» привел ряд синхронических вариантов названий на территории США. В большинстве случаев это официальные названия, существующие параллельно с местными.

В серии этимологических исследований важное место занимают вопросы связи топонимии и диалектологии. В докладе Х. Штегера (ФРГ) топонимика рассматривается как источник исторической диалектологии. Аналогичным вопросам теории, а также конкретному рассмотрению диалектных вариантов топонимов Тимора (Индонезия) посвящен доклад Де-Альмейды (Португалия).

Благоприятное впечатление произвел высокий теоретический уровень группы докладов, посвященных региональной топонимии, а также доклады об отдельных топонимических элементах. Р. Фишер (ГДР) в докладе о хронологии топонимов Богемии резко выступил против узости некоторых региональных исследований. Он подчеркнул, что региональное исследование интересно в том смысле, что оно может дать богатый фактический материал для дальнейших теоретических обобщений. Поэтому такое исследование должно прежде всего основываться на широком привлечении исторических данных и может не использовать сравнительный материал соседних областей. Об этом же говорил В. Николайсен (Англия). В докладах Х. Ольберга (Австрия) об исторических топонимических пластах Тироля и Л. Гальди (Венгрия) о топонимической стратиграфии юго-востока Трансильвании говорилось о том, что нельзя ограничиваться приведением топонимических данных по той или иной территории, что цель и ценность любого регионального исследования заключается в теоретических обобщениях.

Весьма перспективна для определения стратиграфических пластов мало изученная еще проблема связи то-

понимии различных стран. Эту тему как достойную дальнейшего изучения предложил вниманию членов конгресса А. Х. Смит в своем вступительном докладе. На конгрессе она была до некоторой степени реализована в докладе Р. Дальхера (Швейцария) «Английские топонимы, употребляемые в немецкой Швейцарии».

Вопросы стратиграфии ставились на конгрессе не только в связи с топонимией, но также и антропонимией. Большой интерес вызвал доклад Г. Ф. Йенсена (Дания) «Скандинавские личные имена в Линкольншире и Йоркшире». Автор показал, что рассмотрение различных сочетаний скандинавских личных имен с английскими топонимическими элементами могут дать точное указание на время образования наименования. Устанавливая принципы стратиграфии, автор рассматривает как структуру антропонима, так и семантику составляющих его элементов. Аналогично решаются вопросы антропонимической стратиграфии в докладе М. Мулона и Х. Польжа (Франция), посвященном установлению времени первоначального упоминания некоторых личных имен в ряде провинций Франции, и Й. Иордана (Румыния) о взаимоотношении топонимов и антропонимов.

Ряд докладчиков посвятил свои выступления нерешенным проблемам истории, пытаясь, привлекая данные топонимии, выявить неизвестные нам факты. Так, этногенезу славян были посвящены работы С. Роспонта (Польша) «Ирпславяне в свете ономастики», Х. Шалля (ГДР) «Название *славяне* (*славяны*)», В. П. Шмида (ФРГ) «Древнеевропейское и славянское», выявлению дославянского и доиндоевропейского населения Балкан — доклады И. Бёглина (Франция) «Сербская река Лаб», И. Дуриданова (Болгария) «Пеонские и иллирийские элементы в древней Македонии», И. Томопулоса (Греция) «Названия наблюдательных постов в Греции», Д. В. Ваякаоса (Греция) «Греческие гидронимы», В. Георгиева (Болгария) «Стратификация топонимов древней Греции», М. Павловича (Югославия) «*Сениа* в древнеиллирийском». История и более древнее состояние славянских языков нашли свое отражение в докладах Э. Эйхлера (ГДР) «Структура и хронология славянских именных типов», И. Пудича (Югославия) «Основы македонской топонимии», Т. Витковско-го (ГДР) «Значение балтийского для изучения славянских топонимов на территории Германии», М. Карася (Польша) «Топонимы в многоязычных областях», который останавливается на различных языковых пластах в топонимии

мии Татр, где ощутимо влияние славянских и германских языков.

Весьма показательна во многих отношениях группа докладов, посвященных топонимии Англии и англоязычных стран. Наибольший интерес в связи с широтой подхода к топонимике в целом и глубиной анализа материала вызвал доклад В. Ф. Х. Николэйсена (Англия) «Некоторые проблемы хронологии Южной Шотландии». В работе анализируется судьба древнейших кельтских наименований в английской адаптации.

Доклад В. Лаура (ФРГ), посвященный вопросу связи топонимических и археологических данных при установлении топонимических датировок, непосредственно перекликается с работой В. Николайсена. Исследуя конкретный материал, топонимию Шлезвига и Гольштинии, автор подчеркивает, что основываясь на установлении лишь исторической семантики топонимических элементов, без привлечения археологических, исторических и пр. данных, можно прийти к ошибочным выводам. Анализ исторической семантики корня названий, вопрос весьма интересный сам по себе, вместе с тем не может явиться надежной основой для установления стратиграфии топонимов.

В докладе «Современное исследование названий полей» В. Эйдер (Швеция), представитель широко участвовавшей на конгрессе скандинавской топонимической школы, говорит о том, что, к сожалению, микротопонимические исследования, несмотря на их большую важность для современной топонимики, находятся до сих пор, в основном, на стадии этимологизирования. Публикация как можно более полных списков современных наименований полей даст возможность подойти к этой области с позиций синхронии. А это в свою очередь будет способствовать созданию общей теории имени, что является основной целью топонимистов нашего времени.

Оригинальная методика стратиграфического исследования была выдвинута в докладе М. Ричардса (Англия) «Древнейшие топонимы Уэльса». Сравнение валлийских топонимических элементов с английскими, специфические особенности сочетания тех и других служат свидетельством принадлежности топонима к определенному историческому периоду.

И. Б. Рудницкий (Канада) пытается создать новую стратификацию топонимов Канады, сочетая синхронию и диахроню.

Интересный анализ топонимов Австралии, в частности аборигенных названий, дается в докладе Д. С. Райана (Австралия) «Хронология австралийских топонимов».

Активное обсуждение вызвал доклад

Ф. Л. Атли (США) «Обзор американских топонимов». Основная мысль — неоднократно подчеркивает докладчик — это необходимость и важность использования экстралингвистических данных в топонимическом исследовании. Ф. Атли интересуется проблемами современного функционирования названий — их употребление и восприятие населением, их использование в художественной литературе.

Особое место в английских докладах занимает тема искусственно созданных названий. Как известно, происхождение наименований имеет реальную общественно-историческую и географическую основу. Вместе с тем имеются случаи (и в последнее время они наблюдаются все чаще), когда географический объект произвольно обозначается искусственным, придуманным именем. Д. С. Райан указывает, что в Австралии эти имена создаются обычно по аналогии и по созвучию со словами языков аборигенов. По всей вероятности, это в прошлом имена нарицательные, которые в настоящее время полностью утратили свое первоначальное значение. Или же это могут быть слова датского или португальского происхождения, измененные до неузнаваемости в произношении поколений. Независимо от происхождения, эти имена, не имея апеллятивного, приобретают дополнительное эмоциональное значение. Названиями мелких объектов (коттеджей, ферм) в англоязычных странах также часто бывают придуманные имена. Эмоциональная окрашенность названий этого типа носит уже иной характер. Так же как и в Австралии, искусственно созданные имена встречаются в Америке. Они создаются по образцу старых испанских или индейских названий, но неизбежно приобретают современное английское звучание. Отмечаются также наименования — аббревиатуры и названия (обычно населенных пунктов), составленные из первых букв той или иной фразы — акронимы (Ф. Атли).

*

Вскоре после Лондонского конгресса состоялась III Ономастическая славянская конференция в Праге (сентябрь 1966). Ее проблематика носила более частный и в то же время более практически направленный характер.

Обсуждались публикации работ по ономастическим наукам в славянских странах за последние три года. Особенно много работ было опубликовано в Польше, где вышло несколько словарей собственных имен под ред. В. Ташицкого и несколько готовится к изданию. Поляки опубликовали библиографию польской ономастики в Лувене на французском языке (1963). Видимо, одной из причин, вызвавших необхо-

димось этого, послужило слабое знакомство западных ученых со славянскими языками, что делает работы славистов-ономастологов мало доступными для них. В 1963—1966 гг. вышли тт. X и XI польского журнала «Ономастика», печатаются XII и XIII. Опубликована «Гидронимия Вислы» под ред. Зволинского (1965) и несколько работ по топонимии отдельных областей.

В Югославии с 1956 г. существует ономастическая межакадемическая комиссия в Загребе, связанная с Международным славистическим комитетом, и имеются комитеты, руководящие ономастической работой в каждой из шести республик. Южные славяне работают над историко-географическим словарем и историческим атласом Югославии, издали ряд работ по отдельным территориям, контактируют с международным лувенским центром, посылают туда ежегодную информацию.

В Чехословакии функционирует топонимическая комиссия, которая уже седьмой год издает свой журнал. Опубликовано несколько крупных работ по ономастике, в том числе «Введение в топономастику» В. Шмилауэра и «Старочешские личные имена» Я. Свободы.

На пражской конференции обсуждалась также совместная работа ученых разных стран над славянским ономастическим атласом и славянской ономастической терминологией. Отдельными вопросами ставились гидронимия, микро-топонимия и диалектология, преподавание ономастики в вузах.

Проведение на близком расстоянии двух таких серьезных международных собраний на ономастические темы показывает, что ономастика за послевоенные годы выросла в серьезную самостоятельную науку, питающуюся историческим и географическим материалом, изучающую его методами лингвистики и сравнивающую результаты своих исследований с данными археологии и этнографии. Актуальность ономастических исследований подтверждается и тем, что за послевоенные годы во многих странах мира возникли национальные ономастические организации (многие из которых располагают своими печатными органами). Кроме того, создан Интернациональный ономастический центр в Бельгии и Славистический ономастический центр в Польше — оба для координации научной работы, проводимой в разных странах, для обмена опытом и результатами работы, для совместного решения одних и тех же проблем на материале разных языков и разных территорий.

Видимо, можно заключить, что одним из ведущих методов топонимического исследования в настоящее время остается изучение основных топонимических элементов данной области, их словообразо-

вательной структуры и семантики, определение их языковой принадлежности и исторической смены языковых пластов, анализ этимологии названий. Иными словами, можно сказать, что изучение топонимии ведется, в основном, на диахроническом уровне. Вместе с тем проблема системного, синхронического изучения топонимического материала все более интересует топонимистов различных стран. Все явственнее звучит мысль о важности широкого подхода к топонимии любой территории, о необходимости рассмотрения всей совокупности экстралингвистических факторов как неотъемлемой части любого топонимического исследования.

Нахождение семантической и словообразовательной структуры топонима, установление его этимологии никак не может рассматриваться как конечный этап топонимического исследования. Напротив, разрешение этих проблем открывает широкие дальнейшие возможности для синхронических исследований.

С проблемами синхронии связан комплекс вопросов, касающихся раскрытия лексико-стилистических закономерностей, которые организуют современные топонимические системы. Последнее предполагает сравнительное изучение всей совокупности топонимов той или иной территории, рассмотрение современного функционирования названий, их роли в жизни людей и отношения людей к ним, их восприятия населением и проблемы переименования.

В синхронической топонимии определенное место занимает изучение тех новых, добавочных значений, тех эмоциональных обертонов, которые имя может приобретать в определенных условиях. Это выявление тех дополнительных значений, которые появляются в процессе восприятия имени населением, рассмотрение эмоциональных ассоциаций, которые им вызываются, выяснение причин возрождения в наши дни аборигенных названий, создания искусственных названий и прочие вопросы. Материалом для данной области топонимических исследований служит художественная литература, поэтические легенды и пр. Изучение этой стороны функционирования имени имеет право на существование как часть ономастического исследования наряду с этимологическим, семантическим и словообразовательным анализом.

Таким образом, как показали доклады, прения и беседы участников IX Конгресса и III Конференции, современное топонимическое исследование идет по двум направлениям: 1) изучение актуального морфологического строения исследуемой единицы, фактическое современное ее функционирование и восприятие, 2) анализ этимологически устанавливаемого прошлого морфологического состава имени.

Следующий, X Международный ономастический конгресс состоится в 1969 г. в Вене. Тема его оронимия. IV Ономастическая славистическая конференция будет в Загребе. Время ее (1969 или 1970 г.) будет объявлено дополнительно на празд-

ской встрече славистов-ономатологов во время VI Международного конгресса славистов в 1968 г.

В. Д. Беленькая, А. В. Суперанская
(Москва)

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

В Москве в Институте русского языка АН СССР с 25 по 31 января проходил первый симпозиум по этимологии «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». Общий подъем этимологической науки, наметившийся в последние десятилетия как у нас, так и за рубежом, работа над созданием этимологических словарей, ведущаяся во многих странах и рассчитанная на многие годы, при отсутствии достаточной информации о состоянии и методах работы вызвали насущную необходимость в такой информации, в свободном обмене мнениями и опытом работы.

Актуальность такого совещания выразилась в том, что в нем приняли активное участие советские (из Ленинграда, Киева, Минска, Свердловска и других городов) и зарубежные ученые (из Польши, Чехословакии, Югославии, Венгрии, ГДР, Швеции, Швейцарии и ФРГ). Здесь были авторы и руководители этимологических словарей славянских языков: автор словенского этимологического словаря Ф. Безлай, польского этимологического словаря — Ф. Славский, украинского этимологического словаря — А. С. Мельничук, полабского — К. Полянский, лужицкого — Х. Шустер-Шевц. Кроме того, присутствовали руководители коллективов, ведущих с разными целями работу по охвату лексики всех славянских языков: «Etymologický slovník slovanšých jazyků» (Брно) — Ф. Копечный, «Słownik prasłowiański» (Краков) — Ф. Славский, «Этимологический словарь славянских языков» (Москва) — О. Н. Трубачев. Приняли участие в симпозиуме и авторы венгерского этимологического словаря Г. Барци и Л. Киш.

За пять дней работы было прослушано и обсуждено около сорока докладов. В центре внимания находились вопросы практики создания этимологических словарей и различные аспекты методики этимологических исследований — фонологический, словообразовательный и семантический.

Вопросы фонетических соответствий в той мере, в какой они входят в этимологическое исследование, рассматривались в соответствии с современным уров-

нем развития диахронической фонологии. Об этимологии как источнике установления новых фонетических закономерностей, уточнения фонетических законов при анализе родственных слов говорил в своем докладе «Об одном из перспективных видов этимологического исследования» А. С. Мельничук (Киев). Эту же мысль поддержал Х. Шустер-Шевц (Лейпциг) в докладе «К положению и проблематике этимологического исследования».

Интересно поставил вопрос о причинах появления фонетических дублетов В. К. Журавлев (Донецк). К этим причинам он относит, например, превращение варианта фонемы в самостоятельную фонему и как следствие этого — существование фонологических систем. Х. Шустер-Шевц, выступивший в прениях, подчеркнул, что дублетные формы могут появляться на стыке двух систем (диалектных или исторических).

Утвердившиеся фонетические формулы в целом ряде случаев требуют проверки. Об этом говорил Р. В. Кравчук (Минск) в докладе «Из проблематики славянских этимологических исследований». Докладчик высказал предположение, что если предложенный этимон уникален по своей фонетической структуре и противоречит фонетическим законам развития языка, его следует пересмотреть. Требование строгой проверки фонетических соответствий в уже известных этимологиях очень убедительно прозвучало в докладе О. Семереньи (Фрейбург) «Славянская этимология на индоевропейском фоне»¹.

О возможностях уточнения фонетической реконструкции славянских слов благодаря привлечению полабского материала говорил в своем докладе «Проблемы полабской этимологии» К. Полянский (Краков).

Значительное место на симпозиуме было уделено словообразовательному аспекту в этимологических исследованиях, что отражает состояние и тенденции развития современной этимологии. Постоянно подчеркивался системный харак-

¹ Доклады О. Семереньи, Ф. Безлая, Г. Барци, Ф. Славского, Ж. Ж. Варбот, О. Н. Трубачева и Э. А. Макаева публикуются в этом номере журнала.

тер словообразовательных отношений. Ю. В. Откупщиков (Ленинград) в докладе «Словообразовательные модели и этимология» говорил о том, что слово входит одновременно в большое число деривационных рядов, что системность свойственна не только суффиксам, но и корням и основам. Анализ словообразовательных рядов методом внутренней реконструкции может дать этимологию слова, что автор и проиллюстрировал на примере слова *крив* и некоторых других.

Особую проблему осветила Ж. Ж. Вэрбот (Москва) в докладе «О словообразовательной структуре этимологических гнезд».

В. А. Никонов (Москва) в докладе «Русское словообразование» остановился на особенностях русского словообразования в его отличии от словообразования других славянских и индоевропейских языков, определяемых статистическим методом.

Не меньшее внимание было уделено семантической стороне этимологических исследований. Последние годы характеризуются стремлением ввести строгие критерии и в эту область. В этом отношении оказались очень перспективными исследования отдельных лексико-семантических групп слов и установление определенных семантических универсалий. Этот метод, разработанный О. Н. Трубачевым, позволяет учесть системные семантические связи между словами; на симпозиуме он был представлен в целом ряде докладов. Исследование о славянских терминах «возраст» и «век» провела Е. Гавлова (Брно), выступившая с докладом «Славянские термины „возраст“ и „век“ на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках». Изучение слов по семантическим группам не только позволяет «проверить правдоподобность семантических изменений, но и помогает обнаружить разные слои этих изменений во временном плане». Установление различающихся в хронологическом плане семантических моделей позволило автору дать ряд новых и убедительных этимологий (латыш. *mužs*, лат. *saeculum* и др.). Сложнейшие «Проблемы этимологии грамматических слов» были рассмотрены в докладе Ф. Копечного (Брно). На обширном материале он показал происхождение союзов, модальных частиц, указательных местоимений и усилительных частиц из деясительных междометий. Слушатели отметили некоторые уточнения, подчеркивая сложность поставленной задачи. В выступлении Г. Якобссона (Гетеборг) «Цели и методы этимологизации слов, выражающих некоторые абстрактные понятия» на примере понятия «время» были обоснованы следующие задачи: 1) установить в исследуемых языках семантические инварианты и варианты и их взаимные отно-

шения в области данного значения, 2) реконструировать модели возникновения и развития данного понятия, считаясь с общечеловеческими константами, и, как результат, 3) выяснить возможность этимологического объяснения слов, выражающих исследуемое понятие. Л. В. Куркина (Москва) на материале названий болот в славянских языках показала возможность установления исходной семантической базы и возможных типов переходов значения. Тематическое изучение позволило автору уточнить семантические и словообразовательные связи наименований болот с другими частями славянской лексики.

В докладах О. Семереньи «Славянская этимология на индоевропейском фоне» и Е. А. Супруна (Минск) «Системность лексики и этимологии», а также в прениях (Т. Б. Лукинова, Киев) была подвергнута всестороннему формальному и семантическому анализу группа славянских количественных числительных.

Возможности уточнения этимологических решений на материале народных названий болезней и связанных с ними названий лекарственных растений показала В. А. Меркулова (Москва).

В названных докладах стоял вопрос об изучении семантических микроструктур как об эффективном приеме семантического исследования. Специально этой теме посвятил свой доклад «Анализ по семантическим микроструктурам и реконструкция праславянской лексики» В. В. Мартынов (Минск). По мнению докладчика, такая микроструктура состоит из одной немаркированной лексемы и минимумом одной маркированной. Автор говорил об их изменении в процессе развития языка и возможности реконструкции первичной семантики.

Вызвавший оживленную дискуссию доклад А. С. Мельничука был посвящен исследованию этимологических гнезд, восходящих к одному нераспространенному корню. По мнению докладчика, непрерывное уточнение состава этимологических гнезд является основной и непосредственной задачей всей этимологии в целом. Специфика этого вида исследований заключается в направлении исследовательской процедуры не от данного слова к искомому этимологическому гнезду, а от данного гнезда к искомым отдельным словам.

Всестороннему обсуждению на симпозиуме были подвергнуты вопросы лингвистической географии, диалектного членения и лексических соответствий. Основной принцип — «автономность праславянских состояний лексики славянских диалектов и понятие древнего лексического диалектизма», положенный в основу работы над этимологическим словарем славянских языков, подробно был освещен в докладе О. Н. Трубачева в «Работа над этимологическим слова-

рем славянских языков». В области славяно-неславянских соответствий им же было сформулировано положение о значимости цельнолексемных соответствий.

Вопроса праславянских диалектизмов касался Р. В. Кравчук. О максимальном подобии в близкородственных языках и о точных параллелях в прилегающих областях говорил О. Семереньи. Сепаратным словенско-балтийским и словенско-восточнославянским отношениям посвятил свой доклад Ф. Безлай (Любляна). О соответствиях полабско-польских, полабско-лужицких, полабско-словенских говорил К. Полянский. Участники симпозиума обратили внимание на необходимость признания диалектных различий на всех этапах развития языка, на возможность самостоятельных лексических связей между отдельными славянскими языками и славяно-неславянских соответствий. О разграничении понятий древнего диалектизма и архаизма на материале лужицких языков говорил Х. Шустер-Шевц.

На симпозиуме было уделено значительное внимание внутренней реконструкции как основному методу этимологического исследования. О. Н. Трубачев обосновал свое понимание внутренней реконструкции как восстановления праславянского состава и состояния изнутри, в рамках лексики каждого отдельного славянского языка. Такое понимание внутренней реконструкции в качестве методического приема лежит в основе работы над этимологическим словарем славянских языков. О возможностях реконструкции той или иной лексемы в праславянском диалекте на основании производных образований при утрате производных основ говорила И. П. Петлева (Москва) в докладе «Дополнительные ресурсы для реконструкции праславянской лексики (на материале сербскохорватского языка)». На ином материале этот же вопрос поднимала Ж. Ж. Вабот. Оригинально был поставлен вопрос о внешних факторах реконструкции в докладе О. Семереньи. Он высказал мысль, что наличие слова в большинстве индоевропейских языков предполагает его существование и в других индоевропейских языках, хотя бы в скрытой форме.

Не остались без внимания на симпозиуме и влигвистические критерии правильности этимологических решений. О необходимости учета социальной стороны явлений и истории реалий говорил в своем докладе «О возможностях совершенствования приемов этимологического исследования» А. И. Попов (Ленинград). Он отметил, что технические и профессиональные термины, а также слова, употребляемые отдельными социальными группами, изменяются и развиваются в течение своей истории по осо-

бым путям. Необходимость учета данных этнографии, археологии, фольклора, истории экономики страны и истории реалий получила свое освещение в докладах Г. Барци (Будапешт) «Современное состояние исследований лексики венгерского языка» и Г. Якобссона.

Очень своеобразной теме соприкосновения этимологии и поэтики был посвящен доклад Вяч. В. Иванова (Москва) «Использование в этимологических исследованиях сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках». Докладчик на материале древнеармянского стихотворения высказал предположение, что соединение слов одного корня в пределах одной поэтической строки послужило основой для появления аллитераций.

Обсуждались не только основные аспекты и методы этимологического исследования и критерии правильности этимологических решений, но и материал, которым пользуется этимолог. Мысль о том, что диалектная лексика во всем ее многообразии и богатстве служит неиссякаемым источником для установления не только истории и географии слова, но и его происхождения, была ярко выражена в докладе Ф. Славского (Краков) «Из опыта работы над этимологическим словарем польского языка» и в других докладах (А. И. Попова, И. П. Петлевой). На литературный язык в его письменной традиции как ценный источник для этимологии указывали О. Н. Трубачев и Ф. Славский. Тщательному изучению употребления слова в памятниках письменности посвятил значительную часть своего выступления «Об учете вспомогательных приемов при этимологизировании» А. С. Львов (Москва).

Проблемы заимствований и межязыковых контактов подверглись рассмотрению как в теоретическом, так и в практическом плане. Кардинальный вопрос определения, является ли слово заимствованным, был затронут в докладе О. Семереньи. Определение исконого или заимствованного характера слова как этапа в работе по реконструкции праславянского состава было подчеркнуто в докладе О. Н. Трубачева.

В. В. Мартынов (в прениях) предложил дать негативные принципы определения заимствования; в частности, он указал на уникальность словообразовательной структуры как на один из возможных критериев.

Л. Киш (Будапешт) в докладе «О некоторых принципах этимологизирования заимствованных слов» сформулировал «принцип самобытности»: «Если какое-либо слово может быть этимологизировано и как исконое, и как заимствованное, причем ни то, ни другое объяснение не имеет превосходства, этимолог поступает правильно, отдавая предпочтение перво-

му объяснению, не умалчивая и о втором». В особенности это касается лексики ономастопоэтической. Второй принцип — конечного источника, сформулированный в докладе Л. Киша, нашел развитие и в работе О. Семереньи, говорившего о необходимости установления не только непосредственного источника заимствования, но и его первоисточника. Принцип неединичности заимствующего языка в докладе Л. Киша иллюстрировался на примере турцизмов в балканских языках и итальянизмов приадриатических языков. Рассмотрению среднеазиатских заимствований как единого комплекса была посвящена часть доклада Е. А. Супруна.

О зависимости реального характера заимствования от конкретно-исторических взаимоотношений народов (состояние войны, торговли, языковое смешение) упоминал Е. А. Супрун (в прениях). Неизбежность возникновения своеобразного койне при условиях торгового общения подчеркивал в своем докладе А. И. Попов. В. В. Мартынов (в прениях) обратил внимание на характер заимствований при условии пограничного двуязычия, когда любая лексема может перейти из одного языка в другой.

Значительное число докладов было связано с конкретными вопросами заимствований. И. Хубшмид (Берн) в докладе «Дославянские и дороманские этимологии» подробно рассмотрел вопрос о субстратных явлениях в славянских языках, разделяя их на индоевропейские (но не унаследованные) и неиндоевропейские. Доклад был оснащен богатым словарным материалом. Ряд русских слов рассматривался как заимствования из иранского в докладе В. И. Абаева (Москва) «Этимологические заметки». Иногда речь шла о заимствовании, в других случаях лишь о посредстве. О своеобразии распространения тюркских и финских заимствований на русской территории говорил А. И. Попов, обосновав эту мысль целым рядом новых этимологий (*табачить, сопец, базмур, кощей* и др.). Актуальному вопросу древнейших тюркских заимствований в славянских языках был посвящен доклад И. Г. Добродомова «Из болгарского вклада в славянских языках». Несколько этюдов в докладе О. Семереньи было посвящено греческим заимствованиям в славянских языках.

Тонкий анализ распространения балтийского заимствования на восточнославянской территории и изменения его семантики был проведен в докладе Н. И. Толстого (Москва) «К изучению балтизмов в восточнославянской лексике». В многочисленных выступлениях подчеркивалась доказательность такого рода «пространственных» этимологий. Интересным представляется вывод автора о переходе исследуемого слова из одной

терминологической сферы в другую в зависимости от удаления от балтийского эпицентра.

Определенное место заняли на симпозиуме проблемы ономастики. Об основных принципах номинации на материале топонимии говорилось в докладе А. К. Матвеева (Свердловск) «Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов». По мнению докладчика, семантическая мотивированность номинации топонима, которой до сих пор уделялось мало внимания, определяется целым рядом факторов: особенностями географической среды, исторической обстановки, этнической психологии и структурой языка. «О некоторых критериях проверки этимологии гидронима» — так назвал свой доклад Б. Савукина (Вильнюс). Он сформулировал критерии методологический, семасиологический, синхронной и диахронической стратификации. О привлечении топонимического материала как источника для реконструкции праславянского языка говорилось в выступлении И. П. Петлевой. История конкретного форманта в микротопонимии Югославии являлась содержанием доклада В. Михайлова и Ча (Новый Сад) «Суффикс *-aba* в топонимии и микротопонимии Югославии». Принципиального вопроса методологических отличий этимологического анализа топонимической лексики и лексики апеллятивной касался в своем докладе «К методике выявления и стратификации лингвоэтнических слов на юге Балканского полуострова» Л. А. Гиндин (Москва).

Поскольку все затронутые проблемы анализа апеллятивной лексики (исконной и заимствованной) и ономастики находят свое комплексное отражение в практике создания этимологических словарей отдельных славянских и всех славянских языков, доклады руководителей и авторов таких словарей стояли в центре внимания симпозиума. Таковы были доклады и выступления О. Н. Трубачева, Ф. Безлая, Ф. Славского, Ф. Копечного, А. С. Мельничука, К. Полянского, Х. Шустер-Шевца. Специфические трудности работы над каждым словарем, методологические установки его авторов и состояние работы — вот что занимало и ораторов и слушателей. О трудностях филологического порядка при обработке полабского материала говорил К. Полянский, о необходимости введения в научный обиход огромных богатств словенского языка, до сих пор не полученных должного освещения, — Ф. Безлай, о трудностях при реконструкции праславянского лексического состава для тех славянских языков, на материале которых нет этимологических словарей, — О. Н. Трубачев. Он же го-

ворил об особенностях руководимого им этимологического словаря славянских языков как словаря словообразовательного-этимологического характера. Идею такого рода словаря поддержал К. П о л я н с к и й (в прениях). Первостепенный интерес представляла информация о подготовке к выходу в свет первого тома «Украинского этимологического словаря» (Киев), содержащего четыре тысячи статей, первого выпуска «Словенского этимологического словаря» (Любляна), второго выпуска «Полабского этимологического словаря» (Краков).

Очень близким по основным исходным принципам оказался участникам симпозиума доклад Г. Б а р ц и «Современное состояние исследований лексики венгерского языка». Четко сформулированные положения доклада как бы подводили итог высказанным на симпозиуме соображениям.

Обмен опытом работы по составлению этимологических словарей и этимологической проблематике на материале неславянских языков был проведен в целой серии докладов. Некоторые итоги сравнительно-типологического исследования кавказских языков были приведены в докладе Г. А. К л и м о в а «Абхазо-адыгско-картвельские лексические параллели». Дополнением к докладу послужило выступление А. Б. Д о л г о п о л ь с к о г о (прения) о возможностях более широкого рассмотрения указанных сопоставлений в масштабе ностратических языков. А. И. Х а р с е к и н (Кременец) в докладе «К интерпретации и этимологии форм этрусского *verbum substantivum*» привел интересные доказательства в пользу индоевропейского происхождения этрусского языка. М. Л. В о с к р е с е н с к и й и А. А. К о р о л е в (Москва) сообщили о составлении этимологического словаря итальянских языков (без латинского); в докладе А. А. К о р о л е в а и В. В. Ш е в о р о ш к и н а (Москва) «Мидийские этимологии» был дан этимологический разбор надписи на одном из хетто-лувийских языков.

Специфической тематике были посвящены доклады Э. А. М а к а е в а и А. Б. Д о л г о п о л ь с к о г о (Москва). Э. А. М а к а е в поставил своей целью дать теоретическое определение индоевропейского этимона и методов его анализа. Опираясь на теорию Иллича-Сви́тыча о структуре ностратического корня, А. Б. Д о л г о п о л ь с к и й в докладе «Ностратические основы с сочетанием двух шумных согласных» дал реконструкцию нескольких основ с сочетанием двух смычных и с сочетанием смычного с сibilянтном. О. Н. Т р у б а ч е в (в прениях) заметил, что, несмотря на некоторые неясности, индоевропейцы не могут проходить мимо этой тематики.

Кроме рассмотренных выше проблем,

в сфере обсуждения участников симпозиума оказался огромный конкретный материал. Были предложены новые этимологии, сближения, уточнения большого числа русских, словенских, польских, украинских, сербско-хорватских и т. д. слов, в общей сложности более двухсот.

Целый ряд этимологий вызвал оживленные дискуссии: *отрок* (Львов, Копечный, Трубачев, Шустер-Шевц), *сапог* (Львов; оригинальная пранская этимология этого слова в процессе обсуждения была предложена Трубачевым), *батог* (Добродомов, Трубачев, Славский, Львов, Мартынов), *Москва* (Абаев, Трубачев, Саукина, высказавший мнение о возможной балтийской интерпретации этого слова), *хороший* (Абаев, Трубачев, Фролова), *барте* (Мельничук, Копечный, Трубачев) и мн. др.

Несмотря на разнообразие тем докладов, работа симпозиума прошла по четкому плану: были обсуждены различные аспекты, методы, материалы, источники и цели этимологического исследования. Не считая докладов, опубликованных в этом номере журнала, материалы симпозиума будут напечатаны в ежегоднике «Этимология» (т. 5, Москва).

В. А. Меркулова (Москва)

*

17 января 1967 г. в Москве состоялось очередное годовое заседание Научного совета по проблеме «Теория советского языкознания». Собравшиеся почтили память выдающегося советского лингвиста академика И. И. Мещанинова, скончавшегося 16 января с. г. в Ленинграде. Краткое слово памяти И. И. Мещанинова произнес В. М. Жирмунский.

В отчетном докладе о деятельности Совета за 1966 г. акад. В. М. Ж и р м у н с к и й отметил возрастные масштабы общетеоретической деятельности советских лингвистов, направлять и координировать которую призван Совет. Отраден факт растущего сближения «классического» и структурного языкознания. В истекшем году окрепли связи Совета с соответствующими кафедрами университетов и некоторых вузов страны. Следует думать, что дальнейшему прогрессу в этом отношении будет способствовать новый статус научных советов, с которым В. М. Жирмунский кратко ознакомил присутствующих.

В области научно-организационной деятельности Совета в 1966 г. следует отметить участие его в проведении всесоюзной конференции по проблеме «Язык и общество» (Москва, май), на которой с докладами по теоретическим вопросам социолингвистики выступили члены Совета В. М. Жирмунский, Ф. П. Филин, Е. А. Бокарев, В. Н. Ярпева. Совет под-

готовил и провел симпозиум по психолингвистике (Москва, май), организованный с целью обмена опытом между исследователями и для координирования работ, введущихся по этой проблематике. Наконец, Советом курировалась Всесоюзная конференция по теме «Основные проблемы эволюции языка» (Самарканд, сентябрь), на которой были зачитаны доклады В. М. Жирмунского «Об очередных задачах общего языкознания» и содоклад Г. А. Климова о проблематике теоретических исследований, введущихся в Москве и Ленинграде в области структурной лингвистики². На первую половину 1967 г. запланирован выезд группы членов Совета в Саратов, где последнее время активизируются работы по социолингвистике.

По линии издательской деятельности следует отметить выход в свет в серии брошюр Совета работы О. П. Суника «Общая теория частей речи» (М.—Л., 1966). В 1966 г. сданы в печать брошюры «Общинеоевропейское языковое состояние и проблемы его реконструкции» И. М. Тронского и «Психолингвистика: история — предмет — методы» А. А. Леонтьева.

В последнее время Совет принял ряд мер, направленных на укрепление научных контактов с представителями различных школ зарубежного языкознания и на пропаганду советского теоретического языкознания за рубежом. В июле 1966 г. началась подготовка к проведению советско-чехословацкого симпозиума по вопросам теории грамматики. Члены Совета провели значительную работу в составе организационного комитета по подготовке докладов советской делегации на X Международном конгрессе лингвистов в Бухаресте.

Говоря о недостатках в работе Совета, В. М. Жирмунский указал на то, что Совету в силу ряда обстоятельств не удается уделять достаточного внимания теоретической работе в области структурной лингвистики. Недостаточно активно участвуют в работе Совета его отдельные члены.

В. П. Мурат отметила существенные изменения, произошедшие в последнее время в научно-организационной и исследовательской работе кафедры общего и сравнительного языкознания МГУ. Признаны права кафедры готовить кадры студентов и аспирантов по языковой типологии и индоевропеистике. Ширится тематика научно-исследовательских работ на кафедре.

Г. В. Колшанский охарактеризовал работу секции общего языкознания научно-технического совета по языкознанию при Министерстве высшего образования СССР. Секция постоянно

обследует деятельность соответствующих кафедр вузов, разработала рекомендательный список проблематики диссертаций, организовала ряд конференций; в настоящее время ставится вопрос о расширении аспирантуры по общему языкознанию, а также о докторантуре по этой специальности. Особо была подчеркнута важность для работы секции вопроса взаимодействия с работой Совета по проблеме «Теория советского языкознания». Секция считает целесообразным проведение совместного с Научным советом заседания, посвященного координации деятельности обоих органов.

Н. С. Чемоданов ознакомил Совет с ближайшим и перспективным планами публикации переводных лингвистических работ в издательстве «Прогресс». В настоящее время печатается книга Л. Блумфилда «Язык»; подписана к печати книга по методике преподавания иностранных языков. План изданий разработан до 1969 г.; целый ряд работ уже переводится. Однако необходимое расширение существующего плана все еще тормозится из-за недостаточности существующей типографской базы и нехватки бумаги.

В обсуждении отчетного доклада приняли участие Н. Д. Андреев, М. А. Бородина, Р. А. Будагов, С. Д. Кацнельсон, Г. В. Колшанский, Н. И. Толстой, Ф. П. Филин, А. С. Чикобава, С. К. Шаумян. Выступившие отметили плодотворность работы Совета и высказали целый ряд предложений по повышению ее эффективности. Во многих выступлениях была отмечена насущная необходимость издания ряда специализированных лингвистических журналов.

Ф. П. Филин, подчеркивая положительные результаты работы Совета, присоединился к мнению докладчика о плодотворном развитии нашего теоретического языкознания в настоящий период; свидетельством тому — завершение таких двух обобщающих трудов, как «Советское языкознание за 50 лет» и «Теоретические проблемы советского языкознания», а также доклады и сообщения, представляемые советскими языковедами на X Международном конгрессе лингвистов. Вместе с тем Ф. П. Филин находит целесообразным уделять в деятельности Совета больше внимания вопросам социолингвистики. По его мнению, не все члены Совета одинаково активно принимают участие в его работе, А. С. Чикобава, поддерживая основные установки деятельности Совета, высказал пожелание, чтобы в дальнейших публикациях Совета нашли отражение идеи крупных лингвистов прошлого, гармонирующие с современными концепциями. О необходимости издания не смешанных, а специализированных лингвистических журналов (в том числе по крайней мере еще одного теоре-

² См.: «ИАН ОЛЯ», 1967, 1, стр. 13—27 и стр. 92—94.

тического) говорил С. Д. Кацнельсон. По мнению Р. А. Будагова, в публикациях Совета больше внимания следует уделить вопросам общелингвистической терминологии. На острой потребности расширять публикацию переводных лингвистических работ остановился С. К. Шаумян.

Подводя итоги обсуждения, В. М. Жирмунский отметил его плодотворность. В центре внимания заседания стоял целый ряд важных научно-организационных вопросов (контакты Совета с вузами и издательствами, совершенствование структуры Совета, вопрос о расширении круга периодических изданий и т. д.), от решения которых зависит дальнейшее развертывание теоретико-лингвистических исследований.

В принятом постановлении Совет признал целесообразным пересмотреть свой состав с тем, чтобы сделать его более представительным и оперативным органом. В этой связи будет рассмотрен вопрос о создании отдельных секций Совета в ведущих лингвистических центрах страны. Принято решение об издании сборника, посвященного проблемам социологии языка. Будет вновь поднят вопрос о бюллетене Совета, издание которого необходимо для информации и обмена мнений по теоретическим вопросам науки о языке. Совет считает целесообразным проведение координационного заседания совместно с соответствующей секцией научно-технического совета по языкознанию при Министерстве высшего образования СССР. Совет почтит память академика И. И. Мещанинова публикацией его лингвистического наследства, а также специального сборника по теоретической проблематике. Работа, проведенная Советом в 1966 г., была одобрена собранием.

Г. А. Климов (Москва)

*

23—25 января 1967 г. в Ярославском пед. ин-те им. К. Д. Ушинского состоялась третья межвузовская конференция лингвистов, работающих над изучением языка Н. А. Некрасова. В ней приняли участие языковеды Пермского, Черновицкого, Казанского, Петрозаводского университетов, Горьковского, Челябинского, Шадринского, Марийского, Луцкого, Мичуринского, Рязанского, Московского областного, Ярославского и других пед. институтов. Было прослушано 23 доклада. Во вступительном слове Г. Г. Мельниченко (Ярославль) приветствовал участников конференции, которая фактически является всесоюзной и координирует научные исследования, информирует о достижениях в изучении языка Н. А. Некрасова.

Е. П. Дубровина (Мичуринск) в докладе «Из наблюдений над поэтическим стилем Н. А. Некрасова» показала, что становление некрасовского «стиля», отвечающего теме, шло постепенно в направлении от книжных, традиционных средств словесно-художественного выражения к народным.

Несколько докладов было посвящено изучению изобразительных средств поэтического языка Н. А. Некрасова. Это доклады В. И. Андруско (Йошкар-Ола) «Приемы гиперболизации в языке Н. А. Некрасова», Л. Н. Рынькова (Челябинск) «Метафорические словосочетания в поэтическом языке Н. А. Некрасова» и В. П. Тимофеева (Шадринск) «Антонимия в поэзии Н. А. Некрасова».

С сообщением «Место сравнений в системе выразительных средств и способы их выражения в поэзии Н. А. Некрасова» выступила Л. А. Лукьянова (Рязань).

Изучению стилистических функций личных имен, фамилий и отчеств персонажей поэзии и прозы Н. А. Некрасова были посвящены доклады В. М. Никитина (Рязань) «Стилистика личных имен в поэзии Некрасова», Е. Ф. Теплова (Петрозаводск) «Стилистические функции личных собственных имен персонажей прозаических произведений Н. А. Некрасова» и «Стилистические функции фамилий у Н. А. Некрасова (на материале прозаических произведений)», З. В. Николаевой (Черновцы) «Отчества персонажей в поэтических произведениях Н. А. Некрасова».

В ряде докладов рассматривался синтаксис произведений Н. А. Некрасова. Это доклады Н. В. Орловой «Бессоюзные сложные предложения однородного состава (на материале поэмы Н. А. Некрасова „Русские женщины“). Г. В. Зориной (Магадан) «Семантика придаточных предложений с сравнительным союзом „как“ в поэзии Н. А. Некрасова», Н. С. Ганцовской (Кострома) «Об одной особенности синтаксиса многокомпонентных сложноподчиненных предложений прозаических произведений Н. А. Некрасова», А. М. Самурина (Кустанай) «Стилистическое значение избыточности в языке при выделении главных членов предложения в поэзии Н. А. Некрасова», Л. Д. Филимоновой (Ярославль) «Стилистическая роль однородных сказуемых в поэме Н. А. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“».

Темой доклада А. С. Музыченко (Луцк) был перенос ударения с существительных на предлоги в поэтическом языке Н. А. Некрасова. С большим интересом был выслушан доклад В. М. Огольцева (Петрозаводск) «Об особенности применения уменьшительных образований в произведениях Н. А. Некрасова».

Автор полемизирует с выводом И. Э. Мандельштама о «заолупотреблении уменьшительными» в стилизованных произведениях Н. А. Некрасова («Об уменьшительных суффиксах в русском языке со стороны их значения», ЖМНП, 1903, № 7—8). В. М. Огольцев предлагает определять значения этих применений уменьшительных с точки зрения их отношения к «объекту эмоции».

На конференции были прослушаны также доклады: Т. Н. Кондратьева (Казань) «Итогация повторов как средство художественной выразительности стихов Н. А. Некрасова»; Н. А. Копейкина (Ставрополь) «Язык Некрасова-повествователя в поэме „Кому на Руси жить хорошо“»; С. А. Червяковской (Горький) «Язык героев „Кому на Руси жить хорошо“», А. М. Мелерovich (Кострома) «Глагольные фразеологизмы в поэме Н. А. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“», А. Н. Кожин (Москва) «Военная лексика в стихотворном языке Н. А. Некрасова»; М. Ф. Власов (Пермь) «Н. А. Некрасов о языке и стиле»; Н. И. Кандалин (Кустанай) «Некрасовские традиции в языке и стиле советской поэзии (Н. А. Некрасов и А. А. Сурков)».

Конференция лингвистов-некрасоведов, регулярно проводимые в Ярославском педагогическом институте, показали, что круг исследователей, занимающихся изучением языка и стиля Н. А. Некрасова, с каждым годом расширяется и что это в значительной степени является результатом инициативы и усилий в этой области кафедры русского языка Ярославского института. Изучение языка и стиля Н. А. Некрасова охватывает широкий круг вопросов, которые в основном относятся к следующим областям: художественные средства языка, стиль писателя в целом и стиль его отдельных произведений, акцентология, лексикология, словообразование, морфология и синтаксис.

Конференция считает, что основной задачей лингвистов-некрасоведов на ближайшие 2—3 года должно стать создание картотеки, на основе которой может быть составлен полный словарь поэтических и прозаических произведений Н. А. Некрасова.

Н. Ф. Ерастова, В. Ф. Мазилова (Ярославль)

*

20—23 декабря 1966 г. в Горьком состоялась межвузовская конференция «Проблемы лингвистического описания разговорной речи», на которой были представлены докладчики из 42 городов десяти республик Советского Союза. Конференция, посвященная 50-летию Советской

власти, была организована Проблемным советом по развитию устной речи на иностранных языках при Министерстве просвещения РСФСР и Горьковским гос. пед. институтом иностранных языков им. Н. А. Добролюбова.

На пленарных заседаниях было прослушано 15 докладов. Часть докладов была посвящена общим вопросам изучения речи и речевой деятельности. В докладе Н. Д. Андреева (Ленинград) «Система устной речи как объект статистико-комбинаторного моделирования» система речи рассматривалась как совокупность независимых синтагматических (речевых) вероятностей языковых элементов и набор их коррелятивных функций при различных условиях текстовой реализации. Были отмечены некоторые особенности системы строевых средств устной речи по сравнению с письменной, а также и другие особенности, дающие основания для разработки специального статистико-комбинаторного алгоритма членения устной речи. В докладе «Речь и речевая деятельность» Г. Г. Сильницкий (Смоленск) предложил в качестве наиболее адекватной модели речевой деятельности трехчленное построение: «язык» — «тема высказывания» — «речь», причем «тема» рассматривается как исходная точка речевого акта. Предложение представляется четырехъязычной структурой, образуемой соотношением темы и семантической, лексической и грамматической моделей. М. А. Балан (Днепропетровск) в докладе «Речевая деятельность и принцип членораздельности речи» выводил основные аксиомы лингвистики (предложения строятся из слов, слова — из морфем, морфемы — из фонем) из принципа членораздельности речи, а последний связывал с исторически сложившейся практикой презентации речевого континуума средствами буквенной письменности.

Несколько докладов было посвящено проблематике разговорной речи как формы реализации одного из стилей языка. В докладе О. Б. Сиротиной (Саратов) «Разговорная речь (проблема определения понятия)» отмечались трудности определения данного понятия в связи с перекрещиванием разнообразных оппозиций в процессе реализации разговорной речи как одной из функциональных разновидностей литературного языка. В частности, с понятием «разговорная речь» связаны оппозиции функциональных стилей речи (разговорный, научный и др.), ее форм (устная и письменная), видов (диалогический и монологический) и типов (бытовой, нейтральный, книжный). Ю. М. Скребнев (Горький) в докладе «Разговорная речь как предмет лингвистического изучения» высказал мысль, что разговорная речь как объект лингвистического исследования представляет собой язык, а не речь, точ-

нее — одну из функциональных подсистем языка. В качестве признаков, могущих в совокупности ограничивать систему манифестаций рассматриваемой подсистемы, были предложены устный характер речевого продуцирования, относительная ограниченность тематики, ситуационная стереотипность значительного числа речевых актов, преимущественно диалогическая их природа, зависимость их от внеречевой деятельности говорящих, спонтанность (неподготовленность) речевых актов и др. Проблема исследования специфики разговорной речи сводится, по мнению докладчика, в основном к изучению отношения специфических языковых форм к нейтральным, стилистически irrelevantным формам, которые принимаются за исходный термин сравнения. Отношения между нейтральной нормой и ее стилистической «производной» могут быть имплицативными и эксплицативными. В докладе А. Д. Райхштейн (Москва) «Об устойчивости речевых единиц» было выдвинуто положение о том, что в основе устойчивости речевых единиц лежит, наряду с речевой типичностью, также ветвищность, нестандартность плана выражения, проявляющаяся либо в одном из параметров фразы, либо в глобальном несоответствии общего смысла речевой единицы суммарному смыслу ее составляющих. В докладе Е. Ф. Тарасова (Москва) «Функциональная модель диалогического общения» была отмечена многоаспектность диалогического общения, позволяющая рассматривать языковые феномены в качестве лишь одного из компонентов диалога как акта коммуникации. Другими компонентами, подлежащими учету в различных моделях диалогического общения, могут быть социально-психологические характеристики общающихся, этические ограничения, языковая контактированность, акустические характеристики голосов общающихся, наличие или отсутствие помех, функционирование знаков в зависимости от накопления информации в системе «информирующий — информируемый», совместное функционирование знаков различных кодов и проч.

В ряде докладов были затронуты проблемы описания отдельных аспектов разговорной речи (фонетика, грамматика, лексикология, стилистика). Так, доклад О. Х. Цахера (Иркутск) «Об акцентной структуре разговорно-обиходной устной речи» был посвящен акцентной структуре фразы, которая рассматривалась как основной компонент интонационной выразительности. В докладе Р. Р. Каспранского (Горький) «Репрезентация фонологической системы в разговорной речи» на основе анализа статистических данных было показано, что в условиях обиходно-разговорной речи один и тот же звук речи репрезентирует и фонему, и звукотип языка (элемент

нормы произношения). В докладе И. Б. Хлебниковой (Орехово-Зуево) «Некоторые вопросы исследования грамматических особенностей английской разговорной речи» рассматривались методы исследования разговорной речи. В докладе Г. И. Богина (Кочетав) «Некоторые признаки разговорной речи и проблемы их описания в двуязычной лексикографии» была сделана попытка предложить пути рационализации словарных статей национально-иностранного словарей. С. Д. Берсенев (Свердловск) в докладе «Речь и стиль» выступил против деления лингвистической стилистики на две дисциплины (стилистика языка и стилистика речи) ввиду материального единства объекта изучения (стиль речи). Доклад А. А. Хадеевой-Быковой (Орехово-Зуево) «К вопросу о типологических характеристиках разговорной речи в родственных языках» был построен в сопоставительном плане на материале английского и датского языков. По мнению докладчика, лексический и грамматический минимум разговорной речи в обоих языках моделируется на интонационном максимуме.

В докладе В. М. Андрющенко (Москва) «О возможности теоретического обоснования методики преподавания языков» была предложена модель переработки языковой информации в психике говорящих, которые владевают определенным для данного языка типом перекодирования единиц по определенному основанию системы счисления. Доклад Е. И. Пассова (Горький) «Речевая ситуация как лингвистическая основа коммуникативных упражнений» был посвящен актуальным вопросам обучения устной речи на иностранных языках. Свыше девяноста докладов были прослушаны и обсуждены на заседаниях секций.

На заседаниях секции «Общие проблемы изучения разговорной речи» были прослушаны следующие доклады: Г. Г. Инфантова (Таганрог) «К определению понятия „разговорная речь“»; Б. А. Князев (Челябинск) «К вопросу об определении понятия „разговорная речь“»; Б. П. Годунов (Сыктывкар) «К вопросу о соотношении понятий диалогической и разговорной речи»; Л. М. Минкин (Харьков) «Некоторые лингвистические характеристики внутренней и внешней речи»; Н. В. Глаголев (Москва) «Основы языковой экономики и языковой избыточности в синтаксисе разговорной речи»; В. Ф. Нечипоренко (Москва) «Изучение разговорного стиля в языке с позиций трансформационной грамматики»; Г. Х. Короглов (Ростов) «О некоторой лингвистической статичности синтаксических моделей в устной речи»; Е. М. Верещагин (Москва) «Разговорная речь при продуктивном билингвизме».

На заседаниях секции «Фонология» были прослушаны доклады: Р. Р. Каспранский «Эллипсис и фонетический эллипсис»; М. В. Раевский (Тула) «Фонологические особенности немецкой разговорной речи»; А. В. Степанова (Горький) «Интонация английской разговорной речи»; Н. А. Галайдина (Алма-Ата) «Закономерности интонационного оформления английской разговорной речи»; С. М. Гайдучик (Минск) «Зависимость артикуляции от речевой интонации»; Г. И. Рожкова (Москва) «Некоторые проблемы восприятия эмоциональной интонации»; Л. Д. Ревтова (Минск) «Коммуникативно-интонационные виды обращения в современном английском языке»; Д. Н. Махмутова (Москва) «К вопросу интонационного оформления пространственных и временных уточняющих конструкций и отграничение их от смежных синтаксических конструкций в современном английском языке»; Г. В. Беркаш (Харьков) «О логическом ударении как интонационным средстве выражения логических видов вопроса в вопросительных предложениях английской разговорной речи».

Ряд докладов был прослушан на секции «Морфология»: А. Т. Кукучкина (Горький) «К вопросу об экономии языковых средств при формообразовании»; О. В. Иосифов (Пятигорск) «Эквивалентные сочетания *s*' и предлогом *of* в современной английской речи»; Я. Г. Биренбаум (Магнитогорск) и И. А. Кузнецов (Свердловск) «Несобственные числительные в современном английском языке»; Н. Е. Фролова (Горький) «Особенности употребления времен в разговорной речи»; М. Ф. Чикурова (Орехово-Зуево) «Соотношение реализации и нейтрализации английских глагольных оппозиций в повествовании и диалогах»; Е. С. Посвольская (Орехово-Зуево) «Некоторые случаи употребления модальных глаголов *can* и *may* в разговорной речи»; Л. С. Гоксадзе (Тбилиси) «Особенности употребления неоднозначных глаголов в разговорном английском языке»; Л. И. Сапогова (Тула) «Специфика использования морфемных усечений в сопоставлении с прототипами и лингвосоциологический подход к исследованию разговорной речи»; Ф. И. Маулер (Орджоникидзе) «К употреблению форманта *ll* в современном английском языке»; М. А. Абдуразаков (Ташкент) «К вопросу о сокращенных формах аналитических конструкций»; Я. Г. Биренбаум и Е. С. Смушкевич (Магнитогорск) «Некоторые особенности употребления предлогов в современном английском языке»; А. Б. Прохорихин (Тобольск) «Употребление предлогов и предложных конструкций в диалогической и монологической речи как

один из признаков экономии или избыточности языковых средств»; М. И. Чураева (Горький) «Некоторые случаи функционирования в речи присубстантивного слова *ein*»; А. Т. Кривоносов (Калинин) «К методике выделения модальных частиц немецкой разговорной речи».

Наибольшее число докладов было сделано на секции «Синтаксис»: Л. Н. Иноземцев (Горький) «К вопросу о некоторых наиболее общих категориях оценки синтаксического строя коммуникативного стиля речи»; И. И. Турпикий (Горький) «К вопросу о коммуникативной двусоставности в английской диалогической речи»; К. Г. Середина (Горький) «О компрессии синтаксической структуры в разговорном английском языке»; Ю. М. Скребнев (Горький) «О „дехарактеризованных“ предложениях в разговорной речи»; О. С. Толмасова (Горький) «К вопросу реализации языковых синтаксических моделей предложения в речи на материале современной английской прессы»; Л. А. Петрова (Москва) «Некоторые синтаксические модели разговорной речи»; Ю. А. Гуляев (Орехово-Зуево) «Неполносоставные вопросительные предложения в диалогической речи»; Э. А. Трофимова (Ростов) «Опущение неударных и семантически опустошенных членов предложений — одна из тенденций развития английской разговорной речи»; Н. К. Козлова (Горький) «Утвердительные по структуре предложения, выражающие отрицание и отрицательную оценку в английской разговорной речи»; Х. Х. Фридман (Горький) «Употребление некоторых конструкций с вторичной предикацией в разговорной речи в современном английском языке»; С. Н. Козлова (Ленинград) «К вопросу об обособлении второстепенных членов предложения в современном английском языке»; Э. Н. Плехина (Горький) «О некоторых явлениях синтаксического замещения в современной английской разговорной речи»; К. В. Сизов (Горький) «Сложное предложение с несколькими придаточными в диалогической речи»; Л. В. Карпова (Горький) «Сопоставительный анализ сложноподчиненных предложений с союзом *when* в двух функциональных стилях»; А. И. Литвиненко и А. Р. Томлянович (Горький) «Присоединительные конструкции в разговорной речи современного английского языка»; С. Я. Гельбергер (Ижевск) «Лексические коннекторы в possessивных и присоединительных конструкциях повествования и диалога»; Л. М. Минкин (Харьков) «Коммуникативная перспектива общевпросительных предложений во французском языке»; Е. И. Сингер (Горький) «Некоторые предварительные данные о частотности

употребления вводных слов в английской разговорной речи»; Л. М. Михайлов (Абакан) «О размерах предложения немецкой диалогической речи»; А. Ф. Казанова и Е. Ф. Лазаревич (Горький) «Типы повторов в английской разговорной речи».

Доклады, прослушанные на секции «Лексикология»: Л. П. Ступин (Ленинград) «Проблема отражения разговорной речи в толковых словарях»; Е. В. Кучерявенко (Ленинград) «К вопросу о лексическом параллелизме в разговорной речи»; И. Н. Шмаркова (Тула) «Глаголы перемещения в немецкой разговорной речи»; И. С. Полякова (Смоленск) «„Разговорные значения“ как „промежуточное звено“ в семантическом развитии профессионально-терминологической лексики»; Л. С. Абзгауз (Уфа) «Эквиваленты, варианты, синонимы»; С. Е. Билятенко (Ростов) «Речевая обусловленность значения лексических синонимов»; Н. И. Сущун (Горький) «Омонимы в речи»; Л. С. Бурдин (Москва) «О соотношении *general slang* и *special slang* в современном английском языке»; И. П. Генене (Вильнюс) «К вопросу об употреблении современного английского слэнга и ограничение его от разговорной лексики»; С. Б. Берлизон (Рязань) «Некоторые особенности лексики и фразеологии английской разговорной речи»; Г. Г. Прядильникова (Куйбышев) «К вопросу о переводе на английский язык русской разговорной фразеологии».

Доклады, поставленные на секции «Стилистика»: С. Н. Сыроваткин (Пятигорск) «К вопросу о статистическом определении стиля»; С. И. Кауфман (Коломна) «Опыт статистического исследования особенностей разговорной речи»; С. С. Беркнер (Воронеж) «К вопросу о стилистической дифференциации английской разговорной речи»; В. А. Кухаренко (Одесса) «Отражение основных характеристик разговорной речи в диалоге художественного произведения»; М. М. Бикель (Горький) «Экспрессивно-стилистические варианты побудительности»; А. Б. Кошляк (Уфа) «Принципы анализа языковой ткани драматического произведения»; Ю. П. Зотов (Саранск) «Синтаксические структуры английской разговорной речи и их стилистическое использование в современной английской литературе»; З. А. Медведева (Уфа) «К вопросу о соотношении устной и письменной форм научно-технического стиля»; С. Б. Берлизон (Рязань) «К вопросу об эмоциональной окрашенности фразеологических единиц в современном английском языке»; А. Л. Воронов (Горький) «К вопросу о средствах юмора в немецком разговорном языке»; Е. К. Мельниченко (Одесса) «Количественные сдвиги

элементов разговорной речи, отличающие внутренний монолог от несобственно-прямой речи и образа непосредственного восприятия»; А. С. Дубовая (Горький) «Об особенностях разговорного субстрата в несобственно-прямой речи романов Мопассана и Сент-Экзюпери»; Л. М. Михайлов и А. В. Проскурин (Абакан) «О синтаксических особенностях разговорной речи в публицистике»; Л. А. Яценко (Душанбе) «К вопросу о функциональном изучении немецкой диалогической речи».

На заседаниях секции «Сопоставительные исследования» были прослушаны доклады: Б. И. Ваксман (Калинин) «Избыточность и недостаточность в синтаксисе разговорной речи»; И. А. Наумова (Рига) «Типологическое сопоставление разговорной тенденции использования непереходных глаголов в качестве каузативного в английском, немецком и французском языках»; Б. М. Балин (Калинин) «Аспектологический дуализм действий как следствие избыточности контекстных средств или наличия контекстного сепаратизма отдельных глагольных форм в германских языках»; А. А. Заварин (Москва) «Предложно-субстантивные сочетания современного английского языка в атрибутивном употреблении и их немецкие эквиваленты»; Г. Г. Сильницкий (Смоленск) «Глагольные модели баскского языка в сопоставлении с английским языком»; В. Д. Ившин (Коломна) «Типы рамочных конструкций в немецком и английском языках и степень их употребления в разговорной речи»; И. Г. Сапрыкина (Горький) «Аппозиционные модели предложений в английской и немецкой разговорной речи»; П. С. Вдовиченко (Горький) «Самостоятельные предложения с *dass* и их эквиваленты в русской разговорной речи»; А. Н. Лисс (Ош) «Некоторые вопросы сопоставительного изучения разговорной речи неродственных языков в обучении иностранным языкам».

Восемь докладов было прослушано на секции «Методика».

Конференция приняла решение сделать обсуждения проблем лингвистического описания разговорной речи регулярными и издавать соответствующие материалы. Материалы конференции опубликованы в сборнике «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи» (Горький, 1966).

Г. И. Богин (Кокчетав)

*

21—22 ноября 1966 г. в Институте русского языка АН СССР (Москва) состоялось расширенное заседание сектора истории русского ли-

тературного языка, посвященное обсуждению prospects грамматики русского языка («Основы построения описательной грамматики русского литературного языка», М., 1966)³.

Открывая заседание, Н. Ю. Шведова (Москва) сказала, что на первых этапах работы над грамматикой предполагалось, что это будет краткая нормативная грамматика типа академической. Однако в дальнейшем авторский коллектив убедился, что такая задача трудно совместима с другими поставленными перед ним задачами, в частности — с требованием отразить в той или иной мере современные решения ряда вопросов грамматической теории. Вместе с тем известно, что таких решений сейчас много, так же как много методов их достижения: это и так называемые традиционные методы в их современном состоянии, и методы генеративной грамматики, и собственно трансформационные приемы «внутриязыковых переводов». Естественно, что создать грамматику, которая удовлетворила бы сторонников самых разных направлений, невозможно. В то же время авторы не могли отказаться от попытки предложить некоторые собственные решения.

В обсуждении проспекта приняли участие языковеды Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других городов. Выступавшими была дана общая положительная оценка книги, отмечен ее высокий теоретический уровень (В. К. Журавлев, Е. А. Василевская, Ю. В. Ванников, К. Гаузенблас, Е. В. Чепков, С. В. Бромлей, Б. В. Горнунг и др.). Было указано также, что книга уже вошла в научный обиход отечественной лингвистики.

При обсуждении раздела «Морфонология» (автор В. А. Редькин) выступили А. А. Леонтьев (Москва), В. К. Журавлев (Донецк), Б. В. Горнунг (Москва), Н. А. Матвеева (Москва) и А. И. Моисеев (Ленинград), которые в целом положительно оценили взгляды автора на предмет морфонологии и план построения соответствующего раздела. Однако было отмечено два существенных недостатка: невнимание к проблеме пограничных сигналов (В. К. Журавлев, Н. А. Матвеева) и, при наличии хорошо разработанной парадигматики, почти полное отсутствие описания синтагматического аспекта морфонологии (А. А. Леонтьев).

В ответном слове В. А. Редькин уточнил свое понимание задач изучения структуры морфемы в разделе «Морфоно-

логия». Что касается синтагматического аспекта морфонологии, то, как отметил В. А. Редькин, он будет разработан в дальнейшем в особых главах раздела.

Положительную оценку получил раздел «Словообразование» (авторы В. В. Лопатин и И. С. Улуханов). В выступлении П. А. Соболевой (Москва) отмечалось четкое понимание авторами задач синхронного описания словообразовательной системы русского языка. Как на положительные моменты работы П. А. Соболева указала на внимание к не освещавшейся до сих пор в грамматиках проблеме критериев установления синхронной мотивированности (направления производности), особенно в тех случаях, где эта производность морфологически не выражена. Удачно разрешаются в книге вопросы регулярности и продуктивности словообразовательных типов и средств, морфолого-синтаксических способов словообразования и нулевой аффиксации и др. В то же время П. А. Соболева отметила и ряд спорных положений.

А. И. Моисеев (Ленинград), положительно оценив выделение словообразования в особый раздел, отметил, что изложение материала по частям речи лишь в незначительной степени изменяет традиционное описание словообразования. А. И. Моисеев считает, что отказ от изучения путей возникновения слов и выяснение только структурно-семантических связей их в системе современного языка, замена диахронических терминов «производный», «производящий» синхроническими «мотивируемый», «мотивирующий» приводит к тому, что проблема «как сделаны слова» оказывается снятой, и словообразование, по существу, становится беспредметным. А. И. Моисеев указал также на недооценку в разделе морфемного анализа слов. В выступлении Е. А. Василевской (Москва) отмечалось как спорное положение о том, что при морфолого-синтаксическом и чисто синтаксическом способах словообразования слова возникают путем «мгновенного называния», и указывалось на диахронность этих процессов. Е. А. Василевская высказала пожелание, чтобы в отдельных случаях в разделе давались справки исторического характера. М. Г. Булахов (Минск) отметил, что понятия «тип» и «модель» требуют более четкого разграничения; должно быть указано также, какое место занимают в современном языке «мертвые модели»; было бы целесообразно противопоставлять модели действующие и модели, перешедшие на периферию системы. Полемику с А. И. Моисеевым, К. Гаузенбласом (Прага) заявил о своем согласии с авторами, считающими, что синхронный подход к фактам словообразования не исчерпывается только структурной мотивацией. В синхронном аспекте исследования существует

³ Интересное обсуждение проспекта было организовано Отделением восточнославянских языков Института языков и литературы ЧСАН. Обсуждение состоялось 6—7 октября 1966 г. в Праге. Материалы обсуждения опубликованы в № 2 журнала «Československá rusistika» за 1967 г.

также проблема продуктивности, и ее решение дается в плане синхронной динамики. П. Н. Денисов (Москва) высказал пожелание, чтобы в разделе учитывалось влияние на литературный язык окололитературных сфер функционирования языка (например, социальных диалектов, научно-технической литературы).

В ответном слове И. С. Улуханов сказал, что построение раздела «Словообразование» по частям речи отвечает внутреннему строению словообразовательного яруса языка: словообразование каждой части речи имеет свою специфику, образует особую систему взаимодействия словообразовательных типов. Описания, исходящие из результатов морфемного анализа, вполне правомерны, но построение словообразовательной системы как системы типов, моделей невозможно с помощью этих методов. И. С. Улуханов отметил, что замена термина «производный» термином «мотивированный» не противоречит стремлению выявить синхронные словообразовательные отношения, но способствует терминологическому разграничению синхронного и исторического аспектов словообразования. И. С. Улуханов выразил сомнение в возможности установления конечного списка частных словообразовательных значений, представляющих собой результат обобщений лексических значений мотивирующих слов.

Оценив в целом положительно раздел «Морфология» (автор В. А. Плотникова), С. В. Бромлей (Москва) отметила, что требуется большая точность в определении границ между словообразованием и словоизменением. В построении раздела присутствует некоторый анатомизм описания. Как положительный факт С. В. Бромлей отметила решение в разделе ряда частных проблем, бывших до сих пор спорными.

Много замечаний вызвал тезис о возможном выделении в качестве самостоятельных частей речи таких групп, как причастие, деепричастие и компаратив. Мнения выступавших по этому поводу разделились.

Выступавшими отмечалось нарушение провозглашенного в разделе принципа равнозначности семантико-грамматического и формального критериев при классификации частей речи. Определяющим в ряде случаев оказывается формальный принцип (Н. С. Поспелов, Е. С. Скобликова). Как указал Н. С. Поспелов (Москва), при выделении частей речи не учтен признак сочетаемости. Е. В. Чешко (Москва) обратила внимание на противоречия в истолковании категории падежа у авторов разделов «Морфология» (по Р. О. Якобсону) и «Синтаксис» (по Е. Куриловичу).

В. А. Плотникова (Москва) в заключительном слове признала справед-

ливость ряда замечаний и подробнее остановилась на обосновании возможности выделения причастия, деепричастия и компаратива в качестве самостоятельных частей речи.

Оживленному обсуждению подвергся раздел «Синтаксис словосочетания и простого предложения» (автор Н. Ю. Шведова). Было отмечено, что автору удалось реализовать положенную в основу описания концепцию синтаксиса как системы с двухъярусным строением. Было указано также, что в разделе по-новому оживляются многие вопросы синтаксиса. Заслуживающей внимания была признана часть раздела, в которой излагается теория предложения и вводятся понятия структурной основы и парадигмы предложения. Касаясь понятия структурной основы предложения, многие из выступавших говорили о необходимости его дальнейшей конкретизации. Указывалось, что в работе не только не представлен полный инвентарь предложенческих формул русского языка, но и не охарактеризованы их структурные компоненты. С большим интересом дискутировалось понятие парадигмы предложения. В некоторых выступлениях высказывалось сомнение в чисто синтаксическом характере этой парадигмы (Н. С. Поспелов, Г. В. Валимова), а также в самой правомерности объединения в пределах одного парадигматического типа таких предложений, как *Ночь* и *Была ночь* (А. С. Попов), *Будь ночь темна...* — *Пусть ночь темна...* — *Если бы ночь была темна* (Г. В. Валимова). Н. С. Поспелов выразил свое несогласие с исключением категории лица из числа парадигматически значимых категорий. И. А. Попова (Москва) указала на стилистическую неоднородность многих парадигм и поставила под сомнение грамматическую правильность некоторых включаемых в их состав форм. В связи с этими замечаниями перед автором встает задача более глубокой разработки вопроса о тождестве предложения, или, иными словами, вопроса о регулярной грамматической и семантической соотносительности предложений, относимых к одному синтаксическому классу. Нуждается в специальном обосновании и тезис о несводимости парадигмы предложения к морфологической парадигме глагола. Более четкого и последовательного решения требует также вопрос о так называемой «нулевой связке» (об этом говорили А. С. Попов, Н. С. Поспелов, В. И. Чернов, В. А. Ицкович). В выступлениях В. И. Чернова (Смоленск) и Ю. В. Ваникова (Москва) указывалось на то, что парадигматический аспект разработан в ущерб аспекту синтагматическому: описание синтагматических структур на уровне предложения фактически исчерпывается минимальными моделями. А между тем введение максимальной синтагматической модели, возможное при

разделении синтаксических связей на замкнутые («интенциональные») и незамкнутые («экстенциональные»), позволило бы однозначно описать некоторые сложные явления, еще не получившие удовлетворительной интерпретации.

При обсуждении глав, посвященных типологии синтаксических связей и систематике словосочетаний, в центре внимания оказались следующие вопросы: о различии между словосочетанием и предложением, о сильном и слабом управлении, о квалификации примыкания и некот. др. По мнению Ю. Д. Апресяна (Москва), параграф о различиях между словосочетанием и предложением мало удачен; он может быть улучшен путем устранения сложного понятия координации и использования понятия подчинительной связи в смысле Е. Куриловича. Касаясь понятий сильного и слабого управления, Ю. Д. Апресян сказал, что при их описании слишком много внимания уделяется внешним аспектам управления и слишком мало — его содержательной стороне. Следовало бы указать, например, на связь между силой управления и значением управляемых форм. Ю. Д. Апресян предложил ввести особый параграф о синтаксических комплексах, т. е. двух связанных глаголом словоформах, одна из которых может трансформироваться в определенное к другой (например, *смотреть ему в глаза* → *смотреть в его глаза*). О необходимости уточнения понятия «управление» говорили Е. С. Скобликова (Куйбышев), О. Б. Сиротинина (Саратов), З. Д. Попова (Воронеж).

Анализу понятия «примыкание» посвятил свое выступление К. Гаузенблас. Согласившись с предложенной в книге трактовкой примыкания как вида синтаксической связи, выраженной формально, К. Гаузенблас предложил собственное обоснование этой точки зрения. О целесообразности выделения синтаксического класса детерминантов говорила О. Б. Сиротинина. Она же выразила желание, чтобы в дальнейшем полнее был представлен параграф о порядке слов. В ряде выступлений подверглось критике понятие комбинированного словосочетания (Ю. В. Ванников, А. И. Моисеев). Н. С. Поспелов указал на необходимость более четкого разделения таких понятий, как «обособление», «обращение» и «вводность». О недостаточном внимании к синтаксису осложненного предложения говорил Н. Н. Прокопovich (Москва). Критика деления подчинительных связей на ограниченные и неограниченные как организующего (типологического) момента содержалась в выступлении И. И. Ревзина (Москва). В ходе обсуждения был высказан ряд соображений более частного характера. Указывалось, например, на необходимость более строгой и продуманной си-

стемы терминов. Было высказано желание, чтобы в грамматику был введен особый параграф о синтаксических категориях (В. К. Журавлев, А. С. Попов, П. Н. Денисов и др.).

В ответном слове Н. Ю. Шведова внесла ряд уточнений к предлагаемой разработке отдельных разделов синтаксиса и, в частности, раздела о парадигме предложения. Н. Ю. Шведова обосновала свою точку зрения на синтаксический характер обсуждаемой парадигмы и изложила свои взгляды на проблему нулевых синтаксических форм. Касаясь вопроса о формулах предложения, она указала на реальную возможность нахождения исчерпывающего списка этих формул и наметила основные направления соответствующих поисков. Был дан ряд разъяснений к разделу «Словосочетание».

Ценным был признан раздел «Синтаксис сложного предложения» (автор В. А. Белошапкова). По мнению большинства выступавших, автору удалось осуществить принцип строго формального и комплексного анализа сложного предложения как особого синтаксического образования, в формировании которого участвуют различные языковые средства. Указывая, что в основу описания положена концепция сложного предложения, выдвинутая Н. С. Поспеловым, многие из выступавших говорили о том, что здесь эта концепция получила дальнейшее развитие. К числу удачных решений следует отнести прежде всего противопоставление открытых и закрытых, а также гибких и негибких структур (выступления Н. С. Поспелова, Р. П. Рогожниковой, Г. П. Уханова и др.). В ходе обсуждения были высказаны и критические замечания. Так, Р. П. Рогожникова (Ленинград) указала на намечающуюся в ряде случаев опасность схематизации и излишней формализации исследования и призвала к тщательному изучению конкретной семантики лексических единиц, способных стать конструктивными элементами предложения. Н. С. Поспелов выразил свое несогласие с квалификацией открытых структур как явления, занимающего в системе сложного предложения лишь незначительное место. С. Е. Крючков (Москва) и Г. П. Уханов (Калинин) возражали против трактовки слитных предложений как предложений сложных. О недостаточном внимании автора к явлениям соотносительности простых и сложных, а также союзных и бессоюзных структур говорили Г. П. Уханов и А. С. Попов. По мнению С. Е. Крюčkова, требует специального обоснования выделение местоименно-относительных конструкций в качестве самостоятельного структурно-семантического типа. Он же высказал желание, чтобы в дальнейшем был введен раздел «Некоторые особенности раз-

говорно-диалогической речи», а также раздел о сложных синтаксических целых. К последнему пожеланию присоединился А. С. Попов.

В ответном слове В. А. Белошапкина сказала, что при попытке системного описания синтаксиса сложного предложения перед исследователями встает ряд вопросов, еще не подвергавшихся специальному рассмотрению. Так, плохо обследованы и не до конца выявлены союзы русского языка; почти не изучены закономерности, регулирующие выбор и функционирование простых предложений в составе сложного; совершенно недостаточно изучен вопрос об особенностях предикативных единиц, составляющих части сложных предложений, и пр. Свою первоочередную задачу автор видит также в подробном обосновании понятия структурной формулы сложного предложения.

В заключение Н. Ю. Шведова отметила, что неизученность ряда вопросов теории и обилие разных грамматических концепций являются объективными трудностями, возникающими в настоящее время при создании описательной грамматики русского языка. В «Грамматике», несомненно, отразится дискуссионность решения ряда проблем. Проспект «Грамматики», написанный в короткий срок, не свободен от недоработок и лакув, которые в дальнейшем авторский коллектив надеется устранить.

И. Н. Егорова, Е. С. Копорская (Москва)

С 18 по 20 октября 1966 г. в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской проходила V научная конференция кафедр русского языка Московского зонального объединения. Она была посвящена 50-летию Советской власти. В работе конференции приняли участие более 100 человек — научные работники академических институтов, преподаватели педвузов и университетов Москвы, Воронежа, Рязани, Смоленска, Тулы, Иванова и других городов.

Конференция открылась выступлением акад. В. В. Виноградова (Москва). В докладе В. В. Виноградова было дано обстоятельное и разностороннее освещение «Словаря современного русского литературного языка». Чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин (Москва) осветил итоги работы советских языковедов, касающейся межнациональных и межязыковых отношений народов СССР. Он отметил большое значение многочисленных мероприятий, направленных на создание письменности и литературных языков многих национальностей, на приобщение нерусских народностей к достижениям мировой культуры на своих

родных «письменных» (литературных) языках.

Тематика конференции была разнообразной и касалась проблем, связанных с подготовкой филологически образованных преподавателей для средней школы, а также различных аспектов грамматического строя современного русского языка.

Действ. чл. АПН РСФСР А. В. Текучев (Москва) говорил о повышении научного содержания курса русского языка в средней школе в связи с переходом средней школы на работу по новым учебным программам. И. А. Василенок (Москва) остановился на вопросе подготовки кадров для средней школы. И. Г. Голанов (Москва) подробно рассказал о роли кафедры русского языка МГПИ им. В. И. Ленина в деле подготовки учителей и научных работников за годы Советской власти. А. Н. Кожин (Москва) рассказал о деятельности кафедры русского языка МОПИ им. Н. К. Крупской.

Значительное место на конференции было отведено докладам, посвященным актуальным вопросам изучения лингвистических дисциплин в вузе.

Много внимания было уделено вопросам, затрагивающим различные проблемы грамматического строя современного русского языка. И. П. Мучник (Москва) в докладе «Развитие морфологической системы современного русского языка» развивал тезис об активизации процессов аналитизма в морфологическом строе современного русского языка.

На конференции обсуждались различные аспекты изучения словосочетания. Ю. Д. Априесян (Москва) остановился на синтаксических парадигмах русского глагола в связи с вопросом о соотношении между синтаксическими и семантическими характеристиками слова. Е. Т. Черкасова (Москва) рассказала об исторических исследованиях колебаний в предложном управлении, связанных с процессом формирования и развития категории предлогов. Она отметила влияние словообразовательных связей и употребления на характер сочетаемости предлога в различных типах речи. Соотношению словосочетания и слова и вопросам словопроизводства были посвящены сообщения Е. А. Василевской и М. Ф. Тузовой.

На конференции обсуждались также вопросы структуры простого и сложного предложения. П. А. Лекант (Москва) предложил обоснование понятий двусоставности и односоставности, исходя структурно-синтаксических принципов, с учетом категорий предикативности, синтаксических отношений, синтаксических позиций. Вопросы структуры односоставного предложения, разграничения односоставных и двусоставных конструкций рассматривались в сообщениях Л. П. Ефановой (Москва) и

И. Г. Васильевой (Москва). Я. И. Рословец (Москва) в докладе «О типах сказуемого» пытался обосновать классификацию сказуемых путем анализа специфики предикативного сочетания и его места в структуре предложения. В. И. Чернов (Смоленск) показал, что предикативное употребление прилагательных связано с рядом грамматических условий и что общее значение прилагательного и связки может быть определено путем исследования особенностей употребления смежных построений, представляющих именную предикацию в современном русском языке. В. М. Никитин (Рязань) остановился на спорных вопросах современной теории второстепенных членов предложения. В докладе А. И. Аникина (Москва) «Вставные конструкции как синтаксическая категория» рассматривались различные типы таких построений и способы включения последних в основное предложение, а также отношения между семантикой предложения и вставными конструкциями. Наблюдения над вводными предложениями были сообщены в выступлении А. И. Студновой (Рязань). Характеристике простого предложения как основе для изучения сложного было посвящено выступление М. В. Федоровой (Воронеж). Отдельные вопросы сложного предложения рассматривались в выступлениях А. В. Дудникова (Москва), А. М. Устинова (Иваново), Н. Н. Холодова (Смоленск), Н. С. Камышева (Москва).

Некоторые аспекты стилистики (вопросы синонимии, просторечия) рассматривались в докладах В. П. Сухотина (Москва), Т. С. Коготковой (Москва), Н. Е. Буровой (Иваново), Т. И. Коваленко (Москва).

Различным вопросам диалектологии были посвящены выступления Г. А. Хабургаева (Москва) («Опыт фонологического описания диалектной системы вокализма»), М. А. Романовой (Тюмень), давшей описание гласных с носовым призвуком в русских говорах по нижнему течению Иртыша, Н. П. Саблинной (Южно-Сахалинск), изложивший данные о происхождении так называемых «ляшских» черт в русских говорах Камчатки.

А. Н. Кожин, П. А. Лекант (Москва)

*

С 14 по 18 июня 1966 г. в Челябинске проводилась II межвузовская конференция пединститутов Урала, Сибири и Дальнего Востока по вопросам романо-германской филологии, организованная по инициативе кафедр иностранных языков Челябинского гос. педин-та.

В конференции приняли участие свыше 250 человек. Среди них были преподаватели вузов Челябинска, Магнитогорска, Кургана, Кемерово, Свердловска, Оша, Тобольска, Уфы, Улан-Удэ, Красноярска, Нижнего Тагила, Иркутска, Петропавловска-на-Камчатке, Новосибирска, Оренбурга, Абакана, Бирска, Шадринска.

С докладами выступили также представители Москвы и Ленинграда, Воронежа, Минска, Орехово-Зуева, Пскова, Саратова, Коломны, Краснодара, Алматы и некоторых других городов.

На конференции работали секции синтаксиса, морфологии, словообразования, лексикологии, стилистики, методики.

На пленарном заседании было прослушано пять докладов. В докладе И. Б. Хлебниковой (Орехово-Зуево) говорилось о соотношении индукции и дедукции в лингвистическом исследовании. Доклад Н. Е. Фроловой (Горький) был посвящен некоторым вопросам развития инфинитива в романо-германских языках. Б. М. Балин (Калинин) сделал доклад о статистических наблюдениях над зависимостью видовой обусловленности от грамматической и лексической семантики в германских языках. В докладе Е. А. Реферовской (Ленинград) был освещен вопрос об английских кальках во французском языке Канады. В докладе А. Н. Гуляева и А. А. Хадеевой-Быковой (Орехово-Зуево) была предпринята попытка классификации языковых множеств на математической основе.

На заседаниях секции синтаксиса было прослушано 30 докладов. С докладами выступили: Л. С. Сержан (Орехово-Зуево), А. А. Завагин (Москва), Т. Р. Котляр (Саратов), В. Д. Ившин (Коломна), В. Г. Беркаш (Харьков), В. М. Бирман (Кемерово), И. М. Жилин (Краснодар), Г. А. Тронина (Ижевск), З. Р. Лопатина (Москва), Т. Н. Щипкова (Смоленск), Б. И. Ваксман (Калинин), И. Я. Гальперин (Орехово-Зуево), Л. Б. Иванова (Москва), И. Б. Миная (Челябинск), Т. А. Некрасова (Челябинск), М. П. Мещерякова (Свердловск), Р. Я. Васильева (Глазов), Л. А. Остапенко (Москва), Н. В. Лисова (Ленинград), Г. П. Богуславская (Псков), Я. Г. Биренбаум и Е. С. Смущкевич (Магнитогорск), Н. А. Штейнберг (Ленинград), В. В. Вычегжанин (Киров), И. Г. Сапрыкина (Горький), В. И. Шкарупин (Пятигорск), Л. М. Черкашина (Орехово-Зуево), П. И. Шлейвис (Москва), Л. А. Королев (Сыктывкар), И. М. Митрофанов (Чебоксары).

Все прочитанные доклады могут быть разделены, в основном, на три группы:

1) доклады, посвященные изучению предложений, например: И. В. Ившин «Коммуникативное членение предложений с начальным *it*», Л. Б. Иванова «Придаточные предложения с союзами *when, while, as, after*» и др.; 2) доклады, рассматривающие вопросы словосочетания, например: Л. М. Черкашина «Трансформационный потенциал предложений словосочетаний с темпоральным значением в английском языке», П. Я. Васильева «Структура адъективных словосочетаний с наречием в функции зависимого компонента в современном английском языке» и т. п.; 3) доклады, предметом рассмотрения которых явились члены предложения, например: М. П. Мещерякова «Фразовое сказуемое и способы его выражения в современном английском языке» и др.

На заседаниях секции морфологии было прослушано и обсуждено 20 докладов. С докладами выступали: А. Б. Прокорихин (Тобольск), Д. А. Волкова (Глазов), В. Я. Мыркин (Архангельск), Э. Х. Ротт (Челябинск), М. А. Бельская (Челябинск), М. Т. Есаулкова (Свердловск), А. Б. Горштейн (Краснодар), Ю. Л. Левитов (Калинин), М. С. Веденькова (Челябинск), В. В. Захаров (Улан-Удэ), Л. Б. Гарифулин (Челябинск), В. Ф. Егоров (Калуга), Л. М. Минкин (Харьков), Н. И. Волобуева (Тамбов), Е. С. Посвольская (Орехово-Зуево), И. А. Кузнецов (Свердловск), И. В. Викторова и Г. А. Лысова (Иванова) (Челябинск), В. В. Авдеев (Пенза), М. Ф. Чикурова (Орехово-Зуево).

В большинстве докладов рассматривались проблемы, связанные с различными частями речи: В. Я. Мыркин «Ареальная характеристика личных местоимений в германских языках», М. С. Веденькова «О настоящем историческом в немецком языке», М. Ф. Чикурова «К вопросу о парадигматической противопоставленности глагольных типочформ в английском языке».

Были освещены также отдельные вопросы грамматического значения, например: Л. М. Минкин «К взаимодействию лексических и грамматических значений», аспектологии, например: И. А. Кузнецов «Двойной характер предельности переходных глаголов в современном английском языке».

На заседаниях секции лексикологии выступали И. А. Наумова (Свердловск), В. Т. Ковальчук (Ош), О. Г. Чертищева-Гальперина (Свердловск), О. Н. Пономарева (Горький), З. Н. Морева (Москва), Г. Н. Панкрац (Алма-Ата), П. К. Макаров (Коломна), Я. И. Гельблю (Уфа), М. К. Брагина (Челябинск), С. Д. Береснев (Сверд-

ловск), Н. М. Булавин (Орехово-Зуево), Г. И. Коротких (Кемерово), Л. Г. Маршипина (Свердловск), А. С. Вавилина (Коломна), Б. П. Годунов (Сыктывкар), А. Н. Лисс (Ош), В. В. Левицкий и Н. Ф. Пелевина (Москва).

Более половины докладов было посвящено вопросам фразеологии: Г. И. Коротких «О семантическом аспекте изучения фразеологических единиц», А. С. Вавилина «Фразеологические обстоятельственные единицы и их продуктивность в современном французском языке», и семасологии, например: З. Н. Морева «Структурно-семантическая характеристика прилагательного и ее отношение к валентности», В. Т. Ковальчук «К вопросу о полисемии слов» и др.

В ряде докладов была затронута проблема заимствований, например: М. К. Брагина «Англицизмы в произведениях современных французских писателей». В отдельных докладах освещались также некоторые вопросы лексикографии, например: С. Д. Береснев «О слове и смежных явлениях в связи с составлением вероятностных словарей».

На секции стилистики с докладами выступили 11 человек: С. И. Кауфман (Коломна), Г. М. Поломошних (Искон), Б. А. Князев (Челябинск), Л. А. Хахам (Саратов), Г. С. Шеффер (Елабуга), С. Б. Эстулина (Ленинград), Э. М. Тэули (Курган), С. С. Беркнер (Воронеж), Л. В. Сидорченко (Петропавловск-на-Камчатке), В. М. Аврашин (Курган), П. Ф. Монахов (Калуга).

В большинстве докладов рассматривались стилистические особенности отдельных произведений художественной литературы. К их числу можно отнести, например: С. С. Беркнер «Стилистическое использование лексики и образных средств в романе Джека Лондона „Мартин Иден“». Следует отметить доклад С. И. Кауфмана «Языковые средства выражения безличности», основанный на статистических данных.

Некоторые доклады были сделаны на материале стилистического анализа переводов, например: Б. А. Князев «Способы передачи разговорной лексики с русского языка на английский».

На секции словообразования было прослушано семь докладов: Л. К. Любецкий (Саратов), Р. Л. Итенберг (Челябинск), Х. М. Гойдо (Челябинск), Л. С. Ковшова (Москва), В. М. Махортых (Грозный), Т. С. Докунина и Я. Г. Биренбаум (Магнитогорск), С. Ф. Леонтьева (Москва). Ряд докладов был посвящен вопросам аффиксального словообразования, например Х. М. Гойдо и Л. К. Любецкого.

Б. А. Князев (Челябинск)

CONTENTS

Discussion of general and Slavonic etymology: O. Szemerényi (Freiburg). Slavic etymology in relation to the Indo-European background; E. A. Makae v (Moscow). Reconstruction of the Indo-European etymon; O. N. Trubačev (Moscow). Work on the «Etymological dictionary of Slavic languages»; Fr. Bezla j (Ljubljana). From the workshop of the «Slovene etymological dictionary»; F. Sla wski (Krakow). From the experience of work on the etymological dictionary of the Polish language; G. Barczi (Budapest). On the state of contemporary investigations of Hungarian word-stock; J. J. Varbot (Moscow). Structure of word-formation in etymological groups; **Materials and notes:** M. V. Vitov (Moscow). North-Russian toponymics of the XV—XVIII centuries; **Critics and bibliography; Scientific life.**

SOMMAIRE

Discussion d'étymologie générale et slave: O. Szemerényi (Freibourg). L'étymologie slave à la lumière des données indo-européennes; E. A. Makae v (Moscou). Reconstruction de l'étymon indo-européen; O. N. Trubačev (Moscou). Travail au «Dictionnaire étymologique des langues slaves»; Fr. Bezla j (Ljubljana). Quelques résultats du travail au dictionnaire étymologique de slovène; F. Sla wski (Cracovie). Travail au dictionnaire étymologique polonais; G. Barczi (Budapest). L'état d'investigations contemporaines du vocabulaire hongrois; J. J. Varbot (Moscou). Formation de mots des éléments des groupes étymologiques; **Matériaux et notices:** M. V. Vitov (Moscou). Toponymes de Russie de Nord de XV—XVIII siècles; **Critique et bibliographie; Vie scientifique.**

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. С. Ахманова, В. В. Виноградов (главный редактор),
В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), *П. С. Кузнецов, Э. А. Макаев,*
М. В. Панов, В. З. Панфилов, И. И. Резвин, Ю. В. Рождественский,
Б. А. Серебrenников, Н. И. Толстой (отв. секретарь редакции), *О. Н. Трубачев*

Адрес редакции: Москва, К-31. Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Б 8-75-55

Технический редактор *К. И. Игнаткова*

Сдано в набор 11/V-67 г.	Т-09963	Подписано к печати 17/VII-1967 г.	Тираж 6150 экз.
Зак. 2685	Формат бумаги 70×103 ¹ / ₁₆	Печ. л. 12,6	Бум. л. 4,5
			Уч.-изд. л. 14,8

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10